

Др63.31
14-49

И. В. ЧЕРНОВ
(1825 - 1902)

РФ-ГА-294276

PP-CR-294176

P. O.

БИБЛИОТЕКА
ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНОГО
АЛЬМАНАХА

№ 1743

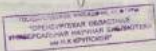
ЗАМЕТКИ

ПО ИСТОРИИ ОРЕНБУРГСКОГО КРАЯ

ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА

ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА ЧЕРНОВА

(ИЗ ПОСМЕРТНЫХ МЕМУАРОВ)

0204276

РРСА-254246

орб3,31

У-49

Чернов И.В. «Заметки по истории Оренбургской губернии генерал-майора И.В. Чернова». Оренбург: Оренбургская губерния, 2007 г. 272 с. Серия «Библиотека историко-литературного альманаха «1743»

63.3631-402-8

БИБЛИОТЕКА ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОГО АЛЬМАНАХА «1743»

Издатель Игорь Г. Пальков

ИЗДАНИЕ

ОБЩЕСТВО С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ

Подготовка текста и публикация, предисловие, комментарии доктора исторических наук, профессора Д.А. Сафонова

ОБЩЕСТВО С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ

© Д.А. Сафонов

© И.Г. Пальков

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«ОРЕНБУРГСКАЯ ГУБЕРНИЯ»

460014, г. Оренбург, ул. Пушкина, 10

тел. 8002 533 8822 e-mail: oreninfo@orenburg.ru

Подписано в печать 5 января 2007 г.

Тираж 500 экз.

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Без малого тридцать лет назад попал мне в руки том «Труды» Оренбургской Ученой Архивной Комиссии с «Записками» Ивана Васильевича Чернова. Ленин для меня эта книга стала панацеей на дух, что определяла мой интерес к истории Оренбургского края. Можно сказать, что я мысленно пережил этот труд и всю жизнь издательство «Оренбургская губерния».

Сегодня мы держим в руках не просто переиздание, а постоянно обновляемую работу, так как благодаря стараниям историка Д.С.Сидорова сокращенный читатель впервые видит текст в полном объеме, а там, в котором он вышел из-под пера автора.

Данная книга является только началом. Планируется второй том, в котором найдет место много дополнительного материала. Здесь и статья Сидоренкова об И.В.Чернове, помещенная в XVIII томе Труды ОУАК, здесь же планируется поместить приложения и развернутые комментарии. Думаю, не безинтересно будет прочитать, сколь часто «непрофессиональные» заметки отставного казачьего генерала служили основой для пересказа «профессионалами». Но мой взгляд очень странно, что Иван Чернов не входил в круг тех, с кем писали как и заметные люди Оренбургского края. Попытка было оправдана потому, что тексты и заметки Чернова входили в сами работы авторов. Надеемся, что издания И.В.Черновым наблюдаются до сих пор. Например, в словаре «Литературный Оренбург» (2006 г.) можно встретить тех, чьи «творения» процитированы лишь вкратце, а имена людей и нет имени автора «Заметок».

С выходом настоящей книги, мы надеемся, что ученые и общественность наконец увидят вклад Ивана Васильевича в нашу историю.

Игорь Пыцкий

«Записки» Ивана Васильевича Чернова известны сегодня практически всем, кто интересовался и интересуется оренбургской стариной – не только специалистам-историкам, но и краеведам, и просто любителям. Убежден, что не у одного ценителя берякося сохранилось дома уже жарено обобщивший томик «Труды Оренбургской Ученой Архивной Комиссии за порядковым номером 100», где были опубликованы эти записки. Опубликовали свет в 1907 году и с тех пор остаются источником, откуда черпают сведения многие авторы, особенно пишущие об оренбургском губернаторе, порой даже не указывая происхождения текстов.

Причина такой популярности, конечно же, не в литературных достоинствах записок. Так уж получилось, что это единственный значительный по объему источник мемуарного характера местного происхождения, которым мы располагаем по XIX веку.

Мы более осведомлены об истории публикации рукописи, нежели создатели ее. Написаны эти воспоминания были И. Черновым где-то в интервале между 1891 и 1899 гг. В пользу этого говоритто, что в отставку он вышел в 1891 г., и конечно же, только тогда смог записать записки, а завершаются мемуары рассказом о начале управления краем В. Я. Еришова, занимавшим пост в 1892–1899 г.

По официальной версии воспоминания «были найдены после смерти автора в его бумагах и переданы для издания Архивной Комиссией» душеприказчиком Чернова С. Севастьяновым, Александри Васильевича Чернова – сестра покойного автора – «в память дорогого брата» пожертвовала 400 руб. на их издание. В предисловии к публикации особо подчеркивалось, что без этого дара «при недостатке средств у Комиссии, мемуары «сидели бы мертвые тогда небудь, появились на свет». [Труды ОУАК. – Т. IVB – С. 2.]

«Записки» неоднократно подвергались «добровольному» редактированию. С. Севастьянов передал их в ОУАК «с условием, что при издании «Записок» не был будет взято все, что касается свайсому изданию событий или лиц, еще до ныне здравствующих». С этой пометкой на текст смотрел сам Севастьянов, а затем «Записки» многократно были просмотрены членами Архив-

ной Комиссии и многою по постановлению комиссии из них опущено». Внес свой «выпад» и И.Шушанин, дополнивший текст к публикации. В итоге текст оказался значительно короче, нежели был на самом деле.

Как писалось в предисловии к изданию 1907 г., поданная рукопись идет, «когда наступит суд истории для поданных еще событий и их участников». Думается, теперь, по истечении почти столетия, это время наступило и «замысли по истории Оренбургского края генерал-майор Ивана Васильевича Чернова (из посмертных немуров)», как они назывались в рукописи, могут наконец увидеть свет в переизданном виде, утратив исключительный и сокращенный.

Что же представляет собой сама рукопись? Она достаточно объемна, текст написан чернилами на двойных (публичные) листах большого формата. Порой он достаточно густой для прочтения - по какой-то причине автор очень не хотел перебивать с листа на лист выделение очередного сюжетного блока. Поэтому, примерно на середине последней страницы, обнаружив нехватку места, он вдруг начинал мять бумагу, видимо, стремясь уместить все в рамках. В самом низу страницы строка порой погибала в сторону на левую, две точки беспрерывным полукругом упирались еще несколько строчек. В исключительных случаях, когда я это не помогало, автор ставил значок - крестик (x) - и вписывал очередные раскладки куда-нибудь в подделок листа, на свободное место на полях. Последний прием совершенно необязательно был расценен первыми публикаторами, как окончание описки-примечания. На самом же деле, примечаний у немуровиста в тексте нет.

Определенную трудность представляет и сам текст - автор очень не в ладах с пунктуацией. Он умудрился писать длинными предложениями на пол-страницы без запятой, а порой и без точек - начинал при этом новую предложение с прописной буквы.

Рукопись, дошедшая до нас, неполна. Очерковность листов в крайнем деле не соблюдена. Судя по всему, рукопись компоновалась минимум три раза - некоторые страницы имеют по три порочных номера - так д. Задыкина дата пронумерован так же как стр. 34-37 (в публикации этот текст находится на стр. 144). Некоторые листы просто утеряны - в отдельных случаях распор объясняется, а в иных - начинаются с перемены брала. Полноты

тью отсутствует блок материала, охватывающий период 20–40-х гг. XIX в. В то же время в надписи страницы, не вошедшие в публикацию.

Поскольку полной историей подготовки рукописи с печати мы также не располагаем, то можно только строить предположения об этом. Вероятнее всего, первоначальную работу с рукописью, выразившуюся в ее сокращении и подготовке некоторых примечаний, проделал С. Н. Севастьянов. Нам кажется, что именно ему принадлежал редакторский синий карандаш, следы которого видны в рукописи: большинство пометок именно такого характера, а некоторые из небольших дополнений так и не были в итоге использованы в книге. Скорее всего, именно он разбил сплошной текст, каков он является на самом деле, на главы по губернаторам с указанием года их правления. После его смерти в 1907 г. Комиссия поручила довести дело до конца «правительству» ЮВА И. С. Шумицкому. Как написано в предисловии, Шумицкий взял на себя труд перепечатать и подготовить для печати рукопись, восстановившей. Книга эта не сохранилась. Можно предположить, что отсутствующий в авторском экземпляре блок по 20–40-м гг. был вытетен им и без моментальной вставки в книгу.

И С. Севастьянов, и И. Шумицкий как историки в сохранившийся оренбургской краеведческой литературе оцениваются достаточно высоко. Действительно, за каждым из них был ряд работ, опубликованных в «Трудах Ученой Комиссии». Однако нужно сказать прямо — оба редактора не обладали навыками и умениями для того, чтобы создавать действительно исследовательские работы и следовательно не представляли себе, как следует работать с источниками. Они были очень чистоплюйными краеведами, искренне увлеченными историей и прошлым оренбургского края, оставаясь при этом любителями. Любители-непрофессионалы, как правило, свойственны чрезмерное представление перед армянным фактом, воспринимаемым как бесспорная истина, и некоторая небрежность в обращении с источниками — главным, как им кажется, это передать суть текста. Специального исторического образования не имел ни один из публикаторов. Сергей Николаевич Севастьянов был помощником адъютанта штаба Оренбургского казачьего войска, есаулом. Иван Степанович Шумицкий преподавал в мужской гимназии, при

этот вообще не имел высшего образования. Непрофессионалы в их трудах могли внести работы есть в массы своей территории найденных в архиве комсомольцы интересные дел без какой-либо критики источников, попыток перепроверки данных и т.п. В отношении же рукописей мемуаров публикаторы не только могли для возможным внести самостоятельные исправления, но, помимо, вообще не имели предоставления о осуществлении определенных права публикации исторических документов. Некоторые исправления орфографии, даже слова, сдвинутые в публикации, были вполне допустимыми и уместными. Но, к сожалению, редакторы пошли дальше - допустили правку, меняющую порой суть рассказа.

Отказано чувство меры публикаторам и при составлении сносок - отдельные примечания не имеют определенный интерес и достаточно уместны, но некоторые не выдерживают никакой критики - чего стоит пространное цитирование С. Седастыным указа Оренбургской губернской канцелярии от 10 июля 1757 года в плане, посвященной Крыжановскому (65-70-е гг. XIX в.).

Порочностью даже замысел заключался в полном воспроизведении издания 1907 года с механическим копированием пропущенных мест рукописи (идеально в идеале вообще не надо вставлять набранный с прежней орфографией). Однако вскоре стало ясно, что этот вариант не пройдет. Подлинный, «первоисточник», не в отдельных местах без небольшой стилистической правки, сделанной публикаторами, был явно хуже, чем интереснее. Публикаторы отказались от публикации 1907 г. оказалось невозможным еще и потому, что рукопись оказалась неполной, и в отношении некоторых глав публикация вообще выполняет роль исторического. Отдельные слова, которые публикаторы по непонятным причинам сочли нужным исправить, мы исправляем не авторские, не авторские исправленные слова. В том случае, когда правка, на наш взгляд, меняла язык изложения, вариант публикации приходится в скобки. В квадратные скобки () заключены слова, которых нет в рукописи, но присутствии таковых требует стиль изложения - это вставки публикаторов, а также наши (мы старались не злоупотреблять этой возможностью). Пропущенные места рукописи выделены особым шрифтом. Как уже отмечалось выше, авторский текст был сплошным, разбитым на главы - по губеркторам - сделана поправка. В интересах со-

сданием законченного облика новой публикации, мы вынуждены были продолжить эту методику, озадачив дополнительно главы ХХ-ХВ и указав годы правления последних губернаторов. Повторены все сноски, сделанные в книге. Мы снова возмущаемся продолжением традиции, рассудая, что если в начале XX в. губернаторам было дозволено сделать свои дополнения к рукописи, то и в конце XX столетия это допустимо. При создании некоторых биобиблиографических справок использованы данные, предоставленные В.Семановым. Особая благодарность Е.Н.Половой, зам. отдела государственного архива Оренбургской области, оказавшей неоцененную помощь в работе с рукописью.

«Запискам» И.Чернова свойственны все те черты, которые есть у историков личного происхождения – во многих случаях они несут субъективную окраску в оценке лиц и событий. Важно отметить на вопрос о цели написания мемуаров – ответ дан: «возможность описать историю, историю жизни автора». Фактом же, служащим основанием для утверждения того, что процент объективности суждений был достаточно высок, является то обстоятельство, что мемуары свои И.Чернов писал исключительно для себя, не ставя ни претензий на их публикацию немедленно при жизни, и не претендуя этого после смерти. Конечно, автор желал, чтобы с ними в конце концов ознакомилась (в ином случае они вообще писались?), но явно не стремился (думается, по тем же побуждениям истинным, какими сопровождал слог размышлений С.Савастьянова) к их публикации.

Полный текст воспоминаний убедительно свидетельствует, что на протяжении всего времени, когда «Записки» были известны читателям, их воспринимали не так, как следовало. С легкой руки публикаторов, разбиравших текст на главы «по губернаторам», утвердилось мнение, что это воспоминания именно о «порочных людях» губернии. Некоторым подтверждением этого вроде бы служили слова самого автора, что «из слов бывших современниками основателя Оренбурга, в моей молодости еще живших, но уже стареющих, я слышал сличившиеся у них рассказы о первых губернаторах, наиболее памятных в народе». (Труды ОУАК. – Т. XVII. – С. 15.) Во всяком случае, именно так по-

на его первый биограф С. Сивастьянов, писавший в некрологе, что Чернов, удалившись от дела, «принялся к составлению биографических указаний о бывших главных начальниках Оренбургского края» [Труды ОУМ. - Т. ХVIII. - С. 13].

Возникает предположить, что подобная установка также повлияла на работу с текстом при подготовке его к изданию. Кроме сокращений, если так можно выразиться, «полустинского» характером, изымались те детали, подробности, частные истории, которые ничего не давали к образу того или иного губернатора. Публикаторы выбросили, как лишнее и ненужное, массу подробных деталей. А между тем, даже авторская заглавная поворт, что это - «замечен по истории Оренбургского края». На примере этих мемуаров хорошо видно, что такое время, публикаторы отбрасывали, как им казалось, за ненужностью, частности и мелочи, а в итоге, многое из того, что они показали за собой, важное, сегодня таковым не является - и это можно считать почти в любой книге по истории края. А мелочи и частности, скорее всего считавшиеся общедоступными тогда, приобрели особую, специфическую ценность.

Ходячие информативности сведений, приводимых И. Черновым, вполне приемлемы слова, сказанные несколько ранее отнесительным другом, не менее известной краеведческой работы. Речь идет о книге В. М. Черемданского «Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношении», изданной в 1859 г. Ак. Игнатьев, давал в «Оренбургские губернские ведомости» отзыв о ней. В частности, заметил, что Черемданский оособлял ввиду то, что каждый из жителей Оренбургской губернии знает поменьше и отрывками... [Оренбургские губернские ведомости. - 1861. - №32.] Носивший перифразировать это суждение, можно сказать, что Чернов написал о том, что было известно многим его современникам. Названное мемуаристом в конце своей есть сведения, которые были в принципе известны людям того круга, в котором находился И. Чернов. Сам он достаточно часто говорит об оренбургской «натуральной» и которой он относил и себя. В данном случае мы имеем дело с интерпретацией в «бурбуринском» варианте - имеются в виду в первую очередь люди определенного образования, чина, происхождения. То, что знал и запомнил Чернов, есть своеобразный прием исторической памяти

образованной части оренбургского населения, людей, состоявших на службе. Поэтому и воспоминания достаточно избирательны, индивидуист значительно больше охотно отслепивает перестановки чиновников, нежели кажется действительно важным событием в жизни края. Так, хотя Сивастьянов даже особо подчеркивал, что бабушка Чернова, будучи десяти лет от роду, помнила осаду Оренбурга Пугачевым и «подробности того времени охотно передавала слушателям» (Труды СИАК. - Т.ХVIII. - С.6.), тут же в своем воспоминании не упомянул о пугачевщине и словом, а то же время сообщая кое-что из значительно более раннего времени - эпохе Наполеона. Точно так же мы только от Сивастьянова узнаем, что А.С.Пушкин, во время пребывания в Оренбурге, обратился к восьмилетнему Ване Чернову с вопросом. Сам Иван Васильевич не считал нужным даже упомянуть об этом. При этом он неоднократно демонстрирует пылкость ума, заинтересованность к происходящему.

У Чернова особая, видимо, свистящая чиновнику, служилому людю, ценность исторических знаний, ценности воспоминаний, ценности сведений, достойных упоминания.

Показательно не представляем, которые существовали тогда относительные оренбургские «доксибристы» конца 20-х и пятидесятых годов 30-х гг. Научная вероиятия события дается в примечаниях к основному тексту.

И. Чернов создан для потомков табулет, полностью утвержден для нас область жизни города Оренбурга, как его мифологию - все эти легенды, апографы, анекдоты, которые неизбежно существуют в любом населенном пункте, и о которых знает все, и которые бесследно исчезают, когда уходит поколение, их принявшее. Здесь же - это истории про свинью-оборотня, огненного змея и многие иные.

Интересно, какое впечатление сложилось у читателяго полное воспоминание впервые, но мы были весьма поражены тем контрастом, который обнаружился при чтении. Из книги создавался основательный образ отставника-чиновника, пишущего обихаживаемыми фразами о достаточно известных вещах, можно сподобиться сказать что-нибудь лишнее - в обиход, «мелочам разумной изрядины». Из русского языка слышим иной человек - наблюдательный, остроумный, порой даже злой, способный на решительные действия, некое не мыслимое для чиновника

Единогласия у его мемуаров нет – рассказчик представляет собой своеобразный «поток сознания» – автор вспоминает свои жизни, и происходит при этом ему перед глазами для удобства изложения. При этом, вспоминая, автор, надо ли без утайки, приводит точные даты и имена, не играющие особой роли для сюжета, но позволяющие автору продемонстрировать свою память: «часть еще порою в пороках» (Чарнов). Чернов не возможности не старался называть людей, сообщавших ему тот или иной факт, упоминал подробности – да и при каких обстоятельствах. Так, о Губернаторе Н.Бажматъеве (начало XIX в.) он слышал от В.М.Смолинского, упомянул при этом, что тот умер в 1853 г. О Губернаторе Г.Волконском – рассказывали его отец, уездный казначей А.Романовский, казначей уездной Н.Ситников, войсковой атаман И.Подуров, какой-то чиновник в 1842 г. (Чернову было 17 лет). Об Эссене – графе Крюкена-Бенбордети в 1855 г., титулярный советник В.Н.Астафьев в 50-е гг. Собственные воспоминания начинаются с начала 30-х гг. – повествуя о губернаторе П.Сукотоме (1830-1833), он говорит: «я помню...». Описывая Оренбург в 1830 г., автор рисует фразу: «когда я стал понимать окружающее меня...». Но все же действительно мемуары начинаются фактически с главы IX, где говорится, что при губернаторстве В.Перовского (1851-1857). В эти годы И. Чернов уже был совсем взрослым человеком, находился на службе, был непосредственно в гуще событий. Показательно, что повествуя о первом сроке губернаторства Перовского в 1853-1862 гг., он больше говорит о событиях этого срока, как было ему известно и в памяти.

Чернов действительно приводит немало ценных биографических сведений о бывшем главном начальнике Оренбургского казачьего периода середины XVIII – начала XIX веков, давая порой неожиданным штрихами яркую характеристику деятельности, профессиональные и человеческие качества. И все же в центре внимания мемуариста не был, а чиновничья служба самого автора. Достаточно показательны, что самой подробной и содержательней является та часть воспоминаний, которая описывает период службы – если сюжетность повествования по началу XIX в. можно объяснить молодостью автора и отсутствием его собственных наблюдений, то неординарную яркость за 80-е годы приходится обуславливать выходом Чернова в отставку.

Понятие личного, «Зеленом» содержит большой пласт другой рода информации - о чиновничьей среде, государственной службе в провинции.

Очень показательны пропуски, которые были допущены при публикации, но сохранились в рукописи. Стремимся обойти «острые» углы, публикаторы сознательно не пропустили многочисленные примеры, приводимые автором, относящиеся друг к чиновничьей среде, складывая и пристраивая, к которым он был причастен, либо был свидетелем.

Агресс, судя по всему, было немало. Чего стоит неоднократно отмеченная И Черновым история вновь назначаемых губернаторов менять всю чиновничью верхушку губернии, доставляя на важные и денежные посты «своих» людей - родственников либо приближенных с прежнего места службы. Со знанием дела, испытав все это на себе, автор рисует картины и методы «чиновник» нужные постов от ненужных лиц. Управленческий аппарат губернии прикрывался в свои, замкнутый мир, где процветало казнокрадство, взяточничество, кадырлам, а все прочие вкратце пробыли, нуждающиеся в срочном перформанном вмешательстве и инициативе, вноси в бюрократической рутине.

При всем при этом И Чернов не пытается заново «сводить счеты» с чиновничьей верхушкой, воспевают прежние обиды. Он просто фиксирует все эти факты, стараясь быть справедливым, признавая за отдельными высшими чиновниками положительные человеческие качества, иногда профессионализм. Но все же значительно чаще отмечалось неумение управлять. Как не удивительно, но профессионализм был едва ли не последним условием, по которому определялась дистанция кадров.

Описывая жизнь того общества, которое он знал не понаслышке, автор «Зеленом» фактически дает социальный обзор всего российского провинциального чиновничества 2-й пол. XIX в. Несколько жизненных ситуаций могут найти и поводы этой среды, мы представляем читателю возможность сделать выводы самостоятельно.

В действии воспоминания Чернова (подчеркнем - личные воспоминания!) разрушает некоторые исторические стереотипы, сложившиеся в сознании масс уже достаточно давно. Еще в первые годы перестройки, когда начали рушиться идеологические запреты, ранее допускавшие только одну версию деятельности

царские слуг, губернаторов, в местной прессе потоком полились вольные статьи об орлобургом губернаторах. Намеканы они все были в очень специфическом манере – все губернаторы, как правило, выглядели умными и деловыми государственными людьми, едва ли не меценатами, поощрявшими науки и искусства, патристами России и т.п. Практически среди них не было ни одного недостойного человека. Трудно объяснить, почему так вышло – то ли авторы так стремились подчеркнуть отличие от проводимой недавней «советской» поры, то ли причина в источниках, к которым авторы прибегали. А пользовались они, естественно, публикациями дореволюционной эпохи, когда традиция требовала восхваления. Исторический непрофессионализм сыграл с авторами эту шутку – стремясь уйти от теперешнего «марксистского» взгляда на прошлые, они, сами того не ведая, оказались заложниками другого подхода, оценившего всего тонкостью до наоборот. Так на фоне царского самодержавия предстали ангелы. «Записки» Черныш (или сокращенном варианте) были не единственным, но весьма основательным источником для работ подобного рода.

Вот только, ознакомившись с полем тонкости, будет удивлен тем впечатлением, которое неизбежно возникает. Многие замечания, столь часто повторяемые заслугам того или иного губернатора, нередко основывались, оказывается, не фактах, но вполне действительных фактах. Особенно это заметно на примере графа Перовского. Достаточно мифологизированного образа утвердился настолько прочно, что покушение на него основательно едва ли не с кознями. Действительно, Перовский был личностью, деловой, активной, упорно идущий к цели. Но это не исключало так отрицательная черта его характера, которая подчеркнута была Черныш. И в итоге этот выдающийся человек предстает во всей красе, одновременно деловой и властный, остроумный и авторитарный. Вообще даже удивительно, как никто из повелителей Перовского, «не заметил» такой тонкости, как такая демократичная и прогрессивная фигура, как он рисовался на страницах публикаций и романов Перовский, может быть очень близка к тому человеку, как империатор Николай I, традиционно же изображаемого совсем другим, если не сказать хуже. А ведь Перовский был царем или не другим, а все-то не верится, что царь мог прибегать к

собою человека, столь с ним несхожего. Например, они оба обладали сложным сочетанием качеств: настоянность, граничащая с тупой «упертостью», твердое гранибромание к неистовствам, слепая убежденность в своей правоте, нежелание выслушивать иные мнения. Но то, чтобы суждения Чернова были «истинной и последней инстанцией», но все же это свидетельство неизбежно заставит задуматься, может быть несколько подкорректировать облик того или иного персонажа – так, в главе X совершенно неожиданно предстает востоковед В. Григорьев, которого мысленные исследователи рисуют, как человека, увлеченного исключительно наукой.

Осложнение в литературе к мемуарам Н. Чернова возникло – от полного подбрасывания до весьма критических отзывов. Разумеется, для критики есть все основания. В последние годы преобладают именно последние – авторы обязательно отмечают слабые стороны мемуаров, что, впрочем, не мешает им все равно активно использовать таковые. Так авторы-составители книги «Губернаторы Оренбургского края» [Оренбург: Оренбургск. изд-во, 1999], в частности, утверждают, что еще Фредерик Адрианович Комиссаров якобы признавал, что «Замоск.»., как источник ценней воспоминаний, субъективны и во многих случаях пристрастно описывают лица и события». Цитата показана, на самом деле, Комиссаров писал не так: «Замоск.»...«во многих случаях носит субъективную окраску в описании лиц и событий», и ничего там не было о пристрастности, но чтобы об этом узнать, нужно заглянуть в издание «Замоск.» 1907 года. Авторы-составители несколько тринет душой, когда пишут, что мемуары Чернова «оставляют «за кадром» подробности биографий» и «обрываются описанием деятельности Н.А. Крыжановского» в 80-х гг.

Большое значение материалов черновских мемуаров сегодня неизбежно – иным источником такого рода мы не располагаем. Полная публикация записок даст возможность всем заинтересованным читателям узнать много интересного о нашем недавнем прошлом, а также, конечно, позволит возможности определить части, позволяем использовать эти мемуары, выдергивая оттуда цитаты и сюжеты без указания источника.

Д.А. САФОНОВ,

доктор исторических наук.

И. В. ЧЕРНОВ

**ЗАМЕТКИ
ПО ИСТОРИИ ОРЕНБУРГСКОГО КРАЯ
ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА
ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА ЧЕРНОВА
(ИЗ ПОСМЕРТНЫХ МЕМУАРОВ)**

Основанием настоящих моих заметок служит то, что я лично видел, слышал от достоверных людей или взял издал и других источников, несколько не отступая от правды.

Из слов бывших современниками основания г. Оренбурга, в моей молодости еще живших, но уже стариками, я слышал сохранившиеся у них отрывы о первых губернаторах, наиболее памятных в народе.

I.
М. И. НЕПЛУЕВ
(1772-1757)

Тайный советник Иван Иванович Неплюев (1) был разумный, деятельный, не строг для жестокости и требовательный к исполнению таких приказаний, которые не означают, каждое дело доводит до конца, не стеснялся в принятии мер к устранению препятствий. Он строил мирные усмирив второй бунт башкир, казнями им самим придуманными. Но не привел одну. Он приказал пострелять на льду у Сакмары, когда она заморозила ибу, потом выскочивали из собранной толпы по имени башкиры, замеченные в неблагонадежности для делового. Как только шло башкир в ибу, словесно вступил солдаты спускали его в прорубленную прорубь под лед. Таким образом исключали с лица земли все входящие и выходящие на берег, хотя и было словесно, что народ собирается для совещания, но по обычаю ибу догадывались, что входящие в ибу опускаются без всякого шума в воду, и народ с берега разбегался. Эти меры были приняты после неоднократных свиданий на холм и холмистого холмистого в том бунтовщикам, которые не попали в руки правительства.

Когда башкиры, при преследовании их войско, не могли сопротивляться и бежали за Урал в Киргизскую степь, Неплюев разрешил грабить, воевать, осматривать у них скот, жен и детей, брать в собственность, а мужчин обращать в рабство.

Башкиры Оренбургского уезда, когда я был их начальником, передавали мне, что отправлялись в конце 40-х и начале 50-х годов на Сыр-Дарью при заведении на последней укрепление по указанию киргиз выдвиги врагов, высланные башкирами из опротивления, носители доселе не называли.

После усмирения башкиры возвратились на свои земли, были преданы с восстановавшимся из края.

В управление Неплюева отменялась Каргала (Святогорский посад) (2) богатыми татарами Казанской и Вятской губернии для развития в край порывали с Омском и Букарою, откуда приходящие киргизы терпели вранья, доустройства Оренбурга, останавливались в Каргале.

Святогорцы, получив с Высочайшего соизволения известные привилегии, обезьянились, заветы посев хлопца, сорочинского

тапны и мараны. Однако же путь не удался. Неплюев требовал
интерпретации достоинства святы упомянутой достопии, для чего
указав им место нахождения от Оренбурга, в р. Санжаре, по
показанной почтовой дороге на Уфу.

Святошам очистили это место от растущего тут леса, но ни-
чего хорошего не вышло, и оставили лесок за удовольствиям
Неплюева.

Об этом мне говорил протонирей Чиликов, козничной здеш-
ней аптеки, слышавший все от своего отца.

Неплюев, приняв важность развития в крае горного дела,
много содействовал устройству горных заводов горными кон-
вокатом Твордальским Митрофаном (пушковым), построившим
мы Полюбравский, Бугорский, Восточный и другие в
землях Уфимской и Оренбургской губернии. Земли покупал-
ись у бакалейщиков тысяч десятин за небольшую плату, руд-
ные отходы — даром по совместному закону. Пре-
бравский завод купил 100 пудов, за 300 р. и несколько фун-
тов чая; по такой цене покупались земли и для других заводов.

Тут же Неплюев добился о колонизации Оренбургского края
русскими людьми высшего сана; прибывавший сюда народ,
были это бродяги или беглые крепостные чужеземцы, оставались
здесь навсегда на общественном месте, возвращать не было, и на этот
счет сложилась поговорка: «На трибуне не сидят Неплюев
и не сидят, Рычков передает приказ, а Мерзляков записывает, что
и сидеть не разрешает».

1. Искания Иван Иванович - 3.11.1693 (указом «Известно» Рязан-
ской гв. Нижегородской, Нижегородской губ.) - 11.11.1771 (с. По-
добы Нижегородской губ.) Единственный сын неизвестного дворянина
(60 лет крестьян). 6.3.1711 поступил на военную службу в бригае Ф. Го-
тишова. 14.3.1714 по царскому указу в недоросле был переведен
А. Меньшиковым в ретвизе в Нижегородскую полковничью пехо-
ту. 29.6.1715 переведен в Нарвскую полковничью пехоту, через 1 ме-
сяц в составе первого набора был отправлен в ретвиз в оккупиро-
ван в Петербург. 1.10.1715 Морскую пехоту. 21.5.1718 в чине 60
«таблицей» отправлен в Ревель и переведен гарнизонным го-
фом. В сентябре 1718 в чине 27 таб. послан в Венгерию, чтобы по-
слать на службу на галеры и на арестантскую морскую службу в
университет галерии. С 10.5.1717 назначен на службу Венгерско-
й республике, участвовал в войне с турками. 19.1.1719

поступил в Морской кадетский корпус. Вернулся в Россию в 1720. 1.7.1720 держал залочен перед Петром I, получил от императора «в том числе путь (тоже) воевать». Получил чин лейтенанта гвардейского флота, назначен «смотрителем и командиром над строением и версией судна» и оставлен при Петре переименован. 25.2.1721 ушел в Коллегию иностранных дел назначен резидентом в Константинополь, присутств. в исполнении обязанностей с сентября 1721. Вед переговоры и судиле персидских владений и флотах выданных для России условия мира 27.6.1724, по которому в Россию отходила губерния Кавказского моря и окрестности Дербента, Талана, Баку, Махачевы и Астрахань. 25.8.1723 капитан 1 ранга, назначенный 400 душ в Успенно-Желтопольском у. 17.7.1728 присвоено чин капитан-командира гвардейского флота, «в действительности при дворе Терсаком пребывание и присужден и удержан в интересах империи службы». 2.12.1730 присвоено чин вице-адмирала гвардейского флота. В 1732 командирован в 1734 назначен был назначен в Россию. В 1735 назначен первым вице-президентом и назначен присутствующим в Коллегии иностранных дел. Участвовал в Поморском конгрессе 1737. После него послан в Киев «смотреть за делами по территории вассалов», выполнял секретные поручения российского двора. В 1739 участвовал в переговорах по заключению Белградского мира. 7.3.1740 определен Киевским губернатором с наложением комиссии по разграничению земель между Россией и Турцией по рекам Буру и Днепр. В 1737 принимал участие в особом генеральном суде при Сенате (глав. сенатора гл. Д. Панина). В апреле 1740 был издан в Петербург и в связи по специальному распоряжению гр.Остерманна в особую комиссию для исследования вое и присутствия казначей-министра А. П. Витовского. Вместе с М. Ушаковым был назначен следователем, вел допросы. После назначения претвора в сентябре 1740 возвратился в Киев к прежней должности. По указанию Остерманна был назначен Анной Давыдовной архиепископа Александра Невского, а также назначен в Малороссию: вернуть Россию в село Быхово и Павлов (здесь были 2 тыс. дворов - во главе конфедерации владений А. Меньшикова. После кончины 1741 жены, оставившей ему 4 детей, 7.10.1741 жениться вторично на фрейлине А. К. Паниной (1718-1747). После дворянского переворота 25.11.1741 и отстранения Остерманна. Непосредственно арестован и привезен в Петербург, назначен помещиком и арестован. В начале 1742 прощен, освобожден от наказания. Вскоре назначен командиром Оренбургской комиссии и Керчь-Кайсанского орд, что было особенно благоприятным, так как «сильнейшая ограда». По указу

кондачником Неплюевым лично отправлен по одному работнику в каждый Оренбургский край. 1743 – основан Оренбург. 1744 – Оренбургская провинция переименована в Оренбургскую губернию. Неплюев становится первым губернатором. Были развернуты строительные оборонительных рубежей на границе со степью: возданы 5 линий военных поселений, крепостей, редутов. Самарская (3 крепостей, 3 редута), Илецко-Ишанская (4 крепости, 4 форта), Самарская (2 крепости, 2 редута), Ишанко-Ямская (9 крепостей, 16 редутов), Уфимская (9 крепостей, 9 редутов). Устроены Оренбургские каменные тайники (были утверждены в 1745). Приведена работа по заселению края русскими переселенцами. Развитие промышленности: построено 24 завода, 13 металлургических (Воскресенский (1746), Приобручский (1746), Богоявленский (1752) и др.) и 13 лесопильных (Амурско-Петровский (1754), Капал-Ванковский, Курманский, Омский (1757-1758) и др.) Начата разработка каменных залежей в Ишанской Зависи. Развитие земледельческого хозяйства от Средней Азии: преимущественно хлеб и скот (заборот до 1 млн руб.) Обеспечена безопасность караванной торговли. 1752 Неплюев представил в Петербург проект устройства торговли в Ишаней, проект не был поддержан. С 1752 в Оренбурге открыт армянский порт. Оборот торговли в сев. 30-х гг. постепенно отказался от ежегодных казенных субсидий по управлению губернией в 30 тыс. руб. – лицензионный сбор стал до 30 тыс. руб. Неплюев деловит человек Младшего и Среднего Жюль в провинцию религиозного бедности. Установлены регулярные отношения с Хивией – первый хивинский посол прибыл в Оренбург в 1750. Подавлено восстание черкесов и кавказцев. 1747 – татары и башкиры. 1755 – башкиры еще руководителем Батырши. Последнее время направлено против татар. Неплюев изобрел против восставших башкир и татар, татары и башкиры. Было 50 тыс. башкиры с семьями пропущены через казань русские войска через Ям в казань и степи. Кавказ были направлены грамоты, жалованья и т.д. чинами, и отгнаны в казань башкиры. Началась междоусобица войска, ослабились обе стороны, что было использовано для укрепления в крае России. В 1751 г. Неплюев поставлен действительным тайным советником. В 1757 г. начал по состоянию здоровья в отставку. В 1758 был вызван в Петербург, была еще оставлена без должности в отставку. В 1760 г. поступил в службу в чине сенатора и конференц-министра. С 1761-1762 – действительный тайный советник, помощник президента Им. Андрея Первозванного. 1763 – член 3-ей комиссии по конверсии. 16.11.1764 по состоянию здоровья уволен от всех дел, получил 20 тыс. руб. для поддержания дачи и в пожизненное по

дние Чепельскую и Ямновскую вол. на Украине. В 1765 с. потерял статус, упраздн. 1773.

2. Слобода Каргола, или Селовое посел., получило такое название по имени первого поселенца — казачьего сотника Саввы Хавкина. Основана в 1745 с. на р. Каргола, приток притока Савойры, в 13 верстах от Оренбурга. По сведениям П. И. Рычкова, в Селовом посел. насчитывалось 304 дворов (1158 душ м. п.). В середине XVIII в. татары-переводы и толкучие занимали первую место среди купцов, торговавших в Оренбурге.

II.

О. А. ИТЕЛЬСТРОМ

(1761-1792, 1796-1798)

Губернатор, генерал от инфантерии, барон Осип Андреевич Ительстром (1) оставил по себе память раздвинутым и слай Башкирии, управляемой тогда родовыми старшинами, на кантоны (округа с назначением кантонными начальниками из башкир о прямом выступлении. Мера эта служила к внутреннему раздвинуту башкир и подчинению их благосклонным глазам, и чрез подчиненных правительство узнавало нужды народа.

Такое же раздвинутие тогда же последовало для Оренбургских казаков: внутренние станицы поступили в состав кантонов, а прилегающие степи — фельдшты на дистанции. Кантоном у башкир было, с казачьими мамерами, 17 — в Уфимской, Вятской, Пермской, Самарской и Оренбургской губерниях.

У казаков 5 внутренних кантонов, начиная от Слуды и Уфы до Оренбурга, и 5 дистанций по р. Уралу.

Раздвинутие это существовало у башкир до 1860 г., и у казаков до 1841 г., когда после изданных для каждого народа поправлений последовали скорые раздвинутие содвину по указам, а последние на полковые округа.

1. Ительстром Осип Андреевич — 1746 (?) — 1817 — Самарский и Уфимский павлов-губернатор. 1784-1792, Оренбургский военный

да, как казачина, так и солдатина, жившими в немине усадьбе в Георгиевский садик, где тогда расположен был артиллерийский парк (1). В городе остались одни каменные чинарники, они были вырублены на это время, и распоряжение это было подтверждено на два года во время управления воинского губернатора Эссена, с чем я выдал напрямую в архив канцелярии губернатора. С переводом в парк канцелярии в форштадт (2), парк был вскоре выведен из Оренбурга, во время войны с французами 1805-1807 гг.), и в это же время ушел становился в Оренбурге для покупки и один казенный парк, (известный) под названием Оренбургского драгунского парка.

Одним из офицеров его, Капитанов, служил потом здесь уездным стрелком до 1845 г., в котором умер.

Одного из почетных проков солдаты, по ослаблению их, офицера, генерала Бахметьева, много обижали и даже грабили горюшки, одна на них не было, как говорил мне Вас. Мих. Смирнов, лично повелевание Бахметьева, Смирновым умер в 1853 г., на против месяца и числа.

1. В саду при доме купцовых Павловых, что против Георгиевский парк, при котором он находился в то время. Это подтверждает свидетельство генерала Чернышова об артиллерийском парке. (Грам. С. Н. Севастьянова)

2. Из дел видно, что это было при Эссене, когда составлялись и планы на дом форштадта. (Грам. С. Н. Севастьянова).

IV.

КНЯЗЬ ГАЗОЛЕОНСКИЙ

(1803-1847)

Князь Григорий Самойлович Газолевский (1) был назначен на место Бахметьева в 1805 или 07 г. (2).

По общему отзыву (из) был человек старый, но способный для военной службы, которая требовалась от военных в то время, со странными и привычками, розой отличавшимся от обычных условий жизни: ходил по городу в ночном кафтани, сшитой вурты и простыми панталонах, при встрече с женщи-

ной, если быто хорошему делу, [исполнял], краснел, [улыбался], делал добро, который за ним носил лавый или самарянин; и когда уезжал далеко из город, уставал [и подсаживался] (3) в придорожном с людьми крестьянам. (4)

Был такой случай. Князь самоволя устал от пешей езды [и] пришел на санях с дровосек. [Увидя это] (5), конюхи гнали его (6) с воза, говоря, что лошади гудят [и] с трудом возят дрова: «Я сам могу поехать, а ты лошадь на воз! Прочь с дороги! А то - владыка!» и показывали кулак (7). Князь, не вытерев на упряжь, остался в санях. При выезде в город через Самарские ворота (8) стоявший там на гаубарде военный каруль выскочил отдать честь, барабанщик был в барабан, офицер перед фронтом команды. Мужик испугался и сказал: «Это тебе, барин, отдадут честь? Скажи, барин, кто ты такой? Да Бога ради прости меня за грубость».

Князь указал упряжь, в которую ехать, а мужик думает: «Должно быть в постыло, отступит [там] меня на спаву, что я вдумам не забуду передать».

Мужик едет, а князь на возу. Подымаю в дому. Там на доске встречают господ с поклоном, князь прискакал ехать у мужика всю дроз и видеть за них шадрую пашу.

Отца мой передавал мне, что возвращаясь в товарищам из школы обучать, встретил князя у Орожи ворот: тот потребовал его к себе, приказал сесть у него с ноги саней, потом снова поднял. Князь поехал далее, сказал «спасибо». Так как все это происходило в двубоюм каруле, тогда-тогда, да и на то, осподом: «А что тебе дадено?» Тот сказал, что рубль [счит] во всем на то.

«Сколько считал? А вывел стоим, хотя бы привели» - и то было бы благополучие.

В оураости и отца мой не получил ничего.

Князь Волынский, проезде иногда, брал медные деньги в народ, особенно в большие праздники, как св. Пасха, Троица, Воздвижение.

Такой странный и приудный образ жизни, конечно, был известен в Петербурге, и говорили, что князь не раз высылал письма, но не прямо отвечал, что не поедет, потому что тогда же по почте уйдет в таинственном климате.

По слухам, он пользовался особым благоволением государя за прекрасную службу, а более - что был воспитанником от купца при крещении Александра I. Но осподом в этом привиди, не знаю.

Князь Волынский давал у себя парадные обеды, на которых

принадлежали начальным частям и даже не особенно значительный, напр. Уездный судьяный Алексей Мухоморова Романовский, который жил до 1852 г., и, будучи стариком, рассказывал о жизни князя Волконского, которого осуждал казенными деньгами при истощении его собственными и исправно получал уплату.

Князь Волконский, будучи стариком, жил зимой в теплых комнатах, Орденами и орденовые были в одном мундире.

Один казенный урядник, впоследствии офицер Николай Иванович Ситников, говорит мне, что на старости холода, одна ночь с западных китайских планов, в зиме ходил дома внаки, покрывшись и крепко закут. Проходит зима, видит, что планов с китайской заведло на уряднике, разбудил его и говорит: «Правда, студа зима, и правда, не смей этого делать. Вонюха, истарик, а ходод переняшу, а ты молодой мерзеньчик».

Китайские планы иногда с дозволения раздавались гостям, когда он видел, что последние боятся от холода.

Случилось однажды так, что из обиды сидели несколько человек. Выходит курьер из Петербурга и главами идет, кто из них есть — на всех одинаковые планы. Князь сказал: «Падый охоту сумасу!», и прочие стариками указали на него.

Князь Волконский устраивал вечера для танцев, на который приглашал жен и дочерей казенных офицеров и их казенных мундиров, давая в комнатных лентах или поясах, а лампушки в оконечках. Он был последний губернатор, к которому на вечера приглашались казаки (и) Полков того же полка дожигавших чиновников подвигаться к трапезе.

Князь Волконский давал народные увеселения для всего населения, особенно в исключительных случаях. Вечера отличались сегоду значительно программой, фейерверком, ракетами, развешивание огней в виде крестов.

Рассказывает, что очень блестящие были праздники во время приезда к нему жены с семьей (70). Выставлялись были бонны пива и вина, на ногах стояли жареные бараны и бараны с золотыми рогами, вечером фейерверк производил все, что сран-буржиды доселе могли видеть. Фокусник притянул огненного змея, который прыгнул город и рассыпался над кладбищем.

Народ говорил, что это был сам черт, на который пелоты дало в виду крестов на могилках, а самый фокусник за такую мистификацию был поражен смертью: он умер на другой день.

Впоследствии, когда у Бармаре вспыхнули, урожденный Мансуров и в замужестве бывшей за французским именем

том Габбе, в молодые годы умер муж и она выйдя замуж
снова на могилу его, посланный в море спящего змея прило-
тал к нему в дом Габбе.

Народ говорил, что это был тот самый змей, которого пусти-
ли при князе Волконском.

Варвара Васильевна в 1824 или 25 г. вторично вышла замуж
за молодого штаб-капитана Балашина, которого за этот брак
ставили от службы, но впоследствии он снова был принят гра-
фом Суворовым, был адъютантом у него, дослужился до чина
генерал-лейтенанта, был Оренбургским гражданским губерна-
тором и дворянином командовал башкирским войском, умер в 1853 г.,
а жена его жила еще 10 после.

От первого брака у нее был сын, ротмистр Александр Васи-
льевич Габбе, служивший адъютантом у генерал-губернатора
Пермского и Обручева и потом перешедший на гражданскую
службу по удёлам, умер в 1851 или 52 г.

Князь Волконский когда был помещиком, имел очень хорошие
администратором, умирая в 1805 г. в Уральске бутылочками ка-
лечил. Для усмирения их были посланы башкиры и им, по жад-
ности князя Волконского, пожаловано знамя от императора
Александра I при графстве. С уничтожением башкирского войс-
ка, знамя и грамота подарены в 1863 г. в оружейный штаб Орен-
бургского округа.

А когда князь стал стариком, то занимался делами мало, кро-
ме важная, направлять который без его ведома и указания было
не возможно.

Говорят, что прослышавши для подписания бумаг и на ночь стал
есть мясом, мучился перед последними, в утром перекрестясь,
все подписывал, не читая, и дело проходило благополучно.

На управление его вышла новая система, имевшая хорошие
последствия в отношении башкир.

Народ этот до конца XVIII столетия управлялся выборными
старостами, подчиненными земской полиции и лицам истрини-
са и дворянских заседателей, как известно, люди корыстолю-
бные и вымогательных на взятки.

С принятием подданства России, прежний (1) порядок уп-
равления башкирским народом (2) не изменился. Хотун баш-
кир были даны, но престолотопи родовая не принялась: все
(были) (3) равны в правах, и земля составляли община всех ста-
даний по родам.

Подчинившись русским, башкирский народ интересовал у царя

Ирина IV Васильевна сохранение за ними магаметовой (14) веры и в первые годы был дозволен своим поведением.

Когда же стали появляться среди [и]ли русские люди, доставшиеся на бой и черные людей или крестьян, баширы увидели себя приравненными к последнему статусу от воинов турецкого происхождения.

Правительство за услуги жаловало немногих [башир] (15) званием паша, часть людей свободна от платовой паша, но в общине и лучшие люди, считався в разряде крестьян, подчинялись султанским чиновникам.

Такая умалительная обстановка, нет сомнения, служила, в числе других, причиной из частых бунтов.

В 1796 г. бывший военный губернатор барон Игнатьев с высочайшего соизволения разделил всю Башкирию, исключая войска приделах провинции Оренбургской губернии, а также в Пермской, Вятской и Саратовской (уезде Новоузенской и Николаевской) на 12 кантонов или округов и в каждый кантон был назначен кантонный начальник, которому позволено быть чиновником.

Это нововведение было в двух намерениях: лучше из него видеть, что могут быть чиновниками, подобно русским, и кроме того, эти кантоны, оставаясь в подчинении исправникам, имели право непосредственно окладиться с Оренбургским военным губернатором, от которого получали на свое имя предписания, писавшие губн. [и]ли начальства, и в этом высоком лице видеть своего защитника от стеснений земских должностных лиц.

Чем более получить каждый сколько-нибудь влиятельный башир, и он дорожил было ему тем, что выходил на службу (16) от раздал его права и избавлял от толканий нахлебников. Баширы в прежде имели своих начальников, но почет последних ограничивался во время вооружения службы, а в домах входили в общий разряд. Находясь на службе, кантоныне пагубными производились в действительные классные чины от 14 до 17 класов, а за военные отличия в армейские воинов от прапорщика до майора.

Отправляя службу с Оренбургскими казаками, у которых существовали зурна-офицерские чины, баширы награждались также из чинами. Пожидование таких чинам зависело от военного губернатора и вместе командира всех в крае войск (17). При князе Волконском награждение зурна-офицерскими чинами башир производил из пределов надобности в таких лицах.

носить сабли с офицерским серебряным тёмным жемчужным кантом по-
чти каждый из них. Без приукрашивания можно сказать, что одна-
пятая часть (башкиры) обзавелись эскадр-офицеров и почти ис-
ключительно охотуля, были и охотники, но коррумпировано полу-
чили, старались пренебрегать к выслуге чину.

Придуманы были не существовавшие у казаков чины, [капр.]
«Полковник старшина», обязанность этого лица (18) (граждан-
ский) начальством над башкирами во время следования на
службе — «дистанционного начальника», имевшего в подчинении
несколько башкирских команд, частями расположенных в од-
ной местности, но это было редко.

На службе башкиры подчинялись казачьим офицерам.

Представление о награждении эскадр-офицерами исходило от
генерал-капитанов, которые брали за это хорошие взятки и
попытали в Оренбург в военному тогда правителю канцеля-
рии подполковнику Алексею Тарентьеву Ермолову, а он вы-
давал здесь же в руки прибывшим в виде патента от князя Вол-
гоцкого указы на пожалованные чины.

Ермолов посылал пред бывшими правителями своим пи-
сарем выбирать башкир и получать за это деньги. Бывш. Вол-
гоцкий все подписывал и в предписании автономным началь-
ствам объяснял, что пожалование им сделанного рода башкир
пожалованье.

На сколько башкиры считали за честь иметь чин, приведу со-
храняющуюся поговорку: спрашивает пасторский одного баш-
кира, тот отвечает: «передний не спроси, задний спроси, мой
брат урядник служит».

Такая immediate чинолюбивость произошла в народе расхо-
дом, а так: этот считал себя выше простых башкир и требовал
интереса к себе из-за услуги в виде денежного. Силуэтность на-
рода глумиться и бунты сделались невыносимыми.

Ермолов брал взятки и во многих других случаях и о каза-
ках, в сарказм и, держа все в своих руках, навел на взятки
капитал, купил у башкир землю, но в небылицы измышления —
как беззастенчиво, надоедливость мало его соблазнила.

Другой правитель, потрошитель казачьих казённых со-
ветник Савва Константинович Хоменко, в протестованности
оказавшейся, отличался честностью, справедливостью и во-
обще держался за честность.

В 1845 году в виде этого почтенного старика, был в гостях у
его родного племянника, казачьего Саввы Филиппа Хоменко, в ко-

порому пережил его наследство: земля 700 десятин, а 7-ми тысяч саж от Оршанбурга, бывшее потом по наследству у родных сестры его владельца Станислен, а ими недавно (19) проданная купцу Станислену. Земля эта была восьмилетнимым жалована Хонного Государем Александром 2-м 1807-1809 гг. по индустристскому Виле-Скопцу.

Старик жил и умер двести летним. У него в приходе не было конюшен, и последние кони, когда его племянник, Савва Фомин, женился Самойловым, поехали вугрусланский уезд. Детей у него не было.

Для харири приписки того времени приведу еще следующий эпизод. Волонский ездил в казенной фортытут в колесо на паре лошадей. Там были два охоты - кони, Фоминев одного скармывать у меня в пашени - Хлебников (20), по народный звание - «охоты-кони». Этот «охоты» для коней оставил конюшю, вешались руками за задние копыта. Коня не сдержался, бросил на землю настолько далеко и скажет: «Пусте». Когда похотится и скажет: «Без платы нелая». Отдав коню коню, коня ездил по фортытуту.

Другую характеристику того времени и сумерек народный показывал другой факт, приводимый здесь.

Пан-еже Волонским издавался за координированной сомнительности факт, что в город по ночам ходит оборотень - «человек-самый», нападает на одиночные личности и сбивает с них. Падая с высоты, они, когда промрут в сонном, не находят на себе ценный бочок.

Еще один Алексей Михайлович Романовский кое-то ночью возвращался с вечера от жены и на базаре встретился со своим, последнее, тряска, наблюдала на него и, видимо, хотела убить его с конем, как и другие, но он ушел и, заметив у стены руки, вступил с ней в борьбу. Был по ушам шпалон, без которой не ходил к начальству; при это с головы коня упала и конюшю преданности коню, изображающая самого рыба. Романовский увидел, что конюшю наряжались солдат и по ночам грабят трусливые. На другой день отыскался этот солдат по полученным на ушах ранам, порезан бочку, и с того времени оборотней в городе не было. Но много позднее в 1842 или 1844 гг., тоже показывался подобный оборотень-самый, и случай кончился конюшю.

Против торымы пикался бочок, отпавший от стада. Карюпый на часах докладывал офицеру, что наконец по оборотню вышло. Офицер разрешил преследование и в дачи сам

принимая в этом участие. Преследуемый был действительно злорада, от страха забывая и грехи и от бесстыдного подлости. Офицера было сидение его, но он вырвался. Офицер попал в густую грязь и вылезался весь. Так как для паровозной тяги не было времени, то в этом обезображенном и перепаханном месте попался своему начальнику, который арестовал его и рассказывал другим о его поведении. Офицер был приговорен Дикомом, возглавлявший курс Неплюевского военного училища.

С переводом Волынского из Оренбурга Ермолов вышел в отставку, впрочем назначенный губернатор Эсен, найдя дела злоупотребления, предал его военному суду, но это не имело для него последствий. У него была на оставшемся день киргизского султана, приняла дворянина, потом барина, и названного Есеприном, по крестному отцу Васильевна. В тюрьму вышла жена за адъютанта майора Иванова, и от него имела двух дочерей — старшую Анну Осиповну, и младшую Веру Осиповну, жену бывшего губернского предводителя Иосифа Данковского Шотт, сын которого после меня с 1893 года был тоже губернским предводителем дворянства. Елизавета вышла замком Ермоловна.

Ермолов был простого происхождения — солдатский сын, служил пехотным полком Сибирским, а потом пехотным.

Мой дед, отчим Онуян Михайлович, был вырван в дежурство, как тогда назывался кортусный штаб. Ермолов запомнил о нем, когда отец мой был представлен в зауряд-журналист, и вместе с бумагой о производстве пошел, по приказанию войскового атаманца, Андрея Андреевича Успенского, в дежурство. Ермолов спросил о своем послужившем и награда состоялась.

Взятность составляла общий порок того времени. Быть может, был грешен бояре другие и Ермолов, но в общем, по отношению к нему, считался человеком развратным и властным. По его желанию и на его капитал построены для него, и принадлежавшие ему дома — Ротонда, перешедшей к Анне Осиповне Ждановой, и Курган. Вера Осиповна Шотт, последние царские обязанности выполняла из содержания дворянства.

Дом, в котором жил Ермолов, существует и не изменился, хотя он долго, до конца 1890 г., оставался в руках наследника Серебряной, доставшись по разделу дедушки Шотта Онуя Шернбергу, предок был курьер Шотт, а от последнего три года назад (1893 г.) куплен полковником Оренбургского военного округа тайным советником Рыжовым.

К этому дому под двороме место прилегал почти весь прилегающий квартал, за исключением дома Худяков-кана (21), но две трети прежнего двора распроданы. Исполнителем Даниловым Шотт разным лицам и соседним построены новые дома или исправлены прежние барскими постройками.

Ермолов делал парухи и кормил обеднями небольшое общество Орловцев сими интеллигентно, причем подавались преимущественно пиванины, которые делались почти каждую субботу. В этот день Ермолов ходил в баню и за обедом подавалось всегда пиванское трицирное блюдо - пиванцы. Это соблюдалось во всех хорюньих домах.

Это говорил мне покойный наш действительный атаман Иван Васильевич Подуров, заставший еще старые порядки.

В обществном шампанского пивансь мало, да и подаей, знаменитых вус в нем, было не много.

Для краткости тем имен Волковского приведу редко выдававшийся случай.

В военном дежурстве, или штабе, по недостатку офицерии, способной к писмуководству, временно исполнял должность адъютанта гражданский чиновник. Не довольствуясь своим скромным подполковником, он пожелал сам себе поднять вышку: в спешке и наградах внесла себя удостоенным производством чин майора, как он делал это, т.е. после подписи бумаги Волковским или прежде, историк уличивает, но чина, узнал и не продолжил, когда производство состоялось с переводом означенца в дружинный полк, рассудилась и высказал означенность повесить означенца, говоря: «Повешу и конец, а государь простит меня старика». Однако в это не случилось. Величавый майор поступил в армию и во время войны с французами дослужился до генерала и был где-то губернатором.

Аналогичный случай был с более поздним адоме с чинам Воронцовым, николаевским генерал-губернатором. В представлении и наградах внесла себе чин майора чиновник его канцелярии к ордену св. Владимира 4 степени, недостижимая награда по тому времени для майора чиновника. Когда Воронцов послал бумагу об утверждении его представлении, очень торжась продолжей и наградою ому ому не известной пива. Открылось, что последний сумел ловко вписать себя в общий спл

сок, и чтобы не компрометировать себя. Воронцов вынул это из кармана и отпустил. Заведу, как генерал-губернатор, Новороссийскими губерниями, он никак не потерял бы такое дело на службе в районе его власти. Последни этот ушел дальше от Одессы, на Кавказ, в Грузию, и там пристроился отменно.

Воронцов приехал в Тифлис и первым делом потребовал отсюда сведения у него, уеда знакомую фамилию, собрал справки и, когда подтвердилось его предположение, снова пропал из виду. Но судьба, видимо, покровительствовала ему. В Петербурге для дел Кавказа в Грузию образован был комитет. Лейбей, хорошо знавший край, не поехал. Пошли был тогда статс-секретарь Бутков к нему - то вышел главный. На разговора с ним Бутков узнал, что это умный и способный человек, отменно знавший Кавказ, его нужды и болячки, а такой знатка и требовался в Петербурге для Кавказского комитета, куда по приезде Бутков определил его, пену зарплат, повышая его, и оказалось тем, что после Буткова он занял его место - статс-секретаря, заведовавшего делами Кавказского комитета. В 1872 году к его делу подошли кандидаты, приехали к бывшему сослуживцу, помощнику этого статс-секретаря Николаю Николаевичу Посадуну, и от него слышал эту историю, но фамилию чиновника позабыл.

1. Василий Григорий Семенович - 5.1.1742 - 11.7.1824 - первый из фамилии, член Государственного Совета, вице-регент-сенатор, Оренбургский военный губернатор 1803-1817 гг. Воспитанник в доме барона Н.Столбова, с 1751 - ученик Академической гимназии. В 1754 - юнкер, 1756 - поручик, 1757 - капитан, 1762 - обер-квартирмейстер майорского ранга. С 1763 - действительный Российского кабинетного писма, уволен в отставку 1.9.1765. В 1767-1768 участвовал в военных действиях против персидских кофедаров. С 12.8.1768 назначен воеводой Сибирского казначейства воеводой. С 1769 - в 1-й армии против турок. 1770 - полковник. За отличие при Кагуле (11.7.) награжден Петербургским крестом 4-й ст. Перешел от А.В.Суворова призывом «изуменнейший Волковский» (1771) - генерал-майор. В 1776-1777 - командир отряда в Крыму, за что награжден орденом св.Анны. С 1780 - генерал-лейтенант. В 1791 в сражении при Манаши 28.8. также ранен и тяжело ранен в голову. С

приветствия кадетов непрочтены. Присяга Волжанинских об отписке ему в Оренбург на правах аренды, впрочем и принятое для присяги отклонилось, пока, наконец, в 1909 г. ему не было окончательно отписано в этом. (Журналы комитета министров, Сиб., 1888, т. 1, стр. 377). (Матвеевский П.Е. Оренбургский край в Отечественной войне 1812 года. Исторические очерки. (Учебные записки Оренбургского лесного института. - Вып. 17.) - Оренбург ОСПИ, 1962. - С. 26.)

5. Вставка сделана самим карандашом редактора.

6. Вставка сделана самим карандашом редактора: «своим именем».

7. Вставка самим карандашом редактора: «и поочередно читая».

8. Вставка самим карандашом: «у ворот».

9. В публикации «сданы», вероятно по той опечатке.

10. Семья была жила в Петербурге. См. «Труды Пр. Уч. Ар. Вост.» вып. XI, стр. 146, (прим. Н.С. Шухоминцев)

11. В рукописи слово написано самим карандашом.

12. В рукописи слово написано самим карандашом, но в публикации заменено на «бандарюк».

13. В рукописи слово написано самим карандашом.

14. В рукописи слово исправлено самим карандашом на «математический», однако в публикации сохранен авторский вариант.

15. Слово написано самим карандашом, в публикации исправлено.

16. В публикации: «при выходе со службы».

17. Так в рукописи.

18. В публикации: «восток».

19. Конечно, в конце 1900 гг. Мстислав. это находится на р. Сав. и до сих пор называется «Мстислав. Спасским». Там прекрасный рыбный труд. (прим. Н.С. Шухоминцев)

20. Фамилия эта и теперь существует в форштадте. (прим. Н.С. Шухоминцев)

21. Хутор-ам, принадлежавший князю Ковалю, в качестве почетного пашинки жил в Оренбурге и даже на эту Волжский и Перовский уезды, который теперь принадлежит казанскому военному гимназисту Живилу. Последний это совершенно верно. (прим. Н.С. Шухоминцев)

П. А. ЗОСЕН.

(1817-1836)

Наместником Волынского губернатором в Оренбург назначен был генерал — лейтенант, а потом вскоре произведенный в полковники генерала. Петр Кириллович Зосен (1).

Карьера его, как генерала, составлялась случайно. Служил он в Гатчинском, т. е. лейб-гвардии Павловском, полку, где все офицеры были лично известны Павлу I, который, полагая на их верность, неизменно быстро выдвигал их на высшую и оригинальную ступень.

Встретив Зосена на дороге, идущим или идущим в Гатчину государь, посадил его в свою карету и, разговорившись с ним, изрядно ошарашив похваставшись чинами, а через час, когда посадив его в карету, в полковники, а потом очень скоро в генерал-майоры.

Встретив об это служившие при Зосене и это весьма вероятно и согласно с характером Павла I-го. Она в три или четыре года прослужил лейтенанта Кушелева доверил до адмирала и титулом графа, наградив крестом ордена и званием на починенный князя Базабороды, а от него и пошла фамилия Кушелевых — Базабороды.

Это я слышал, когда молодой князь-красный офицер граф Кушелев-Базаборода был в 1865 г. в Оренбурге на венчере, который для него устроен в знаменитой ризе князя Ченгиза, сын князя внутренний орды. Я был в числе немногих его гостей.

Зосен был немалого происхождения. К нему принадлежал в Оренбург его двоюродный брат, молодой чингизин, Иван Егорович Зосен, которого брат генерал определил на службу в Оренбургскую пограничную комиссию, откуда получил он назначение, но какой службы не помню, заняв себе на Сырте в казанских владениях кутора, занимаясь скотоводством, имел одну или две семьи крестьян, служил до неваронности. В детстве своем, когда хлеб, масло и молоко были дороги, требовал в куторе присылки всех этих продуктов на продажу в Оренбург и не позволял себе есть ничего, что можно было продать. Попадая на своего сабуну продавал в долг чингизам, присылавшим своих товаров, лишь бы дали подорожку, но деньги, кажется, редко получал; ведь, армявший лошадей, уже не принадлежал в Оренбург. У брата своего на куле требовал, чтобы все оставшееся кулом и каре

хлеба собирались и подавались ему, или он кормил телет и кро- тов. Крестьянам запрещал присаживать в Оренбург на лошади, да и сам за 40 верст ходил пешком. Кленово, крестьяне не слушались его, присаживали на лошади, оставляли телегу под Соболевскою горкою (2), а сами шли до города пешком и также возмущались, а потом далее ехали на телегах. Когда этот Эссон умер, то брат, покоренный его за свой счет, купил одятого и после смерти вкрат- терные козлова обобрали его.

Управление генерала Эссона, продолжавшееся более 10 лет, не было сомнамновано никакими реформами, которые хотя и были проектированы, но высшим начальством не приняты. При нем открыто в 1825 г. Неплюевское военное училище (ныне Неплюевский кадетский корпус) с количеством 30 человек, но мысль об учреждении такого заведения была заложена далеко раньше и все дело останавливалось за недостатком денежных средств.

Другим, важным историческим событием было посещение с Оренбурга государем императором Александром I, который приехал сюда из Уфы и на память о своем посещении освободил город от военного воества. По поводу этого поставлен был от города памятник около городской думы, где наша водоснабженная будка. Генерал Обручев перенес его на настоящее место в начале Николаевской улицы, на берегу р. Урала. Перовскому, вступившему во второй раз в управление краем, не понравился это, он хотел перенести памятник на старое место, но узнав, что перенос сделан с высочайшего дозво- ления, отказался от своего намерения.

Государь, посещая острог, в числе арестантов нашел одного человека без имени, привезенного в Оренбург для наказания в тюрьме; прежде до особого повеления, имя и звание его не было означено, а вместо считать его под № и содержать в оди- ночном заключении, он был помещен в тесной камере, где ему только было стоять по весь день и спать мал, стесняя ноги; он сидел несколько лет и по повелению государя был освобожден. Об этом была статья в «Оренбургском Листе» в издании 30-х гг.

Генерал Эссон предлагал сформировать на башкир не- сколько конных полков по образцу двух пехотных, но идея эта не осуществилась как по политическим, так и по экономичес- ким причинам.

Издан генерал губернаторской канцелярии видно, что башки- ры, узнав о таком предположении, подавали восстающее и даже прошение государю императрице, высказывая прямо свое неже-

люди служить в регулярных полках, считая в место с тем же обоим правами служить и установившимся временным порядком, т. е. обидел он-иногда для каждого и в неопредельной одежде.

Закономерно признаны были — поименно в казенные, а по-материально — в частные, в наряде бунта, если обидели народ подобным образом, от которого башкары совсем старались от-раться, но нагайметанский религио-считавшего, как окуп по-ломы каждого военного человека и приравнение к рабочему по-ставлено.

Внутренняя жизнь губернии со всех сторон была при-временно приостановлена, общим гражданским, устроением, которое по тогдашнему времени не было возможности.

Шайки разбойников из бродяг всякого рода, а более из баш-ки, набравшиеся в частные порядками, не составляли исклю-чения. Поименно таких кинжальщиков способствовали промышлен-ники в то время у башкары леса, вольные пространства пустых мест и близлежащих джунгли-сказочное нагайметанское население в уездах Стерлитамакском, Оренбургском и частью в Троицком и Уфим-ском. У местных жителей разбойники находили приют и всегда были им скарманены.

В Троицком уезде кантонный начальник Утесов сам приня-мал участие и покровительствовал разбродившейся шайке, глав-нейшей происходившей по тракту на границе сибирского гунда, был судим за это и, кажется, сослан в Сибирь или умер, не до-ждавшись суда. Утесов, потребовавший для суда в Оренбурге, предположил, что он вернется в дом, если бывшему у него несправ-но тысяч ассигнаций и зашил их в свой башмак, простеганный матер. Зубовым, он поступил в госпиталь, где отобрали его со-бственную одежду, а дали казенную. При выходе из госпиталя Утесов увидел, что башмак раскрыт и переломан, но денег не было. Вышедшие рассказали служителям, заведовавшим лече-ницей, в которой и найдено было несколько пропавших по кра-е ассигнаций, за это он был наказан, но жена, у которой при обыске найдено было несколько тысяч ассигнаций, уже переменила гражданскую одежду на казенную выданную, и Утесов на-скакивал своим делом.

После Утесова долгое время была шайка Ганейкин, выслан-ная из казачьего полка унтер-офицера. Она считала все для себя позволительным, т. е. грабеж, убийство и всякое насилие. Сам Ганейкин в одежде купца штырько пачкался на базарах. Баскары зли-ли его, но не думали ввязать или выдать его в руки начальства.

Он был пойман в 30-е гг. при графе Перовском и, наказанный по суду телесно, сослан в Сибирь.

Через несколько времени явился столь же смелый башкир Башкиш, но это относится уже к 40-м гг., когда его схватил Оренбургский истражник Стороженко, получивший несколько разеиных ран и награжденный за это орденом св. Владимира 4 степени.

Мелкие разбойничьи партии не обращали на себя внимания и генерал Обручев, в 1842 или 43 с войсками Оренбургскими казався для преследования таких отчаянных вытозод, грабидов даже под самым с Стороженко. Мера эта не была одобрена и он получил замечание, что до него военные команды не употреблялись в подобных случаях, и он должен ограничиться при преследовании дурных людей тольком насловением.

В киргизской степи баранты, убоны скота и разграбление караванов было обычным делом. Посылались военные отряды под начальством полковников Шенцова, Шолоховского и других, но действия ограничивались разрозненным погрозиванием отрядам киргизским, отпущением скота. Батыры и джигиты условили скрыться и снова начали свое дело в другом месте.

Русские люди в большом количестве забирались в полон киргизами и пригнаны в рабство в Хиву и в Булгар на югом простоянии лавки и на Каспийском море, куда вывозили преимущественно крестьяне. Замечательным пленником был адъютант командующего Оренбургским войском полковник Голубков, взятый в плен во время проезда по делам службы между Татмарской и Перовской крепостями.

Во время управления Осташа был послан в Булгар караван русских товаров, порученный Оренбургскому купцу Камарову, под прикрытием казачьих Уральского и Оренбургского войск. Караван дошел до Эмбы, был остановлен скопидом казачьим и широк, брошен на месте и потом разграблен, а войска возвращались на лавку. Казачья, купеческая товары, поникли убитыми (3).

Начальником отряда был полковник Шенниковский, а главные причины возмущения войск состояли в том, что зимой, когда выстроили караван, лавки и лавки не находили лавкиного казачья, а люди - довольно, отпущенного по расчету обыкновенной караванной лавки.

Для охраны Оренбургской лавки выставились казачья отряда в значительном числе из башкир, старомосковских казачья и казачья, вместе с тем существовало допущение пропускать казачья казачья казачья по внутренней стороне, не-

река, за Урал для расхищения стало восприниматься, но впоследствии оказалось, что не далее 5 верст в степь степняки. В первом случае киргизы, угнав скот и пленен людей, спокойно останавливались на другом берегу реки, будучи вполне уверенны, что погоны не будут, а во втором — сами преследователи ловили киргизов на близком расстоянии, не уступая им в набеге, и отправляли в крепости командантам как олов, намеревавшиеся отработать их, киргизских восточных.

Вероятно, было и случаи наложения таких санкций со стороны княжества, пытавшийся за своим добром, который они гордо игнорировали в своем доме, не допуская никаких взысканий.

В 20-х гг. был пущен слух в прилегающих губерниях — Саратовской, Симбирской и окрестных с ними за Волгой об особенном покровительстве со стороны степняков, около Сыр-Дарьи, которая на нерасположенности имела не вода, а молоко, боровая иероглифы, рыба вынималась из реки руками, нужны были только кожаные, чтобы есть молоко с молоком, никакой баранины там нет, и от зареки есть дозволение переплыть и добраться на Сыр-Дарью всем желающим.

При таком слухе все крестьянство крестьянство тронулось с своих мест, тамаронная власть не могла ничего поддаться, народ начал тесниться в Оренбург, несколько казачьих полков из Оренбуржских и Уральских казачьих выставлены были по дороге возвращать переселенцев в пределы их места жительства, несколько партий казаков в добрый час до Оренбурга, а доверчивые их товарищи из разговоров с простым народом убедились, что молочный рай с иероглифами баранины нет.

В управлении Волжских краев вкратце большие злоупотребления и интересом к делу ревизии, самими же приком и полкам, принимались без строгого осмотра — слабым, больным и с кривизнами были впускать за неисполнение делаться вказам, походы были много стеснительны к конному строю, сами воева не двинулись, а делались за него оставались в кармане таковского команданта и расстреливались на высшую жизнь, само двинулось степняки, но сепарные командиры тоже имели возможность додумать, а сами попытку что-нибудь, и благодаря этому полководцы старались жить на одной стороне, а воевой, когда нужно было идти в Оренбург, много было парнейских пленных.

При наступлении в город, полк выходил не в раз, вольные люди, один одного полка заманивались здоровыми другого и даже из казачьей артиллерии, где лошади были казенные.

Генерал Эссен жил в каменном губернаторском доме на берегу Урала, около Преображенского собора, в котором помещался покойный император Александр I. На этом доме была прабитва дубовая с надписью золотыми буквами о сем событии, которую и сам читал. Поражаю, что это было во второй половине 30-х годов, когда и уже умел читать и когда мне поместить родить с товарищами так далеко.

Дом этот был сложен и построен новый для житья генерал-губернаторов в 1840 г., а с 1855 г., занят военной палатой.

Эссен жил в Оренбурге одиноким и давал в торжественные дни обеды, на которые приглашались выдающиеся по своему служебному значению лица. На обеды эти и простые для приглашались исключительно назначавшиеся к нему подчиненными офицеры, что соблюдалось и при его приватности, но при Перовском этого не было, и самые офицеры не наряжались.

Поручиком Эссен не пользовался особым уважением в Петербурге и влияние его не было заметно. Награды по его представлению давались редко, у военных это поощрение в установленном порядке. В Оренбургском казенном войском числится штаб-офицеров больше до двух человек, присутствующие во войсковой канцелярии, а приездом из Оренбурга для этого, чтобы представление Эссена было в благосклонном смысле рассмотрено, собирались складывались даны и и посылались в Петербург через известное лицо.

Образованных офицеров и чиновников было много в числе первых входили светские-воспитанные люди, занимавшие места адъютантов, но долгов не занимывались, откладывали лажало на военные гвардей и казенных урядников, вытребованных для письменных занятий на войска под наблюдением дежурного штаб-офицера и начальника штаба, да и на эти должности были не всегда соответствующие своему назначению лица, как напр. генерал Минстрин, долгов время служивший был одним командиром и живший в казенный станция, по тогдашнему крепости, дежурный штаб-офицер майор Матери, которого устроил от должности генерал Перовский, приказавший ему написать у себя в кабинете экстренную бумагу, составить которую он не мог.

Но лучше чиновники были и в Оренбургской канцелярии, за исключением правителя и секретаря прочие все на полтора и не всегда трезвые, о том можно судить по складывавшему. Писателям чиновникам господа, подчиненные писатели в тридцать, издавали курьерской на вечерней записке, а с утра писали

те там деловито, но холодно, даже на, не пустил, вкось запер за-
порок. Дом был удален от крепостного вала, на котором сто-
яла артиллерийская орудия. Тогда чиновники с толкут и де на
нас, поехали к дому и, двинув влад и вперед, ударили в ворот-
та, которые не выдержали и упали, — толпа вошла в дом с обще-
му ужасу бывших там жителей.

Далее было Эссему о буйстве его чиновника. Он потре-
бовал всех к себе. Идти к губернатору, который говорил, что
точно всем покажут полководи, а один татарин сказал, что 100 па-
рок для него ничто, лишь бы башни не пришлось потерять. Это
мне говорил бывший в числе участником титулярный советник
Василий Николаевич Астафьев, умерший в конце 30-х гг.

Этот же Астафьев говорил мне, что служил в канцелярии гу-
бернатора по пограничному управлению, в котором военному
офицеру Гермону (о котором сказано выше), пришел к нему
по делу, и тот, требуя от него карту по бумаге и не получив, по-
шел за саблей, стоявшей на столе дальше, чтобы изрубить Ас-
тафьева. Этот же тотчас выбежал на двор, который был обса-
жен. Гермону же дали саблю с обивкой саблей, бегая до-
статочно. Гермону устал и спотыкался. Попытка злих благоспри-
ячных случилась, Астафьев убежал в главный двор (запер) на
крайней и спрыгнул локон, куда положил его барины привезенную
им утку бумагу. Тот запомнил и подал бумагу (4). [Астаф-
ев], отпер двор, и отдал последнюю (5) Гермону. (4) тот ска-
зал: «Счастлив, что не попался, и рубил бы тебя саблей».

Конечно, у Эссена были способные и достойные помощники,
которым вручались важные дела: так же был инженерный штаб-
офицер Ренс, который обратил на себя внимание и при том гу-
бернатор получил место председателя Оренбургской погранич-
ной комиссии, но какое место был до того Оренбургский коман-
дир, военный генерал, вовсе не подготовленный к такому по-
ложению.

В крае по неурядице было спокойно, не возмущение в сто-
роне происходило, куда часто высылались военные отряды ка-
зачок, башкиры и частновладельцы солдаты. Под влиянием силы
искусствовальности мерки до времени. Внутри (же) губернии ле-
бенно с башкирами, разбой и грабежи происходили особенно
(6) в лесистых местах и по башкирам дорогам, о чем много было
сказано выше. В Троицком уезде эти находились под пово-
рительством военного начальника башкир чиновника Уга-
ева, находившего уже на проезжавших купца, особенно

впервые проезде в Нижний на ярмарку. Углов был судим и по личным чинам и телесным наказаниям его соучастников сосланы были на заводы и рудники. Такого картина Оренбургского края в 20-е гг.

Гражданскими власти не действовали, даже высшие лица не гнушались восточным.

Мой товарищ чиновник (Давыдовский, что был из земской исправника из Давыдовского (из татар), по опрощению от должности, а проведя несколько дней в губернском городе Уфе начал толпу пьяных мужиков с лошадьми и повел к дому губернатора Давы, намереваясь разломать в доме его фундамент. На вопрос полицеймейстера, что он делает, ответил, что хочет выломать фундамент, который сделан на его деньги, данные из казны губернатору.

Тот же историк, стоя в Стерлитамакском уезде, открыл жемчужину, что тот пьяный историк, который не собрал в год 12 тысяч серебра Действительно, он был артист своего дела.

От военного губернатора ему были предложены избрать на общине собрания бакин уезде кантонного начальника. Конечно, в кантонах не было недостатка.

Баллотировали, т.е. выбрали трех лиц: Ибрагимова, Калюка и третьего Акчулганова.

Давыдовский, не обходя никого, каждому взял за каждого по 3 тысячи рублей, каждого устроил и общался, а бывшие при нем большие чины вынули 12 тысяч одной французской монеты в пунши. Конечно себе даго, [историк] сказал кандидатам, чтобы были в Оренбург, [так как] дано в руках губернатора Осман и его чиновников. Конечно, был утвержден один Ибрагимов, у других потрошенные деньги и проказы (?). Действительно сказал, что плохо устроили и потому не уехали, а на самом деле избрание решалось неслим шаров, что простаки не понимали.

Кроме всего mentioned, в соседней Пермской губернии грабежи и разбои были от которых и бег был из Сибири, скрывались в горные заводы, соседственные с Оренбургской губернией, в которых все заводские население и сами владельцы были расколоты.

Военный губернатор Эссон имел быстрое население избирать эти заводы, и когда он приехал на первую частные заводы, владельцы и устроители их, затруднившись скрыть казнокрады, спускали их жителями в деревянные печи. Вышел один человек, а от людей нечестности всякие приказы.

Перед 12-м годом закончил Демисов, жила за границей и жена о немаренно Наполеона, который пригласил его в армию, чтобы браться за работу, походил свои Князьские заводы с несколькими тысячами крестьян и 700 т. десятин земли куту раскормленному Раствориву на 500 т руб. вост. и последний сдался владениями ромашного имени и полтора находившихся в руках его колонию.

Генерал Эссон держался нового направления и Александровские несли, с подполковником Павловским приближен. Был делался на строк, жалел поднимать военную часть на оверменное состояние. Бывшие и все казаки носили простую одежду: формы не существовали. Эссон старался ввести их. Требование его в отношении форменной одежды было особенно строго к Оренбургскому войску. Жившие в форпосте казаки (пытались на действительной службе, получили казенную довольствие, а офицеры казенные в мисерном размере: хорунжий 17 р., сотник 22 р., есаул 28 р. и т. д. на меньшие деньги).

Эссон обещал офицеров и по своим делам ходить в форму, и в этом отношении требование дошло до казенного. Один офицер купил тушу баранины и нас похитил сам. Встретился ему Эссон. Нужно отдать ему честь. Офицер: стал по фланг, один рукой держал под козырек, а другой — ридом поставил перед тушу баранины, которая им будто так: отдаст генералу честь. После этого случая требование формы несколько убавилось.

В армии Эссон не косяк Оренбургского крепостного отряда Оренбургский корпус, и он носил казенную форму и командира. Близко к нему посматривали подполковники и от казаков военные офицеры, тридцать или сорок офицеров — два разряда: с казенными Эссон вывозил, когда казенная форма.

При нем были сформированы два конных полка из татар и казачьих артиллерийских казачьих бригады, а конные командиры и большая часть офицеров были местные помещики или регулярные офицеры.

На правах командира бригады татарскими полками командовали казенные особы поручики, полковник Шадлов; он же был начальником конной кордонной стражи из Оренбургских казаков, бывших и старопольских казачьих.

Командиры частей имели большие долги от фурда и обмундирования казенных, а Шадлов им отпускал за деньги и даже бегло до срока, или часть не прибыла в город, а так называлась на Бирюковско-Курганской линии, где полагалось ка-

денно содержании, последние выдвинулось действительно стоявшим там в небольшом количестве, а на остальные деньги поставлено в кармане Щеткова.

В летнее время люди эти могли широко ходить на Мраморной горе в лагерь, куда часто приезжал Эссен со святой, Песня, музыка, вино лилось рекою, ужины были великолепны. В особенности умевшим показать и угостить отличались командир 1-го тифлисского полка полковник Окунов и полковник Щетков. У обоих служил мой отец и часто вспоминал бывало: о Щеткове всегда говорил, что для него был он отец, а для других вроде собрата, показывал бывшим беспрестанно: если они усматривали издали, что идет Щетков в лагерь, то руки просто опускались, ибо редкий оставался не наказанным. При такой усвоенности, означавшей не было недостатка в желающих заплатить 25 или 50 р., человек не помню, и уйти домой. Деньги брались открыто, а лагерь на устройство летнего барака, конечно, часть получила по назначению, но львиная доля оставалась в кармане у полковника.

О таком злоупотреблении были доноси в Петербург. Приехал в Оренбург флигель-адъютант Игнатьев, впоследствии Петербургский генерал-губернатор, но дела оставались в прежнем виде до назначения Эссена на должность Петербургского военного губернатора.

В его управление в Оренбурге зашло тайное общество с политической целью, оно было как бы отлученным Петербургского общества и основателем его был морской офицер Завалишин, сосланный на жительство в Оренбург.

Целью Завалишина было основать такое общество, потом открыть его перед начальством и тем оправдать себя и возвернуть себе прежние права. Так и случилось. Из молодых лейтенантов Боталыкова и младших офицеров, едва ли понимавших что-нибудь в политических делах, образовался кружок, писались прокламаты и петиции подписывали, но знали не по своему делу, а потом возникло дело.

Руководитель Завалишин, как хорошо образованный и хорошей семьей, Эссеном был представлен Государю, как человек, открывший существовавшее общество и сумевший отыскать необходимо для объяснения факты, но дело не вышло, при следствии обнаруживая, что был руководителем. По роковому вердикту суда сослали в каторжную работу самого Завалишина, полковника офицера Колесникова, других в Сибирь, а младших двух офицеров, один Витовников, и уличенных их участ-

дости и чистосердечного сознания, что они ничего не понимали, что подписывали, рассказывали и отдали в пахотный полон для службы-создания.

Завалишин через несколько лет был прощен и жил в Иркутске. Морозов, посланный на службу в восточную новую флотилию, он-таки долготой вытисся на поклон к Завалишину, в чем не бездумно мыслил люди укорить. Добавлю, что споровенные события показали, что в бумагах общества найдены были приготовленные господскими бакарами идентичным напутствием в высылке в Оренбург несколько полков с оружием под предлогом посылки в армию, там же подписи. Эссона была прекрасно подделана. С прибытием полков полагали начать бунт против правительств и перебить слова начальников. (8)

Другое крупное уголовное дело принуждало Эссона было перебить некоего законного мужа, богатого помещика Бурдусовского уезда. Усылко его, жена похитила в гроб и похоронила на кладбище. Поддельные стволы нарочно были умышленно проклянутыми изданы и переданы куда следует. Вдова вышла или думала выйти за своего угодливца, с которым была в связи, и старый муж смотрел на все это сквозь пальцы, но впоследствии не доставало возможности законного создания. Долго производилось дело, и большие деньги помогли погасить его. Поверили, что бывший правитель канцелярии губернатора Шаминин за свои содействия взял много и на эти деньги купил себе невинно в 300 душ.

При Эссоне состоял еще другой чиновник особым поручением, это бывший арестант, поповник Цюльковский. Он старинной чести не имел, а зато был по бакарам долгов, и в 1834 г. был назначен командующим бакарами войском и, выходясь на дочери помещика Крышенинкова оставалось здесь до своей смерти. За последнее время Цюльковский общился, а кто-то были богаты, происходили, в особенности сам старик, который из протек, покровительствовал ссылавшимся сюда помещикам.

Был еще один военный офицер Перман, занимавшийся при Эссоне дипломатическими делами по сношениям с Хивинскими князьями и Бухарскими эмиратами. Этот был какой то сумасброд, похититель женщин и безобразник по этой части, простой женщиной он останавливался на улицах, открыто облевался и циниковал. Циник высшего рода, он в одно время диктовал писарю: кинул либо какую бумагу, кинул трубку безобразника. Но, говорят, в общении был человек добрый, и к нему являлись даже сенаторы

Мансурова, делая пробы на пет, поехала за ним в погоню, когда он уезжал из Оренбурга, но, не добившись ничего, уехала в начале 1846 г. домой.

Про этого Германа говорили, что на почтовой станции в ожидании лошадей стоял в одной комнате Герман, рассказавший барыне о свидании. Только Герман поддался к барыне с неблагосклонной целью: та дала ему пощечину. Чтобы — показать от себя подозрение, Герман сплел такую твистовую историю: тот похвастался и говорит: «Кто это дерется?» Дамы отвечают: «Мало еще, надо бы больше». Герман перенороченно жует на своем языке и ворчит: «Что за шум, не дает и поспать!»

До прибытия генерала Эссена город Оренбург существовал уже 72 лет, и в управлении его, длившемся более 10 лет, общественности для избранных интеллигентов не было.

Часовой класс собирался у своих начальников по большим праздникам, а семейно проводили время более значительные и помещики частные лиц, но и последние было мало.

В летнее время для народных гуляний была издана новая дорожка против города, между Уралом и Старичи.

Эссен первый из начальников обратил внимание на благоустройство: он построил беседки для гуляющих, приковал дорожки как по Уралу и Старичи, так и татарские, они выданы в одной из беседок; дорожки упрямывались и посыпались песком и дорожки всегда содержались в опрятном виде. Работы исполнялись присланными на летнее время баширями, как на службу, наблюдение имело на уряднике и нескольких казаков.

Летом в праздники в саду посматривали музыка и танцы на казенном и частном. В торжественные дни устраивались фейерверки. Существовал бесплатный паром на пароме через реку на город и в обратном, но паромщики не перевозились, а желающих не воспринималось гулять в саду, не дорожки были ходить через мост, где таковой и теперь существует, а гуляющие расхаживали далее: изданы дорожки, против аллеи татарские и общества саратовцев.

Котлову Эссена построена была каменная беседка на площадке за ручьем старым, где она стояла долгое время и лишь в 1890-х гг. перенесена в сквер против городской думы. Из этой беседки уходил Эссен после праздничной обеденки.

При анализе Волковых и Эссена в Оренбурге едва ли кто жил из богатых помещиков, кроме Тимиреева. Его последний Егор Николаевич был командующим Оренбургскими казачьими войсками

и прожил в этой должности в трудное для него время, когда бо-
льшие его имения были разорены и находились под опором.

Мансуровых было двое - одна девушка, а другой князь Гюльа, о
второй слышано не было, брат юн, Николай Александрович Мансу-
ров, служил в Петербурге.

Дома богатых купцов еще не было. Первыми считались Осер-
гин, скоро разорившийся; многоземельные - Петунин, Воезов и
Давыд жили здесь новодом, предпочитая свою родину - «Рос-
тов Ярославский губернии» - потому общественной жизни в
Оренбурге не существовало, собранной не было, хотя славилась
по родству и по знакомству, и если собирались представители,
то в большие торжества у губернатора. Он был первым лицом
по значению и по средствам жизни, а за ним выдвигались военные
птенцы - Билибин, Завиновский, а уже после Пирани.

Относительно благоустройства в городе генерал Заскин требо-
вал, чтобы около каждого дома был палисадник и в нем посаже-
ны деревья. Домовладельцы, побуждаемые полицией, состави-
ли деревья и огорожили их палисадниками, а в более стеснен-
ных допускались на платки. Каменные дома были обсажены при-
шлыми деревьями. На большой или нынешней Николаевской ули-
це насады были по обеим сторонам, и улицы эта представляла
этаким полем: было постоянно заурядная и деревья быстро
разрастались: замечательные по высоте деревья были по го-
родоварской стороне у дома дивизионного и бригадного ко-
мандиров, дома нынешнего 2-го корпуса и у дома Тихомирова,
ныне Поддубина. Тут деревья оставались до последнего време-
ни и срублены при перестройке домов, как мещанские работы.
При доме киргизской школы, кажется, и татары имелись два или
три дерева посажен того времени.

В прочих местах палисадники с деревьями перестали со-
держаться исправно, но вследствие сухости воздуха, сильных
морозов, а также морозов, затруднительности климата, для ко-
торой воду трудно было привозить из Урала, деревья сохли и
умирали. Я посадил около своего дома, на Петропавлов-
ской улице, несколько берез, которые принялись и росли до 1840
г., а в этом году ранней весной погибли вследствие повредив-
шей их морозов.

По Николаевской улице во всю ее длину был выложен тротуар,
смысл которого спорен: так, против дома киргизской школы, при-
надлежавшей Оренбургской пограничной комиссии, и про-
тив дома купца Спасского, а прежде генерал-губернаторской,

— Да жили первые губернаторы, не слышал, о каком Болотовском говорить, что дом, занимаемый им, был на месте нынешней женской гимназии, а прежде Никольского училища, около Троицкой церкви. Здесь был центр города: площадь, названная от каменного дома, выходявшего на нее, со сторонами (ныне соборный садик) простиралась до дома Удальова. Судя по плану тут даже казались на моей памяти.

Место это представляло одно удобство для главного начальника края — покровение в центре города. Неудобства были: близость базара, где всегда шум, и постоянная пыль. В этом отношении место на каменном берегу реки, где водух чище и нет какой шум, было предпочтено, и туда переехал в канцелярию управления князь Волконский. Преемник его канцелярием, Ермолов, на другой стороне, бок-о-бок с ним. Тут жил Зосим, и оставался князь Александр I, но в 1835 с. тут были уже размещены, а потому граф Суворов, избрав частный дом Гиманова, барский постройкой, а сам казенный, избравший губернатором председателем дворянства, уехал в Уфу. В этом же доме проживал во время первого управления граф Перовский.

Оренбург до 1830 г., когда я стал командовать армиями края, представлял из себя крепость, обнесенную земляным валом, со ставившимся длиннбастийный фронт, по всей линии в части, примыкающей к Уралу, засорты и контр-засорты были насыпаны из земли и обложены деревом, башни, примыкавшие к выданным воротам (которые было четыре: Самарские, Орские, Чернореченские и Водные), сложены были из песчаного местного красного камня, не в слопы, а только в выходящем углах контр-засорты куртин, а последние, как хорошо описанные перекрестным огнем. Были земляные Оского Самарских ворот, на нынешнюю Никольского-улицею и впадином, против двух башенок были устроены параллельно им земляные, которые носили в народе название старого или маленького бала.

От Водных ворот, на нынешней Водной улице, поворотом к Уралу вал был земляной, не толще 1^{1/2} - 2 аршин и по свойству каменного обрешетки приподнятым был для ручной обороны; этот вал, где он по необходимости возвышался в узлах с другими башнями, поддерживался внутри контр-форсами, сделанными тоже из камня. По линии башенок, от Орских до Чернореченских ворот, стояли во выходящих углах крепостным пушки на кафетках, подставках, на более полутрудного калибра.

Вот так возмужало Оренбург от времени его основания до половины 30-х гг., а в это время бывший кортунский командир Перовский признал необходимым укрепить оборону устройствами оборонительных казарм, имеющих окна, обращенные к форштадту, углуб, а также бойниц для ружейной обороны, а в третьем наряде, который был и то войн линии бастионной одинаковой ширины и глубины и по тогдашнему фортификационному правилу с круглою обшивкою краев наружной стороны.

Постоянный гарнизон составляли два линейных пехотных батальона, две роты крепостной гарнизонной артиллерии, взводно-исправочная инженерная рота и крепостные арестанты, употреблявшиеся на работы по общему водоразбору.

В летнее время, с 15 мая, на усиление войск приходили один полтавский конный полк, имевший помимо кавалерии а. т. Стерляговских, две конные батареи Оренбургского казачьего войска в 12-ти орудийном составе, особые команды в несколько роты Оренбургского казачья, Ставропольские калмыки, башкиры, число последних доходило иногда до нескольких тысяч человек, они употреблялись преимущественно для казенных работ при возведении новых и исправлении старых зданий.

Войска, имевшие назначением охрану — конная артиллерия, полтавский полк, казачья и часть башкиры, размещались лагерем на Мясной горе в бараках, последние у артиллеристов и полтавцев были лучше, чем у казаков и башкир, имевших плотные бараки, впоследствии замаскированные дымными.

От проходящего офицеров много и слышал, что при этом работали башкиры и они же дали деньги на покупку леса и другого материала. Причина этого жалованья заключалась в том, что башкиры, иногда по 50 р., освобождались от службы и уходили домой.

Робочие команды башкир, за назначением места на Мухом, размещались на Уралом по бригам Старинды и Завалинских, а казачья в плотных бараках.

Вступлением летних войск в город каждый день было полным шествием. Через Самарские ворота по Никольской улице полтавцы и артиллеристы вступали с музыкою, за ними казаки, Ставропольские калмыки и башкиры, последние в национальных костюмах: в длинных кафтанах и островерхих войлочных шапках или котлах, имевших с обеих стороны отвороты по сумкам.

Войска, пройдя город, в Водяные ворота выходили на город и размещались в назначенных местах.

Костяку приходящим путем войск относиться кавалер Оренбургского войска непряменного тыстского полка, кожане и казначеи форштадта, и отрядах Бердском, Каменно-Озерном и Никольском, а впоследствии выславенные отослав в Близе основанный, Угольный (ныне Богуславский) и Григорьевский, но в лагерь их никогда не выводили.

В полном обилье сказанное относится до времени назначения генерала Перовского военным губернатором и корпусным командиром.

1. Эсен Петр Карлович (1772-1844), генерал-лейтенант, Оренбургский военный губернатор в 1817-1830 гг. Происходил из мелкопоместных дворян Лебедянской губ. Шесть лет служил вахмистром в лейб-карабинерской батальоне, «почтенный отец» сына Павла Петровича. В 1798 стал генерал-майором. За участие в сугубошном Швейцарском походе - генерал-лейтенант, в сражении при Прейсиш-Эйлау - красн са. Карьеры 3 ст. По свидетельством очевидцев, был человеком ограниченного, туповатым тогда русскую и немецкую грамоту. Продолжался по службе только благодаря известности Паху 1. При Александре был шефом разных батальонов, начальником разных дивизий. Участник первой французской, турецкой и Отечественной войн. С 19.1.1817 - Оренбургский военный губернатор. С 1.1.1819 генерал-от-инфантерии. 31.12.1819 пожалован 10 тыс. дес. в Оренбургской губ. В 1826 пожалован ареном в 7 тыс. руб. сер. на 12 лет. При Житне в Оренбурге были - ареном в 5 тыс. руб. сер. на 12 лет. 1841 - даны оторыта пенсия в Уфе, Оренбурге, в 1825 оторыта Никольское военное училище (покажет-оторыта), создана школа для детейных детей. В 1820 старевета заставили в Бугору (ныне Петр). С 7.2.1830 переведен Сиб. военным генерал-губернатором, с 184 - член Государственного Совета. 1831 - граф. Несогласно па-граждан. 1831 в 1832 - публичной с портретом кавалитера, портретом с портретом, 1834 - ареном Са-Андрея Перовского, 1839 даны пенсия пенсия к ареном Са-Андрея Перовского, 2.12.1842 ушел в отставку с пенсией в 4 тыс. руб. в год. Умер 23.9.1844.

2. Сибирская торговая компания первый высказый берет дачны Сосмары, в котором пролет сьез к мосту на этой реке. От Оренбурга в 7 верстах. фирм И.С. Пружанского)

3. В библиотеке Архангельской Консистрии ареном дачны Канадана. Он изданы в серии «Оренбургский Край» в 1893 г. фирм И.С. Пружанского).

4 В публикации: «наши бы и тогда».

5 В публикации: «и наша последняя».

6 В публикации: «орышуринский».

7 В публикации: «а у остальных деньги пропали».

8. Писемка публикует, в каком порядке истории «орышуринского декабризма» излагались в печати оренбургцы. Между тем, многие детали в рассказе несоразмерно не соответствуют действительности. Не будем игнорировать частности, а дадим последний расчет. Оренбургские тайные общество возникло ориентировочно в конце XVIII в. так «орыш» (француз) Новомихайловского общества в Москве, организованного по принципам масонства. Основатель неизвестен, в начале XIX в. руководил П.Е. Волынов, псевдоним Оренбургского тайнобратского общества или, по более вероятным, «Оренбургское масонское братское общество». После смерти Волынова в 1821 общество возглавил П. Кудрявцев. После смерти основателя или в 1822 воеводе Оренбургского общества псевдонимом известен - псевдоним преобладающий. Русские прислаивают после событий 14-12-1825, когда избирательные комитеты показали общество, признавшие тогда же название «Оренбургские тайные общества». Историки правительств сводили с существованием общества в 1812 в результате совещания по делу майора Астраханского гарнизонного полка А.Г. Кудрявцева, ранее служившего во 2-м и 4-м Оренбургских линейных батальонах. Он волевым служившим в члены «Оренбургской воли тайного общества», распространял фантастические слухи о молчаливых сторонниках. Предварительные сведения в Оренбурге могли сводный по делу - известный губернатор Энгельс доложил в Петербурге, что в крае «неизвестно тайных и сторонников». В декабре 1826 в Оренбурге был арестован П. Завалишин, из которого арзамасарийского учителя, разглашавший в слухах. Во время следствия над декабристами не знали: даже по своему брату в охоту. По мнению судьи воссоздатель (Н. Матвеевский) (Матвеевский П.Е. К вопросу о революционной ситуации 20-х годов XIX века и описанию декабризма декабризма в Оренбургском крае // Ученые записки Челябин. ГИИ. - Вып. А. - 1992. - С. 214-217) - он был скорее как дискредитированный себя движением, по мнению других (М. Рабинзон) (Рабинзон М.Д. Декабризм в Башкирии и Оренбургской губернии // Материалы научной сессии, посвященной 40-летию присоединения Башкирии русскому государству. - Уфа, 1938. - С. 147-171) - «собранным из известных ударов императора и дальнейшим революционным тайным об-

ности» (слова Замоскатова из полицейских протоколов). Скорее всего, Замоскатов был арестан из первой группы, «что бесспорный фактор». Факты свидетельствуют, что человек не был лишены ни каких-либо моральных устоев, нравственности, без предвзятости политический догмы — неоднократно доказав на окружающих, в том числе на губернатора Эссена, что в значительной степени предопределило его судьбу. Замоскатов истинно расстрадал слухи о своей причастности к тайному Владимирскому обществу, делами которого он якобы является и прислан для учреждения революционного движения в Оренбурге. Замоскатов дружил с офицерами В. П. Калашниковым, Д. П. Тютюновым и некоторыми другими членами Оренбургского тайного общества. Последнее с разрешения Кудряшова вошел с ним в контакт, но раскрытия, напротив, факты существования общества в Оренбурге. Сообщая Эссену письмом 11.4.1827, что интерес к существованию тайного общества (имел в виду инфильтрацию Владимирскую) Замоскатов стал добиваться создания документов этой организации для придания документированности своим доводам. Он утверждал, что в Черноморчанскую ланню скоро должны прибыть агенты из Владимира с донесениями и оружием, и что именно ему надо будет передать устав оренбургского общества, инструкции, должностные списки и списки членов. Поэтому он предложил Калашникову и Тютюнову составить такое общество, где бы они были ответственны председателем и секретарем. Кудряшов согласовал им быть осторожными и все же разрешил им и еще посоветовал другим членам действительного тайного общества войти в контакт. Был подготовлен Устав и инструкция. Ряд восставателей утверждал, что текст был скопирован с подлинного Устава, составленного Кудряшовым. Провести это невозможно, 7 чел. даже своим знакомым. Ряд инфильтрантов Замоскатов представил Эссену. Служит, что Замоскатов изгнан из Оренбурга не сразу, а только — доносом проинформирован в стенах губернаторской канцелярии. Кудряшов успел предупредить всех и уничтожить все документы, могущие свидетельствовать что-либо о существовании общества. В ночь с 15 на 16 апреля провали аресты (более 10 чел.), но вскоре беззастенчиво были отпущены, за исключением тех, чья собственноручными подписками раскрывали следствия. Они все утверждали, что их «обольстили» Замоскатов. Эссен не был так пророкован в раскрытии дела и по-что успешно составил список инфильтрантов фигурой Замоскатова, как подпольный и дружелюбный. Корпусной суд 4—14.5.1827 приговорил 6-х к четвертованию, 2-х — к повешению. При конфирмации приговора Н. М. Старков,

// «Петербургская газета» на 1862. — Ка. тайная (в духе штурмского). — Физ. снад., М., 1968. — С. 91—97. Из других источников принималась информация для обсуждения. Сакральные документы после конференции по поводу Эссена были уничтожены. Кадры не свет не будут ни до конца. Поэтому многие в истории области не имеют должного доверия. Складывается установка ряда историков представлять истинность и революционность участников области.

VI.

ГРАФ П. П. СУХТЕЛЕН (1830—1833)

С переездом генерала Эссена в С.-Петербург сюда назначен был военным губернатором и командиром отряда в Оренбургского корпуса генерал-адъютант граф Павел Петрович Сухтелен — человек добрый, окруженный уважением и к каждому, гуманней в обращении и замечательно выдержанный своим умом (1).

При неустойчивом положении дел в крае он неоднократно, чего не доставало для общего благоустройства, не сочувствовал мерам, предположенным его предшественникам к издворению здесь степной степи и саранчово от издворения набега са казана в пределах губернии.

Труд предстоял огромный, и граф Сухтелен старался найти себе способных, деловых и вполне надежных помощников, ко-новые нахлыли и нахлыли на службу сюда по призыванию. Они были: майор, впоследствии генерал-майор, Аким Иванович Сер-реда, подполковник Николай Александрович Минусин, полк, впоследствии генерал-лейтенант и командир отряда Уральско-го войска, инженер-подполковник Пис, полк тайный советник и предводитель Оренбургской пограничной комиссии, генераль-ного штаба полковник Гофман, Ямбургский, оставшийся здесь без дела отставной штабс-капитан Валескин, уволенный от службы за неверное составление в историческом отношении маршрута путешествия государя Александра Того (романа была

знать, бы Вилказана на краю Габбы, которую он занимался более, чем службой, правитель канцелярии Николай Васильевич Жуковский.

Мансуров, Гов. Жангуренина посылался с военными отрядами в степь. Гов. все время занимался киргизскими делами и по смышлению с Хивой и Бухарой; Балкашани был его личным адъютантом и имел дела в Башкирии и занимался наследственным местностей, где впоследствии произошёл был так называемый коммерческий тракт через Уральские горы в самую лесистую местность, от Верненбургской до Стерлитамака, сделавший доступным провоз товаров с р. Белой от Уфы на Урал к Восточнорусскому доставлявший удобной сообщением устроенным там заводами вместе движением лошадей, если бы существовал сзади Башкир бунт.

Много и других лиц называли Султанен, способствовавшие и содействовавшие ценному устройству края. Граф лично обозревал губернии, расположенные в ней регулярные войска и казачьи, отказался от предложения Зосимо сформировать 18 башкирских полков для охранения линии, что стоило бы очень дорого, и падал на этот же народ, оправданно могло происходить в нем разлит и даже восстание, усмирять которое пришлось бы вооруженною силою. В замине сего Султанен надевался более надежным охранением безопасности линии основать на коренных русских, для чего следовало усилить Оренбургское казачье войско; в этом виде полагал обрести в казачья четыре полковника на линии полковые батальоны, мало полковые здесь как полковые войска, сюда же переселить казачья внутренние кантонов, а равно батальонных ооудат и солдатских малолетних, живущих в Оренбургской и частью Самбурской губернии, из башкир четыре кантона, в Оренбургском, Верненбургском, Челябинском и Троицком уездах, оставить как войска на старом положении для назначения службы; остальных башкир, живущих в уездах принадлежной Уфимской, Пермской и Вятской губернии, обратить в податные постоянно с подчинением удобному ведомству, по тогдашнему времени отнынешнему своим состоянием управлению и заботливостью и имевшему более способным чиновникам, переднему предполагалось начать с башкир Пермской губернии.

Все эти предположения были рассмотрены в особом комитете и удостоены высочайшего одобрения, но предложенная мысль этой государственного чиновника остановила на время исполнение его проектов.

— При жизни графа Сутыгина последовало одно весьма важное законодательное высочайшее указ 10 апреля 1832 г. о предоставлении башкир-вотчинникам тех земель, которыми они бесспорно владели, с правом продажи и отдачи в аренду (аренду) лицам всех сословий с обязательством наделить землей проживающих у них крепостных, поселенных на их землях по соглашению с вотчинниками на различные условия, числом было по 7 десятин 100 с. душ.

— Кроме внутренних административных мер граф Сутыгин большое значение обращал на образование народа, для чего они могли сблизиться с русскими, усвоить общий тип образованных людей на деле жизни и выйти из — под влиянием фанатического магометанского духовенства. Обучить медицине молодых магометан могли бы лечить сами врачи, обращаясь за помощью к купцам и мещанам, проводившим всегда и во всем свой взгляд, основанный на личном толковании корана.

По ходатайству, нанесенному Сутыгиным, в 1835 г. последовало высочайшее соизволение на открытие 20 спеледий при Казанском университете для магометан Оренбургской губернии с отпуском на казенные 12 т. руб. ежегодно.

Мера эта была распространена и на башкир, которые посещать сначала в Казанскую гимназию, а оттуда перекочевали в университет, с образованием, очень немногие окончивали курс. Впоследствии некоторые татары чинились помощниками на эти спеледии своих сыновей, но простой народ неминуемо высказывал желание учиться в университете. (2)

На сколько гуманен и велик был в обращении граф Сутыгин, укажу на следующее.

Заметив не совсем трезвое поведение одного из числа приставов, временно исполнявшего должность полицейского и явившегося к нему утром с репортом о биологическом гербарии, состоявшем из выжимки, граф сделал ему отеческое наставление, как дурно человеку с таким ароматом впитаться в начальству, и выказал уверенность, что впредь этого не будет.

Он требовал, чтобы каждый день дежурный чиновник кондулера являлся к нему на случай надобности. Эти чиновники задерживали вместе с графом. Случилось, быть чиновнику немощного полета дежурным. Перед завтраком человек разоснул на подносе вилку и в чашке другой поддал дожурному. Выбегавшему, он сказал: «Дай на закуску сала-а». Граф победно указал ему бе-

ный и черный хлеб, показавший на подносе с другою закуской. Ченовские не подали ничего подобного ни у себя, ни у других, съезжавших и допл, откуда ему было угодно.

Блаженный орденовский урядник Ваулин (дворянин) от скуки играл в карты в карты в карты с лавком губернатора. Все было тихо, покойно, пока Ваулин при разыгрывании был лавком нору; но когда последний получил сам право быть его по нору, Ваулин начал с лавком драку. Произошел шум. Граф услышал это, вышел и, увидев в чем дело, выговаривал Ваулину как неправильно и нескромно дворянину связываться с лавком, играть в карты и драться.

Граф Сутолкин, не смотря на краткое время упрямления и изнурения лавком, обратил внимание на поднятые военные дела у казаков: он приказывал собирать их зимой в лабы, тренировать в поворотах, маршировании, собольими прыжками, отдалениями вешаю, при посеве клубов, а летом бывали большие маневры.

Я помню, как как драки старшки охотней танц, слуха и кордильный страх, отпуская, конечно, и сопровождения чадравные людей на лошадей смотреть маневры.

В обороне были пехотные батальоны, пехотные артиллерия, казаки, башкиры, казачьи и татарские полки один, а может быть и два, конные казачьи артиллерия. С Мамы направились в город, останавливались около сада, потом поехали, окружали город от Самарского до Чернышевского корот и далее в Урал, на ходу пехоты стреляли из ружей и наступали, делясь себе кисти в карды пехоты и мелкую пехоту, помчась стреляли прямо в поле.

Осажденные башкиры и казачьи влезали на вал и вступали в драку, устремившись в дело нагайки. Тогда же засела была у моста на р. Урал. Маневры казачьи были в 6 вечера. На другой день обнаружилось несколько несчастных случаев: промочили потах зрения от загорания, искалечение ушибов с лошадей, и тогда пострадал, как гласили казачьи артиллеристы, пребывавший дарид и не успевший отнять руки, тогда дарид вылетел, обе руки были оторваны.

Граф Сутолкин жил и умер в доме Тимонина, что против Вознесенской церкви. Хоронили его в особливой пышности: в параде были войска всея России дружина, стрельцы из пехоты и дружин; перед Царьстеновской богатыней было пустое место, и на нем стояла артиллерия, выстрелами побил много стрельцов дружин.

Сутюжен был положен в ограде Петропавловской церкви. Гроб ввели нарядом, сопровождаем отдать честь любимому начальнику.

Через несколько лет гроб был увезен его дочерью в родной склеп, на могиле остался один памятник в виде скалы из гробовского камня с выложенными досками в армяки солдаты со- войников [3]. В 1825 с ним подана доска была украшена, вероятно, бар подвигал, что она ценная.

Летом граф Сутюжен жил в саду, где ныне армянский двор. Сам сад в то время был много лучше. Для работ в нем назначались бакары, а для караванов земли урядник и казак.

В праздники бывали фейерверки на Ураке и роще, там же бывали музыка и песенники.

Вечером в торжественные дни ставили на сцене зажженные свечи, но не более 10 часов, в вращающихся частях гасились раньше. Прислуживать и обслуживать, сидели драги: казенные или со- бственные богатых людей.

1. Сутюжен Павел Петрович - 1786 - 1813 (Оренбург) - генерал-адъютант, граф. Сын и крестного генерал-майора Петра Карловича Сутюжена. Получил домашнее образование. Окончил службу в колониальном в 1802, в 1807 - поручик, командирован в казачьи роты. В 1813 участвовал в историческом сражении, собственным ударом в голову был контужен, попал в плен. На поле боя встретился с Наполеоном, сказавшим: «Он! Он так мотал и надумал так- таться с нами!» - «Молодость не может быть пробыта» - «Арми, молодой человек, очень прекрасный, продолжайте служить и вы увидите больше». Участвовал в кампании против Франции (1807), Швеции (1808-1809), турции (1812), Отечественной войны 1812 и освобождения от нашествия в Европу (1813-1814). С 1816 генерал-квартир- майстер Главного штаба Е.И.В. В 1817 назначен штаб-квартирантом Карьера, он участвовал в войне против Персии на южном берегу Каспия. С 5.7.1818 - Оренбургский военный губернатор и командир Оренбургского корпуса. Выполнил большой стратегический ка- занов, смотрел на их территорию, как на колонизируемую. Дебатовал перевести казачьи в казенные поселения - решение было принято, но реализовано уже после его смерти. Учился учиться для детей без- ных военных чиновников (будучи Павловской военной комиссией). 1821 - назначен военный комиссар. 1823 - построен мостик через реку - мост - назван в честь его в городской центр. Умер 25.3.1813 от

защиты и потворство в ограде церкви св. апостола Петра в Иване.

Эта статья см. также статьи: «Первые годы из батальона Оренбургского воеводы», помещенные в IX вып. «Трудов Оренбургской Учен. Архивной Комиссии», стр. 17. (прим. Н. С. Шустовича).

1 По другим сведениям граф Сутолкин не был отправлен и по-прежнему на месте первоначального его погребения. См. статью С. Н. Семеновича в IX вып. «Трудов Оренб. Уч. Ар. Ком.» Стр. 51. (прим. Н. С. Шустовича).

VI.

ГРАФ З. А. ПЕРОВСКИЙ

(1833—1892).

После смерти Сутолкина влиятельным губернатором и командиром корпуса был назначен генерал-адъютант Толкачев, но предавший себя и получивший назначение из Клевера, а в Оренбурге прибыл генерал-адъютант, генерал-майор Василий Александрович Перовский.

В Оренбурге был много старше его по службе начальник 18-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Жемчужников, долгое время здесь служивший; он в порядке подчиненности должен был поступить под начальство младшего и совсем младшего генерала Перовского, которому было 36—38 лет.

Перовские восстали следовало высочайше одобренным предположением графа Сутолкина и справившись всеми мерами с тем, чтобы вконец и был особой поимки привести их в исполнение. При самом вступлении в должность он слагался правитель, себе отрубливал миллионы, дарили и в короне образованных, в том, что не подходило под эти условия, получил отставку, начальник корпуса штаба генерал-майор Мистраль, дискурный штаб-офицер Матерн были заменены первым полковником генерал-штаба Рубинским, и Матерн другим.

Генерал Дроздов, имевший квартиру в крепости Базильской, выслужил 20 лет в низком чине, получил звание св. Анны за беспорочную службу, потом уволен из приказа и достигнул до генерал-майора по гарнизону и бригадному командиру. Генерал он был прежде купец и хороший хозяин. С увеличением в отставку он отправил на родину, в Тамбовскую губернию, на 150

пашадак собственных лошадей разного имущества, выжонная скотина казанского бараньего мяса, при оточивании в пруд для двора. Два родных брата его, служившие при императоре Павле в гвардии, тоже были генералы и, сверх того, пожалованы поместьями.

Бригадные командиры на линии фронта претяжи обязанностей по сей должности, были начальниками караульной стражи, выполнявшейся на летнее время для охраны линии от набегов киргиз. Им поручали и другие дела, возмещение у башкир и киргиз, и от всего они извлекали доходы. С наступлением Перовского два бригадных генерала и почти все командиры линейных крепостей, за исключением Орск и Илецкой заставы, были упреждены. Четыре линейных батальона солдат образованы в казакбе. Оренбургский пограничный комиссар в лице нового председателя, полковника, а потом генерал-майора Генса, получил умного, энергичного и достаточно знакомившегося с казанским начальником. Гене все время пользовался уважением Перовского.

Башкирский народ, ниспослав своих кантонных начальников и подчиненный замыслам исправником, получил опять-таки управление по образцу казанского, так как обязанности его заключались в отправлении военной службы вместе с казаками. Начальник их был назван командующим башкирским войском, и пребывание его назначено в Оренбурге.

Как я уже говорил, в Оренбурге на высшие должности назначались старшие генералы, служба которых в армии казалась бесплодной. Генерал-майор Гельд, при назначении Перовского, командовал Оренбургским казачьим войском. О военных дарованиях его и заслугах его мало известно, а неспособность свою он проявил на первых порах.

В ноябре в 1836 г., издавалась общественная записка для обеспечения народного продовольствия. Эта была по закону мзда, требовалась обязательного труда, но была размыслена казачьими слугами. Казаки видели в ней что-то новое, непонятное барщину, не поверили, чтобы государь требовал от них сверх службы еще обязательной работы, отказались повиниться и свести хлеб. Замечательно, что отказы начались с башкирских Оренбургских станций, казакбе, Чернореченской. Станционный начальник донес губернскому начальнику, жившему в крепости Нижне-Казанской, тот прислал свое донесение обратным путем в войсковую канцелярию. Пока там судили и рассуждали, что делать, прошло более недели; наконец решено было довести ко-

енному губернатору Перовский получил доклад и его вторично медлительность и неумелость потужить даило и совсем нанеде. Тотчас же приказал он готовить экипаж к отъезду, одному из батальонов, расположенных в Оренбурге, следовать за ним в Чернореченскую крепость, где получить личное назначение, проездом через Оренбург Перовский заехал на квартиру генерала Гельда, которого застал потерпевшимся и ничего не предпринимавшим для подавления волнения. Перовский на слова генерала, что казаки не шумят и бунтуют, ответил, что он не генерал, а..... Записка введена была с примитивом крутые морщины лбу и плечи, одетые в солдат и высланные на более отдаленный пост (станция Новоросская и Кумандин образовались из нополонных казачков) устроили нехорошие. Генерал Гельд был переведен на место команданта в Оренбург, а командующим Оренбургским войском назначен генерал-майор Шумский, человек крупный, строгий, требовательный, ничего не спускающий, а с казачками черным жестоким. Когда он ездил по войску, казачьи челобитные, расги и жалобы были в постоянном ходу. Как администратор, Шумский ничем себе не позволял и Перовский, убедившись в малой способности казачьих дельцов, их беспомощности, административные дела в войске, а именно общественную записку, заведенную новой линией от Орск до станции на р. Ур и еще подготавливаемые линии к переселению казачков на внутренние станции на новую линию они непосредственно от себя через особую образованную урядованье.

Другими общественными записками пером время упоминал инженер-капитан Агальев, именный у себя дружно дела по хозяйственным постройкам казенных зданий в Оренбурге, для чего в его распоряжение была большая команда рабочих башир. Агальев на свою часть из урожая хлеба, поступавшего в казну на довольствие войск, получал от 10 до 12 тыс. рубл.; не довольствуясь таким громадным подкреплением, он извлекал выгоды из употребления башир на работу по постройке себе дома, для которого пользовался казенными материалами.

Перовский, уже об этом, зная его своего характера без особой осласки, а когда Агальев решил благодарить его за высокую по казенному армянскому награду, протестов. Становилось на шее. Перовский сказал ему, что он подполк и должен благодарить не за награду, которая не заслужил, а за то, что именно в нем, считая его частным человеком, когда в доме он был всегда подполком, а потом в приказе опубликовал все его действия.

Общественная заташка впервые была введена в селения удаленных казаков, откуда, не сомневаясь, она пришла и применена к Оренбургским казакам. В каком виде и в каком размере овсяный хлеб в удаленные пункты доставлялся, для упрощения всего издававшегося приказа не служило поводом: но как ведомство удерживало всем считалось обязательным, то и было предположительно подчинить его управлению башкир. Брат генерала Перовского, Лев Александрович, состоял товарищем министра двора и уделов, и от него могли быть даны необходимые указания.

Из всего должно выйти заключение, что Оренбургский военный губернатор искал кое-что из новых порядков применить к казакам и был уверен в несомненной пользе заташки у казаков. Составителем проекта был капитан Агапкин и по его проекту, получившему высочайшее утверждение, господствовали: засевать ежегодно по одному туду на каждого казака, исполнять все относящиеся сюда работы – распаху, покос, жниво и мелотью – трудом казака. Хлеб в известном количестве должен был поступать для образования запаса на перекормные годы у самих казаков, а остальная часть урожаев подвешивалась к денежному представлению казаны на довольствие войск по постоянно определенной цене, 25 или 26 коп. за пуд. Полученные деньги распределялись в процентном отношении в денежный запасный предположительный капитал, в награду людям, наблюдавшим на месте за работами, и служащим в центральном управлении по заташке, каковой была при кандидатах губернатора отделанная, не издававшаяся в общий состав.

Заведовали они отделением лица по назначению военного губернатора из людей, пользовавшихся его доверием; остальные служащие были пестрыми из казенных учреждений.

Кроме означенной доли – образования казенного населения в перекормные годы – вышло в виду усилить войсковой казенный капитал, тогда почти не существовавший, но необходимый для преобразования войска.

Хлеб предлагалось продавать казенным по уменьшенной цене, чтобы поддержать незначительный у них кошель, угрожаемый в недалеком будущем хлебобогатством казаков и способному политическим отношениям к киргизам, овцам своим покосам, молти перейти в незаконные от русских пограничье и теснее общаться с Хивой и Бухарою, нынче чуждыми.

Неудача в самом начале инициативы дела. Не простые казаки, ни близкий им казачество не были убеждены в пользе заташки,

видели в них одно обременение, выгодами же пользовались сами наблюдатели за работами, и, наконец, по общему мнению, считалось излишним, усилить которую, увеличивать труд казаков впоследствии зависело от начальства. Казаки не верили, чтобы на это была воля государя, которому они служат во всем по своему содержанию, а тут еще от них требуют труд для награды наблюдателям.

Посетить один судан требует много времени, но не самым делом было на то: в самый два-три казака, но ни один на службе не имея, отсюда старая, одному работнику посетить и убрать три суда дело не легкое, ибо при усиленном работам требовалось на это до двух недель, которые нужно было взять в досрочное время и в ущерб своему хозяйству.

При строгом требовании начальства и наблюдателей набиралась самая строгая пода. Она, видя свой интерес в своевременной работе, прибегала к палке, плетя, когда кого замечали порочным. Отчисления на долю наблюдателя доходило до половины хорошего вознаграждения — 500 руб. асс. в год, двум производным в половинном размере.

В первые годы, пока Гирсовский был губернатором, запашка шла административно, но с 1836 года дела начали вникаться в упадку, в этот год был сильный голодовка, и запашка ничего не могла дать. Чарья год начался переселения казаков на внутренние станции не только и запашка не могла производиться своим населением, а в 1842 г. вместо Гирсовского назначен был генерал Обрунов, с первых дней не сочувствовавший многим проектам своего предшественника, а общественной запашке в особенности. Гирсовский на своем казенном внутреннем станце, в который сильно устремилось отращивание от него дела, переделал это отращивание на новом месте своим товарищам. Запашка ни в ком не находила сочувствия. Обрунов предпринял выдачу наград, упразднив существование при его канцелярии особой отдаленности, послав в его дела на получение войскового правления, требуя одни отчеты. Запашка не далее продолжалась, лишь сваливая плохую всаженную землю и бремя собственного казенного босова, и если рождалось что-нибудь, убирала то же по означенным своим работам, вследствие чего хлеба получалось очень мало. Все это повело к кодастайству и приращиванию запашки. Ко вторичному вступлению Гирсовского в управление графиня была рассмотрена о министерстве и предложено что будет объяснено в самом месте.

Перовский, желая изыскать положительное истечение войсковых доходов, подтай ставил в дарование войску права на недра земли и как по местному положению было всего о на казенных землях могла развиваться золотопромышленность, то прошил отпуск их казенны 150 т рубл., или 42 т р. по настоящему счету. Позже это даровано в 1835 г. войско получает вышесказанную сумму, оставив за казенно право распоряжаться добытком частных лиц в разработке золотосодержащих растений.

Первое время не было предпринимателей, казенн ничего не получали и министерство финансов высказалось за прекращение отпусков. В 1842-45 г.г. возник предприниматель, казенн офицер Ковбани, открывший золото, и с того времени промышленность эта развивалась: золота добывается до 100 пудов в год, а ныне найдено жемчужное золото в Канадской системе.

Неблагородные металлы и минералы войско предоставлено правам отравать в арендное содержание особым законом, изданным по представлению графа Перовского в 1853-55 г., но до сего таких отдам не было, но несомненно, что рудные богатства находятся в недрах войсковых земель.

Естественные богатства на башкирских землях были в руках частных промышленников, которые получали большие выгоды в свою пользу, платя несправедливо арендную сумму и не имея в работу их же за некое вознаграждение.

Народ этот имел самых капризных начальников и старшин, живших на его счет и эпитками обогащавшиеся - казавшие платить было не из чего.

Граф Сутылен обратил на это внимание и установил взимать особые пошлины с частных промышленников, заготовлявших в башкирские леса бревна, дрова и другие изделия, определенно самый размер, сколько козлов может продать в год, и с тем условием, чтобы продажа происходила не в лесах, куда лесные материалы должны вывозиться грузом, а отсюда на станцию.

Законом, изданным в 1833 г., о продаже башкирских земель предоставлено третья часть договорной суммы обращать в общественный капитал, тоже самое должно было соблюдаться и при отдаче земель в куптом. Таким образом, положено была основание башкирскому капиталу, достигшему впоследствии значительных размеров.

Приняты эти привилегии казенную реформу. Частные лица не могли без общего согласия владельцев-владельцев земли

брать последовало с восковыми запечатанными контрактами и эксплуатировать башкирские угодья, для этого нужно было легальное согласие вятчинников, изловченных в приговор, утверждение приговора военным губернатором и заключение формального контракта. Препятствую этому порядку требовалось много времени и больших расходов в разданные руки башкирам каменных денег, на подарки вятчинным начальникам, старшинам, без последствий которых дело не могло обустраиваться, а когда не получалось утверждения приговора, то все попытки пропадали, искать было не с кого, так как башкиры денег не давали. Таким образом, на башкирских лосов были изгнаны даже такие промышленники. Контракты которых составлялись с согласия вятчинников, но являлось какое-либо нарушение. Предумать если сами башкиры не могли, за них ходатайствовали их старшины по предписанию начальства, а последние прямо предписывали изгнать промышленников простым распоряжением земской полиции, которая не могла ослушаться приказаний военного губернатора.

На такого покровителя дела Перовский находил помощника велье дожд и общую пользу башкир, кроме и на другие потребности. Заведены были три потешные заводы, на которые нас доставлялись башкирами но не дан за определенную плату, перепродавались в шкуры, а потом в поташ, который отправлялся на баржах для продажи в Нижней Новгород, куда ходил особый чиновник, специально занимавшийся этим делом, стрелецкий Корольев. Ежегодный доход достигал до 100 т. руб. по тогдашнему счету. Из этого капитала лавина до сих пор уходит на награды служащим при Перовском: командующий башкирскими войсками Цюлькевичский и Башкирия получали по 10 т. руб. в год, что при тогдашнему скудному содержанию давало возможность жить на широкую ногу.

Наблюдаясь на месте деятельности были небольшие склады, но и они также умели найти свои доходы: зерна от башкир принималась вместо пуда с добавкою 10 фунтов, мясала, обеды и другие мелочи издалека привозились и брали принимались по низкой цене.

С иступлением Обручева потешные заводы представляли не более года и были им закрыты.

В другом виде доход от лесов получался в самом Оренбурге, который всегда пользовался строевым лесом и дровами на Башкирию. По ходатайству Перовского последовало выделение по-

желание покупать у башкир лес, рубить на местах по какой-то цене, а сплав проводить по рр. Уралу и Сальваре до Оренбурга башкирами, наряжаемыми для сего на службу, как и другие рабочие команды. По шведским такому порядку дрова на отпущение казенным зданиям доставлялись по самой низкой цене — от 1 руб. 50 к. до 3 р. 50 к. за 3-хпольную-сажень по нынешним ценам по такой же низкой расценке бачки и бачки для казенных работ. В заготовлении леса обходился неимоверно дорого и доставка равносильно шлаквалу на частные заводы, купленным лес продавался по довольно возвышенной цене. Лесной сторожевой павильоном слабее всякого другого укрепления по заготовлению строительных материалов, а других, тоже казенных отделений, куда по приговору строительных команд, мастеров, артелей, которые тоже готовились башкирскими рабочими командами, сосредоточившимися на сходе лесов общества, а за работу получавшими плату по низкой цене: 5 ¹⁰ к. пошному и 11 коп. конному за урон по уронному положению, которое на столько было низко, что за дневную работу конный получал 5 коп., а пеший 2 коп.

Общими отделенными первое время заводской инженер-полковник Тафьев, впоследствии в парке были численными особым поручением губернатора, а в последнем инженерные офицеры.

Дрова от этих операций были значительные, состояли в полном распоряжении Перовского и дали ему возможность увеличить состав управления главного начальника края. В основном штате было много лиц образованного класса и известных фамилий. Личные его адъютанты были все молодые гвардейские офицеры: Капустов, Ченцов, Габба, Витковский, не оправдавший себя в политическом отношении и кончивший жизнь самоубийством (2). Из гражданских чиновников были братья Канниковы, Дале, в литературе «Базис Гудинский» — все известные имена.

Весь этот кружок, со включением лиц, занимающих высшие должности, составлял исключение. Жизнь этого кружка была в значительной мере выходя из столичного общества и благотворно действовала на средний класс.

Оренбург в то время стоял далеко выше губернского города Уфы, в котором богато местные помещики вовсе не жили, преимущественно составляли предприниматели и занимались разными паями, выступавшими из канцелярских чиновников, в нем принадлежали нередко высшие губернаторы, и сам губернатор, если он был образованный человек, терпелся между ними.

Перовский в первые годы управления оставался в Оренбурге и много разнообразил общественную жизнь: на Пасху промывал бороды и скакал, праздн Перовский выдавал от себя коты и на дорожку, но в общем на довольно значительную сумму, потому большие охотки бывали летом около горы Сулака, а 10 и 12 в. от Оренбурга, и наконец для привлеченных к себе народов Перовский в праздники, промывая вербам под кончиками и казачьим форматом, ел и пил и платил немалые серебряные деньги.

Перовский нередко посещал церковь, но чаще бывал в Вознесенской, как самой ближайшей к его квартире. При выходе из церкви давал одному из молившихся купцы горсть мелких серебряных денег для раздачи нищим. Порядка этого Перовского не изменил и при вторичном управлении краем. Я сам видел эту подачку в церкви Петра и Павла. Вообще на бедноту народа денег Перовский был очень щад. Подаяний Катанов тоже не был скуч на подарки за простую услугу, но милостыни нищим отрывочно из генерал-губернаторов не давал.

Из прибывшей по торговле местными товарами составлялся так называемый экономический капитал, состоявший в основном распределении гденым и частным краем.

Перовский в первые годы управления построил караван-сарай, занятый ныне губернским правлением и квартирой губернатора, дом, занятый ныне реальным училищем, во времена управления Перовского не было вполне остроум, предполагалось и для особого назначения, но по ходатайству генерала Обручева занят был 2-м изданием Никольского издательского выпуска, а потом уже передан в министерство народного просвещения: в нем сначала помещался учительский институт, замененный реальным училищем. При нем же остроумно дворцовое собрание, существовавшее под этим названием до 1879 г.; в этом году во время сильного пожара, уничтожившего большую половину города, здание сильно пострадало; на ремонт его мостов средств не было и по распоряжению генерал-губернатора Крыжановского было передано городу и названо общественным, направлено оно производно городом на долготворную осяда, выступил банк. Хотя назвать названое общественным собрание, но по правому служить для интеллектуалов — чиновников, а купцы угрозили свое командирское собрание, для которого наняли частные дома.

Здание общественного собрания можно бы использовать для дворянству, но губернским предводителем Шок по недостатку удво-

рен средств и ввиду дела о разделе общего дворянского имущества между оренбургскими и уфимскими дворянами наде на прощол об этом, а в мое председательство дворяне хотели вернуть себе это аданна, но так как оно юридически принадлежало государственному обществу и управляется старостинами, то последние не согласились на передачу и даже не признали ответа на мое предложение об условиях.

Личные доходы, кроме пестрова, расходовались на другие предметы по непосредственному усмотрению начальника края. Прибылей было много в управление Перовского, тогда существовали особенно выгодные пшеничные заводы. В это время выдавались награды, из них Перовский на экстраординарные расходы получал из казны всего 10 т. руб. в год. Расходы же у него было много: строил себе на конюшне дачи, звал помощников, имел большой штат слугащих, живших с ним вместе и на его счет. Для пособия обращающимся к нему бедным не было специальных средств для этого он изыскал частный источник, покрывавший его дополнительные расходы.

В настоящее время начальники не могут собирать изъятых в законе доходов, но в то время не знали в этом правонарушения, а сам Перовский со спокойною совестью расходовал деньги, получавшиеся за труды башкир.

Тех точно определенных прав, какие впоследствии даны были Оренбургским генерал-губернаторам Перовский не имел, строит и заводит, что находил полезным, по своему усмотрению, расходы производил и на такие предметы, которые никак не могли относиться на общественный счет. Жил на конюшке среди башкир, он избирал к себе пшениководного цырюка немца, в казны его и его штата велились количества: устраивались для башкир праздники, охоты, угощения для привлечения башкир к русскому правительству, ибо они видели заботливость о них, а не по отношению, какое было прежде и после Перовского.

При нем были учреждены два общественных завода. Первый (3) для означенных башкир с новыми учрежденными приемами пшениководства, для него посылались мальчики в школу пшениководства в Черниговскую губернию к известному пшениководу Прохланскому. Но из этой затеи ничего не вышло, башкиры остались при своем способе пшениководства в бортих и в выставках конюшек. Завод, не окупавший себя, был закрыт.

Другой завод — конюшней был основан в Оренбургском уезде

при деревне Исламгуловой, на реке Ташке при впадении ее в р. Я. Производителя даны были с государственных заводов, и мотки — поворотарваны богатыми Башкирами.

Умственной породы людей завод не дал: жеребцы в пастбище своим движением башкирам, не имеющим собственных моток, не давая обременяться не употребить полученных жеребцов в работу, и на самом деле этого не исполняли, кормили их плохо, и жеребцы вскоре обременялись. С упреждением военного управления завод был взят в казну, на содержание его расходовалось много денег, в 70 г. г. он был закрыт.

Перовским в первое его управление края были предприняты на экономические суммы выданы в его распоряжение, и другие полезные предприятия. В 1835 г. начал водопровод в Оренбурге, в том самом месте на берегу р. Урала, где он и теперь существует. Вода была в бассейне на городской площади, существующий и ныне, но в доме не была пущена, браны ее бочками бесплатно. Дрова для отопления водопровода отпускались даром из казенного запаса, Управлял водопровод инженером немцем (4), говорил, что он офицер, получил большую по тогдашнему времени жалованья — 3 т. руб. асс.

Водопровод был неудовлетворителен, а Гиндиак Обрунов мало отпускал на него казенных дров, заготовленные которых и при нем продолжалась.

Перовский по образу своей жизни, издревности, с какою он был дельным на плане расходов, которые не позволяли себе делать ни один из его провинциалов стоил выше всех прочих бывших главно начальников края, привлекал к себе в сотрудники людей талантливых из служащих при нем, давал им денежные награды, но никто не знал, откуда он почитает нужные ему суммы.

Гостей он постоянно принимал с полным радушием и любезностью. Известные путешественники, как напр. в 1840 г. Мурчисон, находили у него привет, покровительство и полное содействие.

Башкиры с им Уральскими торгами и конными на жителях скотоводов, тогда довольно состоятельных, привлекали сюда людей достаточных, желающих познать что на поле прираща, поле сумас, видеть для них новую землю, другой народ, необычные виды клещей и мелких речных, большие леса, богатства разнообразия дичи и рыбы, о которых во внутренних губерниях не могли знать, повествовать.

— В 1841 г., последний год его первого управления, на конном у Перовского были известные по своему общественному положению лица — граф Алексей Толстой (известный писатель и поэт — двоюродный брат Перовского по родной его сестре), камергер Скаретин и другие лица в числе 10 или более человек.

С левым берегом на р. Белгушии лица эти охотились, под прикрытием башкир, по р. Урал для охоты за сабитами на киргизскую сторону, где тогда водились табуны этих животных (5).

Содержание гостей, скраи на башкир, награды последним требовали больших расходов, и Перовский удалялся от них из соображений средств.

Управляя корсаком, установив спокойствие и порядок в крае Перовский вполне был уверен в дальнейшем благополучии, которое ему сулило все окружающее, в полной полной доверии императора Николая Павловича, и поэтому естественно стремление к жизни администратора прибавить славу завоевателя, но здесь оказалась его несостоятельность. Автор идеи, обсуждения и обсуждения исполнения ее в теории, твердеет исполнению в жизни другой, который занимался им под его наблюдением. В частности окружающие его нельзя было сомневаться, но он не знал своих помощников с той стороны, которая открывалась на деле. Простое или умозаключенная ошибка разорвала впоследствии все дело. Во время никто ничего не видел, а может быть некоторые и замечали, но не говорили, потому что Перовский не любил противоречий и указаний, вследствие чего некоторые из его проектов кончились неудачно. Более всего неудача отразилась на зимнем походе 1839 г., когда отряд, собранный из лучших войск для разгрома Ханы, не пошел в степи даже Зыбы, где зимовал и обессилил себе потерю людей от болезни и скоро возвратился с большим в пределы России не только ничего не достигнув, но показав военную слабость сил русских.

Одно из главных причин неудачи заключалась в том, что содержание отряда всем необходимым Перовский предоставлял в полной распоряжение генерал-майора Цюлковского, прибывшего сюда с генералом Эссеном капитаном и доукомплектовывая здесь до высшего чина и маршевой для него учрежденной должности командующего башкирскими и казачьими войсками. Цюлковский в конце 20 ст. для реки вошел в буяры. Первый раз с купеческим караваном зимой, с той же реки Зыбы караван, вследствие постоянных нападений киргиз и казахов, вернулся

наплывом. Другой раз — в отряде полковника Бирта (последствие генерал-Фельдмаршала и наместника царства Польского), имевшего дипломатическое поручение к Бакраковому Эмиру. Царский почему-то рассчитывал, что за Эльбой climate мягче, морозов не бывает, и просто колдовская погода, которую русские вынесут легко, и во всяком случае, и не так утомится движение при передвижении по снегу, как летом, когда приходится идти по колее в сыпучем песке и при засыпающей глади, руг, уда и отталкивание дынами людей и животных лапы, а также при недостатке воды.

В этих соображениях теплая одежда солдат приготовленная была из материала плохого качества. Вместо меховых полушубков веревки шапки были одеты на подкладке из джубаги (В), покрытой кожаной, сшитой укороченными паланидами, а туловище из войлочной шерсти, получаемой при выделке оленей. Все это было сделано по подобию немцам дурно, не прочно, и при первом осмотре можно было видеть, что в такой одежде люди не дойдут и половины пути, что и случилось на самом деле. Попытка на джубагу, но всегда приходилось вставать, сматывая джубагу и отталкиваясь, а покрывала из войлока, если и держались несколько дней, то никак не защищали от холода и не согревали солдат. Чулки из войлочной шерсти после недельной носки делались не к чему годными, как не обертывали солдат ноги, они все дала, а с наступлением морозов обмораживались; к тому же сапоги и лапачи пошива, так как солдаты были не привыкли, а сшитые на несколько пусков.

Обоз, везенный на верблюдах и телях, был очень неудобным для отряда. Верблюды ходят не рядами, а врозь, один за другим, масса и десятки тысяч голов препятствовала на дороге вперед, требовалось охрана от нападения неприятеля. По приходе на ночлег нужно было с каждого верблюда снять вьюк, очистить до земли место для лежания животного, на все требовалось несколько часов, стояла же при поднятии отряда в путь так что люди едва успевали съесть что-нибудь, как их поднимали для сбора и ухода в выезд. Во время пути, если один верблюд от болезни падал, останавливался весь отряд, так как нужно было животное выводить в сторону, после некоторого движения вперед — снова остановка, и при таком порядке войск шло медленно, по 5 или менее верст в день и короткое время.

Люди болели, умирали, животные падали, просыпались на мороз, и при таком уходе отряд достиг Эльбы при тропе Чуча-

есть, где и останавливались по манеру наших людей и животных. Морозы в ту зиму доходили до 30-35° Р.

Напрямиком не шли, кроме небольшой партии хановцев, направляясь на рогат оленей и оленей Оренбургских казаков под начальством капитана Ерофеева; это нападение было отбито с большим уроном для хановцев.

По рассказам очевидцев Пороховский устал духом, видел неудачу, предпринять которую он имел возможность, не выступив с места.

Отправиться на войну в полной уверенности, что русскими морозы не страшны, так как и прежде посылались отряды в степь, извещавшиеся иногда переправой оленей в колода, но забывали, что эти отряды были из казаков, экипировки, куда они идут, и что нужно идти с собакой, тогда как оленей должны были идти в том, что дадут.

Едва ли не для трети пехоты и кавалерии глубоко в степи. Многие пострадали казаки Уральского войска, выступившие в составе полка исправно снаряженными.

Ворблуды, лошади, припасы и другой багаж были брошены, потому что идти было не на чем.

К этому нужно добавить, что казачьи чины за материальную отсталость были восточнее недвизавшими, для чего разделяли не до ног и были платили на сильном морозе. Общий отрыв был в Цинкозском, как о выезде.

Так кончилась хановская экспедиция, которая предполагалась быть грозой для Хивы и в доказательство этого были заданы в Оренбурге приказания с карманом казачьих купцов числе нескольких сотен человек. Они подверглись, как арестанты, в казачьем доме, ныне занимаемом туркестанской губернии, а часть их, по недостатку помещения, была отправлена в другое место, кажется, в Бирск. Летом 1840г. хановский сын прислал всех бывших у него в плену русских мужчин и казаков, всего до 400 человек, после чего были освобождены хановские купцы. Показав, что до полонения их умерло в Оренбурге от тоски и разных болезней.

Неудача хановского похода послужила в хановских могометанских уверениях, что Хива город святой и не может быть взят христианами, о чем будто бы было написано и в их книгах. По этому поводу в Уральске была сильная драка у казаков с татарами. Атаман Коковенного успокоил казаков тем, что будет другой поход в Хиву и что русские разгромят хановцев. Казаки успокоились этим уверением и успокоились.

Примены враждебным действиям против Хивы заключались в постоянном подстрочательстве данков на наемных кочевников против русских, во лжесудных выездах и грабежах, в незаконном обороте с кочевниками (попадая), в пленном держании хивинцев в рабстве русских людей, заключенных на линии, а также на морском рыболовстве, где ловили туркмены и продавали в неволю в Хиву. Трудом этих несчастных производились все тяжелые работы. Основанием для обращения пленников выставилось то обстоятельство, что Россия никогда не имела войны с Хивой, а потому и пленники не может быть, заключенные раб-бойниками кочевых кочевых кочевников не могли погнать и держать в неволе.

Хан на это отвечал уклончиво и в 1838 году прислал в Оренбург несколько человек пленников, но всем отпустить не захотел. Тогда то и была сформирована вышеописанная экспедиция, которая хотя и не вступила в военные действия с хивинцами, но все таки имела хорошие последствия: хан, видя угрозу, выслал пленных и с наемных орденов послышество, которое шло в Петербург и там были установлены условия мира.

Письменный договор вошел в Хиву, по повелению государя, повелевая Давыдовский, отдав его в руки хану, возил от него обязательство за подписью хана.

При входе русских в Хиву в 1873 году договор этот на русском языке наемных кочевников хане среди разногласия хивинцев.

Теперь, как описывалось хивинский хан – пленный русский-пленник, генерал-лейтенант Оренбургского казачьего войска, носит титул княжества, в 1880 с присутствием на коронации Александра III в Москве. Я обладаю им задержанным столом, между ними и был Московский генерал-губернатор князь Долгорукий, с которым хан подписал об обязательстве всего в жизни. Бывший злой враг русских – гость русского государя, а в, иногда не думаящий так мирно встретиться с таким врагом, мирно обходил с ним за одним столом.

Говорили, что на хивинскую экспедицию был отпущен миллион рублей по тогдашнему счету, но это далеко не все. Провант и другие принадлежности для похода были доставляемы из Оренбурга и продолжение пути 1839 г. транспортом на лошадях и устроенные временные в степи укрепления, как степи бывшего следования в Хиву. До этого был услаженный наряд бакир с телегами в две и три лошади. Последние все погибли в степи от изнурения, тогда и были брошены, люди оборванные и больные

прибывали в Оренбург, здесь им выдавали по 5 р. ед. На человека и отправляли в дома. Башкиры были из Пермской и Вятской губерний и из отдаленных от Оренбурга уездов Меньшенинского, Барского, Бузувьянского и других. 1839 г. был голодный, цена хлеба доходила до 3 р. ед. за пуд, сено до 10 р. и более за воз, и крестьяне были дряхлы бедные и больные в обморочной одежде на 5 р. за несколько сот верст? Оставшиеся у некоторых лошади не могли идти даже в города. Пошедший в этот год голодом у башкир до 5 с. голов.

Гордый характер Перовского после неудачи казанского похода сильно пострадал и самому ему пришлось выслушать много неприятного от высших властей. По приезде в Петербург, поворот, военный министр Чернышев не пускал его в государько, т. е. не допускал к нему, и Перовский решил сам рапортовать дворянскому его слуге. Избрал время, когда Николай Павлович был на смотре или на параде войск в манеже, пошел туда, как генерал-адъютант, означив право быть в присутствии государя, который, увидев его, неосторожно спросил, когда он прибыл и почему не явился. Перовский указал на Чернышева. По окончании осмотра государь поощрил его в свой экипаж и повел во дворец.

Концом лета 1840 г. и следующий 1841 г. Перовский прожил в Оренбурге и ушел в конце ноября в Петербург, откуда в 1842 г. уехал в Италию с отчислением от должности.

В письмах писал, что Перовский в Берлине представился прусскому королю и тот козырнул его самолюбием, сказав, что знает его по казанскому походу.

Все участвовавшие в казанском походе офицеры, с включением генералов, получили награды чинами, орденами и даже дашками. Начальник 22-й дивизии генерал-лейтенант Толмачев, получил сначала орден Белого Орла, замененный потом пожалованием 3 тыс. десятин Саратовской губернии, Атаман Оренбургского казачьего войска, а по тогдашнему командирский войска, Малостная, орден в порядке постыпенности; Цыгуковский Анну 1-й степени, но потом уволен был по прошению в отставку. Служба офицерская не только закончена не была, а самый поход на кометный.

Цыгуковский, погнанный отставкой, жил в деревне своей жены, Оренбургского уезда, и за жестокость обращения со своими крестьянами был убит ими в 1841 или 42 году. Труп его крестьянами велел похоронить был вырыт и обезображен козаванным плоти-

ими родственники привезли его в Оренбург и погребли на общем кладбище. Былши у него три сына, умерли: один в зрелом маломом возрасте, старший Виталий, служивший подполковником в 3-м полку, но был избран при смерти Оренбургской губернии, жил бедно, был отдан под суд за растрату денег и умер в 1869 г.; Николай служил мирным пограничником и пошел в 1866 г. за штатом, занимался в лесопосадочном обществе за не раскупленным оплаченным лесом приобретенными купцами, занимался сельским хозяйством и на этом жил; умер в 1881 или 1882 г. на 72 г.

В октябре 1840 г. пришел в Оренбург из Афганистана майор английской службы, присланный английскими властями для исследования причин неудачи кабульского похода; он жил в Оренбурге едва ли на месяц, квартировал недалеко от нашего дома ученого Падьянского. Дом этот сгорел в 1879 году. Англичанин едва ли видел Персикова; он, кажется, в это время был в Петербурге.

Оренбург — главный пункт и местожительство главного начальника Оренбургского края — в начале 30-х гг., когда пришел сюда генерал Персиков, был небольшим городком насчитывавшим не более 5 или 6 тыс. душ. Дома были почти исключительно деревянные в 3, в лучшем в 5 окон, низенькие, были даже полуземлянки — так дом под одним крышом принадлежал двум хозяевам, и каждый из них имел особые ворота; много было домов разваливавшихся и немощеных, исправлять старые дома считалось по бедности.

Для того, чтобы привлечь господ в лучший вид, Персиков в 1836 г. назначил особую комиссию, поручив ей осмотреть в городе все дома, затем назначить в слободу через два или три года, обещав владельцам в этот срок построить новые дома по плану, а кто по бедности не в состоянии был этого сделать, тому предложено убрать свое строение, получить даром 50 бревен и 50 р. асс. и переехать на житье во вновь образованную слободу между казанско-сибирским и татарским кладбищами, где места отводились даром. Освобождавшиеся же места в городе отдавались свободным владельцам, которые уплачивали за них стоимость полученного прежним хозяином пособия, а где стоимость была ниже последнего, лес отпускаясь даром во всяком случае заготовлений.

Таким образом город очистился от многого безобразия и бедности, земельные, дворовые места разграничены и все приведено

в благообразный вид. Скоро стали строиться корпуса дома. Пердцы не богатым, особенно чиновником. Пердаский выдавал лас на хозяйственного заготовления с расходом платка денег.

При Пердаском и начали строиться каменные здания: оборонительные казармы около Преображенской церкви, дом благородного собрания на месте развалившегося здания главной народного училища, сраженно-гвиз, квартира гвизмайора и комендантское управление, и рядом с ним дом коменданта. Нынч первый залп революционным училищем, а последний квартиру одного из комендантов батальона, расположенных в Оренбурге.

В то же время построен генерал-губернаторский дом, но Пердаский не переехал в него; первая помещалась в нем генерал Обручев.

Частных каменных домов в первое управление Пердаского было два: один – ныне занятый аптекой Гербштейна, а другой – квартирой Тургайского губернатора. Оба дома принадлежали купцу Осоргину, впоследствии разорившемуся, и были проданы один в частные руки, а другой в казну за долги.

Дом Бинкунца на Никольской улице, где ныне контрольный павильон, был впервые построен в 1838–39 г., но не занимаясь владением по судебному предписанию, что новый дом потребует перемены, а им было двое – муж и жена.

В 1852 г. дом этот куплен был для канцелярии генерал-губернатора, и там же обшлись с переездом канцелярии и помещиков в доме жилили умер самый старый из них – Зинков, старик 50 лет, хорошо помнивший времена князя Волконского и генерала Бакунцева.

Караган-сарай был начат строиться Пердаским через привлечение циркулярными башкирскими каменными, начавшими для обшделения народа, что здание строится для приношения в Оренбург по своим делам башкиры, остававшимся ранее в частных домах, а с построенною караган-сарай будут иметь более удобное помещение для себя и своих лошадей. Здание в начале было построено с большими комнатами в виде казарм, с парками, а в начале стала каменными. Вле показывается, что Пердаский думал перенести на русскую землю азиатские сафоны для странствующих мусульман и торговцев; и эти здания он пожелал построить среди здания мечети, чтобы мусульмане в караган-сарай башкиры имели полную возможность исполнить по своему закону треби и молитвы; этим желали показать народу, что

правительство должно от мысли насильственными мерами обращать моголтан в христианство, клеповый слух тайно распространяли казанские татары, известные фанатики, а напротив, правительство строить на свои средства мечеть и не просто, а чрезвычайно роскошную и известную в крае мечеть. С этой целью предложено было: поделать пожертвование для украшения новой мечети. Для сбора пожертвований был послан дор. Никоний Чебоксарин Абулмум Даматхан, родом татарин, приписанный в Башкирское войско. Он собрал до 30 т. руб. асс.

Для помещения в здание мечети возведены дорогие бокситы, уложенные в Петербурге в английском магазине. К завершению всего построения каменный высокий минарет, обмелушенный снутри белыми красками.

В конце 1841 г. в караван-сарай переехали канцелярия канцелярского башкирского войска и другие квартиры чиновников и команды башкир в 50 человек, посылаемых для разных служб.

Помещения для башкир не думали отыскать, и места их не только тем не останавливаясь. Обращение здания в последний раз оно стало бы дорого по состоянию, содержанию в чистоте и ремонту. Провел фискал здания, где были введены с нарами, перешли под помещения канцелярии, в то же обращение в помещения для губернаторов, в нижнем этаже, где были стойла для лошадей, оставались соды показывал паром от помещения.

Для открытия мечети был приписан муфтий и до 300 человек моголтан, кроме того, было множество любопытных, прибывших без всякого приглашения. Торжество открытия было приурочено ко дню коронации государя Николая Павловича, 22-го августа. Истроены были в заматском дворе развлечения: борьба с вышкой победителю трех человек, был парадный поборонный, платки или щали, сканка на досках с призывом из щалю или кафтаном стипендия в 20 руб. и постепенно увеличивающейся до нескольких аршин ширины.

Было одно крупное неудобство: у моголтан была урала (ноги), во время которой она разрывалась по заказу конюхи, а для эффекта нужно было, чтобы обед начался несколько раньше, закуска. Гости усажены в несколько рядов, поставлены были блюда с говядиной, бараниной и конной, причем строго подбиралось, чтобы никто не был касаться мяса, пока не будет подан лук. Распорядителем был моголтан Никоний Чебоксарин, хорошо говоривший по-татарски. Для большой шумности он велел с моголтан в руках разбрасывать аршин ширины.

где поставлены были палаты, угрожал при малейшем нарушении казнь поспешную: тут же расстрелялись самого пачука, кто тут сидел и башкирские чиновники. Кантонные начальники здесь не соглашались общаться. Без общения было трудно и в гости разбежались по деревням, но тут случился небольшой скандал: в дар Иммануиловой уфимской казны не стали с повозкой, когда заехали в палатки, они понесли и, потянувшись на что-то, недоверчиво поволоку, казны ушли и у них в клетках разбежал шлоф с водой, которую они занесли в Оренбург, гоним и поехали загнуды поднимали при заплатах башкиры, которые поехали и ру или свои ухаживали-казны, уходя впрочем, сами нам, что они татары, а не башкиры.

В 60-е верстах от Оренбурга, за р. Уралом, в киргизской степи находится знаменитое богатство каменной соли – Иканде-кала, составлявшее собственность казны. На карте исторической части, можно много сказать о самом приводе (7).

Как собственность казны, Иканде-кала вырубалась только чужеземного труда, для этого устроивались союзы-каптерны, приравненные судом к этому тяжкому наказанию. По своему своему отношению к горным работам, промысел состоял в заботе министерства финансов по департаменту, терма и исполняла деп, но местными распоряженными были всегда гражданою чиновники, который служили в особом учреждении, называвшемся Иканде-Солонным Лавалоним, который составил из управленческого, 2-х советников и нескольких канцелярских чиновников.

Удаленные от своего непосредственного начальства, присыланные с приказанием за 2 тысячи верст из Петербурга, и совсем забытые от всякой зависимости и даже слабого поверенности, но наблюдение местных губернаторов, правления это означало себя крупным казнокрадством. Они вырубывали сотни тысяч пудов и получали сотни тысяч рублей, и казну же получали до половины 40-х, не больше 100-200 р., остальное сумма оставалась в карманах чиновников, называвших там в короткое время гражданами казны.

Пользовались все, начиная от управленческого до смотрителя на яме. Тут же был чиновник казенной палаты для наблюдения за истинною высылкою денег в Оренбургские казначейство. Все воровали, все об этом знали, но никто не решился писать о злоупотреблении, считая это частным и бесспорным делом. В 1839 г. известие дошло до того, что сами чиновники видели,

Что дело может кончиться плохо для них. Подобно-помнить, что чиновники брали свою часть не летом, когда соль вывозилась, а зимой по дороге везения парализованная, а зимой зимы, когда люди и рабочий сектор прободают. 1839 г. был неудачный, сено и хлеб сильно надорывали, а людям не было расчета вывезти соль по низкой цене, и торговцы удерживали провозимую соль, а готовившаяся соль составляла бы затылок, а с ожидаемым урожаем цены на все убавились бы, поэтому соль была бы в убыток даже при десятикратной подорожке. Солонные чиновники и в этом случае не потерпелись. Протопоповы за солью ввозилим говорили, что с нового года соль будет приходить на промысел по 2 рубля, и выжидали побольше запастись солью, чтобы была своего труда и риска нажить хороший капитал. Я помню это время. Кто тогда не покупал соль? Безденежные брали в долг за большие проценты у богатых, а последние покупали соль стояло, сколько можно выместить солью и помещиками.

Но какое же дальнейшее использование? Прибыль была для государства процентом ассигнованного курса на серебро на 1 млн ¹⁸ коп. в году, сальфированно с сорпанистата. Сколько было в это время драгоценностей и драгоценных камней: богатые, имеющие деньги, хлопотали, чтобы хотя с небольшим убытком продать соль, которой много утратило в жар, когда распорядить соль не было возможности. Делать тамные Оренбург давал соль

Из чеховского, обогащенного на личном опыте, Беглов известны были следующие. Шарден, друживший со своим дочерью при выезде ее замуж за полкара, спускавшего там при баллиаде 300 руб. асс. Баранков – советник, спускавший в 50 гг. покаял лечиться и дорогого умер, бывавший при том дочь вышла замуж за арца и после отдала ему 75 скар. Баранда, спускавший смотрителя на мне, при производилась ломка соли, в 50 и 60-х гг. производил из солда, был псарем в конторе госпитала. Бывший крепостной атаман, Иван Васильевич Подуров говорит мне, что в чине подполковника приезжал на праздник Пасхи к смотрителю госпитала, а впоследствии чину полковника комисси Дятлову, и застал его за жобуеуи. Барандаш наставлял пашама. Подуром заметил, как напустил на башама в последний праздник. Ему ответил: «Если бы вы знали, что сделал этот мошенник!» С подружками чина Барандаш переехал в шведское правление, что открыл последнюю вышка востанову, имел капиталов около 30 т.р.

Результаты: выявлены основные факторы, влияющие на формирование и развитие инновационной культуры в организации.

Был в молодом правлении на немцевской должности, по выходе в отставку купил двухэтажный каменный дом в Оренбурге на Николаевской улице, где ныне стоит Гершгейна, стоявший по тогдашнему времени (1840–42 г.) на цене 50 т. руб. Он говорит своим знакомым, от которых и слышал, что столько же осталось у него на прожиток. Был ли он женат, не знаю, но в последние годы у него была на содержании простая девушка, которую он потом выдал за отставного унтер-офицера и дал в приданое 20 т.р.

Сосланный в Оренбург за политическое преступление, впоследствии известный под Александр Николаевич Пещинский женился в Илецкой Заставе на дочери чиновника Таварина, который дал за дочку 50 т. р. сер.

Но более всех из служивших в Илецкой Заставе известен был Сергей Николаевич Щербачев. В поручик уральскими Перовским он был в Оренбурге палачмейстером, имел чин ротмистра, хорошо образован и известный кавалер, принадлежал к местной интеллигенции и был дружен с лицами светы военного губернатора, особенно с Бахадурным. Вышел тогда капитаном и адъютантом Перовского, с которым до последних дней был на «ты». По прибытии в Оренбург генерала Оболенца Щербачев должен был оставить должность полкарейтгера. Бахадуров начал устроить его у себя и просил с назначением чиновником особым поручений, содержание которых достигало тогда 1 т.р. в год. Губернатор Оболенец в официальной бумаге отдал в назначение Щербачева, как замещенного в склонности к вольному и личному. Щербачев поехал в Уфу и, заплатив продолжателем казенной палаты Случескому 5 т.р., получил место чиновника казенной палаты при илецком солонном правлении. Оболенец со своей стороны, чтобы предупредить назначение Щербачева, писал о нем гражданскому губернатору Талишину; тот в свою очередь писал Случескому, но последний отказался, что Щербачев определен, вступил уже в должность, и много неблагоприятного о нем он не знает. Таким образом, Щербачев прочно утвердился на месте, служит более 10 лет, имеет огромные состояния, купил имение Мясурово, село Старосево на р. Иня, а в Харьковской губернии другое с озерным заводом. Был он стариком, женился в другой раз на дочери илецкого команданта, полковника Бабста, от этого брака имеет две дочери: одна служила в Оренбурге, одна на должности мирового посредника у башир Орского уезда, откуда перешел к бывшему здесь вице-губернатором Пухлякову в Пермь; слышал я, что впоследствии он

был гробовым горючением и испованьем. Другой сын Щербанева служил дьячком в беднотской школе, потом добился в Оренбургском казенном войске, откуда перешел в регулярную кавалерию.

Кроме названного имени Щербанев имел, как говорили, до 200 т. капиталов. Говорили, жена Щербанева, увлекавшаяся казачьим делом, устроила в Харькове пансионат для девиц, хорошо обставила его и пригласила там преподавать профессора из хороших университетов; соображала о расходах, назначила довольно высокую плату за содержание и ученье.

Девиц поступало мало; думали через родители и другие меры привлечь более желающих, но наказы не оправдались и пансионат закрыли.

Щербанев, известный всем своим аморальным, во все время пользовался уважением и влиянием оренбургским обществом и каждый раз, когда генерал-губернатор Перовский давал свои большие балы, ему высылался билет в Иллюстру Защиту.

Как-то при раздаче билета одной дамой о знакомстве казенного офицера, взявшего билет сто рублей, бывшему приятелю генерал-губернаторской канцелярии Глебову последний заметил: «Вот такие офицеры; но это я отвечаю: «Да где же эти и кто?» и прямо ударил по Щербаневу, который никак не укоряет в неискренности и кошельку за 70 ворст шлет приглашение на бал генерал-губернатора. Глебов сказал: «Да-с... по Щербаневу пенять!».

Генерал Перовский в ссуженных балах с пармимидами на ступень далеко держался от них, что никто не мог говорить ему ни слова. Подлый и подкупный, он велел к себе заехать из себя и личное и покровство, добродетелью до благоговения перед его личностью. Подчиненный ему генералы от Самарской к нему прислуживали ждали, в каком расположении духа находится его превосходительство, прежде чем он выйдет. Канцелярия его Николай Татаилов, впоследствии секретарь дворянского собрания, говорил, что однажды он попал в кабинет генерала поднести ему одушиться. Перовский встретил его сдержанными словами, помянув его отца мать, за то, что напугался резкой помадой. Сам Перовский никогда не употреблял ни друзей, ни помады. Перовский своим адъютантам, канцеляркам присылал поручений, даже генералам, если они были в числе близких к нему, всегда говорил ты. Даже ругал их обаяно и жестоко бранил. Все свое, даже его адъютанты, адъютанты, пе-

бензина это терпеливо, а если бы это воздухом возмущаться и вдруг высказаться, то получил бы прыжок и положительное приложение убавиться прощ.

Такой же характер унаследовал сын Перовского Алексей, со-
сланый на Кавказ недолгим из дотемперического учителя. Где
он закончился, за грубость и дерзость директорию. Он мне так
наговорил, что даже упрямое дерзость в ученике был наказан раз-
гами. Так жестоко, что лес в больницу. Об этом сообщил отцу,
последний приказал и спрашивает сына, чья он бабка. Моло-
дой Перовский, жалея скрывать истину, назвал какую-то барыню.
«Врешь!» промолвил отец: «какая-то э...» — ух! Помотал и ска-
зал: «Ничего, забудь, как следует». Впоследствии молодой Пе-
ровский достигался до офицера, но был расклеван в солдаты
за то, что в тылу разведывания убил одного солдата.

Введение хлебных налогов вызвало волнения не в одной Оренбургской губернии, они также были в Пермской, где губернское начальство не умело принять меры к своевременному спокойствию. О протестах быстрых и решительных мер Перовский писал в министерство внутренних дел, в силу чего последовали высочайшие повеления передать это дело в его распоряжение. Перовский сумел и там всех успокоить и послать туда на Оренбург курьерами казенных урядовых гонимых, что тамшние волнения были довольно распорядившимися казенного губернатора и на столько заинтересовались видеть его лично, что даже старики из-за этого сажались на коней править лошадами, на которых имели наставные местные власти тридцатилетние немцы Перовского и беглецы из Оренбургских.

В течение управления краем Перовского были нередки набе-
ги марго на казачьи станицы под Уралом для угона скота у каза-
ков. Удалось пробраться до башкирских станиц за р.Симе-
ной, но обширности племени и многочисленности не трудно
было избежать усмотреть все передвижения марго, которые, как ис-
точно тут живущие, лучше были известны. Сводки в редакцию пе-
ревода и прогона скота, а также и места для скрывания шовк от
марго системы.

В таких случаях для нахождения виновных посылаются в степи опытные отряды из казаков, иногда с артиллерией и даже пехотой, посланною на лошадей. Последняя давала в военных случаях, когда действовала барантиней, выбирать себе предводителем известному в степи батыра, славного своим удачам, талантам и уважением казаков. В этом случае он был в высшей степени полезен.

человека. Малые отряды занимались убоим скотом дини и у башкир, а крупные с батырами по степи кочили же по указанию арабдромашки родом из личной местности за преданность русскому правительству.

Султаны-правители, превращенные кочевыми отрядами, не были истинными султанами, чтобы называть башкирских, идя этой цели послать их команды кочевия. При Перовском такие командировки были часты и иногда достигали своей цели. Разгромив отряды киргиз, убивали их предводителей – дело весьма трудное и нередко кончалось только при случайной смерти.

В 1839 г. несколько сотен казаков бывшего наемного полка были посланы в степь под начальством полковника Гиле изгнать известного батыра Иста Кутебарова, не признавшего над собой никакой власти. Отряд этот, усиленный башкирами, долго искал по степи в нетные знойные дни Кутебарова. Тот в свою очередь ждал прихода отряда или одним подвохом, решил разгромить султана-правителя с его лично вооруженным русским отрядом и через лазутчиков собрал сведения, где и куда султан расположится на ночлег. Случилось так, лазутчики увидели султана, расположившегося на ночлег без особой предосторожности и тотчас рассказали известить Кутебарова; но в это время прибыл наряд к султану полковник Гиле с казаками, башкирами, казачьим отрядом и дивизионом конной казачьей артиллерией. Кутебаров по сообщению лазутчиков, со всем своим войском более чем 3 т. отрядом, пошел на султана-правителя. Придя ранним утром на место, заметил, что он обманут, приказав лазутчикам поспешить и не жалея показаться голым, пошел в бой, результат его был плачевный для киргиз: вынуждены массами или были с большим уроном отбиты. Казаки пустились преследовать их. Небольшая хунта осматриваясь увидела и узнала Иста Кутебарова, и более ловкий и находчивый устроил Кавказского отряда батырине поспешил на перебежку его дороги, сдвигаясь за сурену, он подбежал Иста, казаки преследовали последнего, посылали ему вслед пушки, некоторые из них попадали в него, но вреда не причинили, так как на нем была кобылка.

Батырин, сообщивше это, пришел к заключению, что надо подстрелить коня, удлинит путь, он начал погоню в пак, последнего упала и Ист остался на месте. Наказавшие казачий отряд погубили его в куре.

Обыкновенно, посылаемые в степь отряды состояли из казаков из приданных казаков, последние служили и наемным и своим, которым передавали куда делались русские, и казаки барантинный асканд-царь поодиночке, или в стороне передавали по нему. Отряды наемным громким покаявшимся на пути дули, ути-няли весь плод и уничтожали всякие мещанства, иногда и совер-шенно невинных людей, по указанию казаков, которые пользо-вались козачеством для разграбления и имущества и скота.

Последний представлялся на линию в изнуренном состоянии и продавался за бесценок. Там кончалась, обыкновенно на-казанная линия.

Западно-Самарский край, заключающий в себе нынешние Оренбургскую, Уфимскую и Самарскую губернии, в начале не-стоящего столетия до 40-х годов представлял собой территорию государства, граничившуюся на западе принадлежавшей к России, Оренбургская линия занимала войском, преобладающим чи-сло которого составляли казаки. Он послан был не только на линию для охраны ее, но и внутри края, от Самары до Орен-бурга, тогда называвшейся Самарской линией и в виде внутренних адолостей в Уфимской, Стерлитамакском, Бирском и др. Красно-уфимском уезде. Такое разделение казачес- на различные группы, далеко отстоявшие одна от другой, объяснялось поли-тическими и военными причинами, заключавшимися в частые бунты против правительства в Башкирии во все время предыду-щего столетия и бывавшие даже в 1813-806 гг. для умиротворения не- нужно было иметь войско в близких местах от бунтовщиков; если бы последние задумали поднять восстание, оно подавлялось тотчас и не могло распространяться далее в длину и ширину. Такая мера сама собой указывала башкирам на бесплодность их восстаний. Войска в центре Башкирии не граничили с казачес- ками казаки не позволяли им соединяться с последними для со-вместных действий против русских. За последние пятьдесят лет до 1840 гг. башкиры одолевались мирными и мирными поддан-ными, посылали своих людей на Оренбургскую линию для охраны ее совместно с казаками от набегов киргиз и в другие нечаявде-лы последние, как против, казаки в состав военных отрядов, посылаемых в степь, оставались войска мирными русскому царю, по повелению которого в январь 1812 г. выставили 20 полков легкой кавалерии состава, дрались с французами под Бородином. Мисские, в разных местах заграничных и в числе других войск занимали Париж.

Микролобыли башкир делало ненужным существование казацких крепостей внутри Башкирии и явилось, может, высшей ступенью из всех внутренних ступеней на Оренбургскую линию для большого усиления последних. В 20-е, во время управления краем генерала Дюбонэ, достиглось повышение оренбургскими краснофунтовыми казаками, как бы из удаленных от Оренбурга, центра их управления. Для поселения их отряды они выдвинули под названием Ишимов в районе устья между рекой Уралом с левой стороны и р. Ишимом с правой до впадения в него рч. Куралы. Возникшие здесь станицы стали грозой для киргиз, которые не скоро примыкнули к татарам своей злостью, казачьи и бунты продолжались долго. В это время был взят в плен небольшой шайка киргизов между Ташкентской и Тараспольской станицами всаул Иван Васильевич Поддубок (впоследствии козачий атаман), послуживший в татарском войске главнокомандующим.

С прибытием генерала Перовского козак внутренних станцов составляли предмет особого его обсуждения. Он находил необходимым, в видах государственной обороны восточной границы от вторжения в пределы империи дикотамов племён, усилить Оренбургскую линию для самостоятельного существования и обороны её. Перовский предложил из одной из казачьих внутренних станцов, по желанию, перевести в линейные станцы, а на других образовать военные поселения по образцу туземных. Для этой цели Перовский предложил отступить от прежней линии участка восточной степи от крепости Орской до р. Ор. Ор и Куману до станца по р. Уру. Этот участок намереть казачьими внутренними станцами, крестьянами запользовать под губернский судданы четырёх батальонов, которые для этого перевести из линейных крепостей, где они составляли местные гарнизоны, на новые места по самой границе с киргизами с обратным в казачье поселение. Это было выполнено в 1835-36-гг. на новую линию были высланы в нахичевань и казачьи внутренние станцы, скандинавы сопротивлялись при введении общественной казармы казачьей.

[illegible]

тыла все войско в одной местности, уничтожить «переспоросицу».

1. Перовский Василий Александрович - 9 (20) 3. 1795 г. (Псков, Варшавский губ.) - 4 (20) 1837 (Самара, Самарский губ.) - русский военный и государственной деятель, генерал-адъютант (1829), генерал от кавалерии (1843), граф (1855).

Поборный сын графа А. К. Разумовского от М. М. Соболевской, служившей в имении Разумовских. Фамилия Василия происходила от названия помещичьей усадьбы Перово, где находилось имение. До 10 лет жила при матери. Владел в дворянское достоинство в 1804. После же помещик и частный наемник в Москве. Учился в Московском университет, вышел оттуда кандидатом в 1811, поступил в Муравьевские училища колонновожатых. Участник Отечественной войны 1812 г. Был квартирмейстерским офицером при кавалерии пехоты в артиллерии армии П. И. Багратиона. Отличился под Ладогой, Красным, Смоленском, Люблином, Дорогобужем и Березином. В Бородинском сражении был ранен - душой оторвало часть среднего пальца на левой руке - впоследствии всегда носил на правой перчатку (в литературе разнотечная: серебряный Юлий П. Граф В. А. Перовский в Оренбургском крае // Русская старина. - 1896. - кн. 3. - С. 410), раненый (Захаров И. Н. Обручико. Хана. «Земный полк» в Хану Перовском» в 1824 году - и «Первое похмелье в Хану» в 1843 году. - Сиб., 1898. - С. 17.) При отступлении русской армии из Москвы 28 1812 попал в плен. При освобождении А. Н. Даву провозит в пленные пленники до Фрунзы. Давидов бежал. В феврале 1814 вышел в русскую пехоту в войсковой Орлов. В 1816 перешел в 1816 - сардинский полк, капитаном адъютантом и генерал-адъютанту П. В. Голенищеву-Кутузову. Вскоре перешел в Императорский полк, адъютантом в войска. Некогда Перовскому сопровождал его в путешествии по России и за границу (1816-1817), был при освобождении владения с прусской привакусой Шарантой (Александрой Федоровной). Поженился вторично Николай. Член «Самоблагодетельства» в 1817-1818 гг. Подал в декабристские организации не участвовал. 17. 4. 1818 был арестован в Петербурге «за измену» Александра I о рождении герцога Александра 7 лет. С апреля 1818 - капитан лейб-гвардии Императорского полка, с июля 1819 - помещик и директор канцелярии Морского штаба. В день восстания декабристов (14. 12. 1825) был при Николае, арестован солдатами в штабе. При вступлении Николая на престол назначен фельд-швейцаром. С 1828 - генерал-майор Станислав. В русско-турецкую войну 1828-1829 - адъютант при генерале А. С. Меньшикове, был при взятии Ани-

[illegible]

Другими в А.С. Пушкиным, тщательнейшим образом изучавшим материалы во время поездки исследователя в 1813 по турецким восткам. Предпринят попытку освободить русских пленников из Хана путем переговоров, в 1816 по его правлению было отправлено до 500 пленных караваном с товарами на сумму более 1,5 млн руб. Имелось По русский потребовалось вернуть пленников. В 1817 Хан впервые вернул 25 чел. (1818 - 1 чел., 1819 - 80). Начата платились и денежные выплаты. Перемыслил вопрос по его проведению (важный момент) тр. Чарикова был арестован. В чину 1819-1840 также был председателем. Потери составили 2/3 пехоты и кавалерии. В апреле 1841 Перемыслил пикаетные замечания нападками отомстил Ст.Александра Невского за отражение русских торгашеских интересов в Азия, общественные обязанности русских купцов и освобождение русских пленников. В конце ноября 1841 отомстил в Петербурге. 1842- уволен до будущего летней от него давалностей с возвращением в чин генерал-адъютанта. Выслан на лечение в Италю. В 1843 произведен в генерал от кавалерии. 1846 - член Государственного Совета, чинился Владимиром 1-м ст, короткое время был правителем канцелярии морского министерства. В 1849 - член суда над петрашевцами. 2,5 1851 вошел вступил в должность чина управления крым и новороссии Оренбургского и Самарского генерал-губернаторства. Декабрь 1852 назначен отомстил Ст.Александра Андрей Перемыслил. 1813 руководил восстанием против Кавказского княства. 28.7.1854 злата крепость Ак-Мечеть с; 31.8.1854 - форт Перемыслил, (годные - г.Перемыслил). Для укрепления рубежей основал Сыр-Дарынский линия, злател форт Перемыслил и параллельно по Сыр-Дарье (1855-1857). В 1854 подписал договор с Ханами о златом. Рассмотрена предположения по поводу

С 1755 в Оренбурге открылась соляная привилегия. 1805 - для увеличения добычи и продажи соляной особая администрация по управлению Платоном основана промышленное предприятие Оренбургского губернатора. С 1807 - издается приказ о соли. Указом 8.5.1816 постановлено возместить промышленным промыслам в С. Самары. В 1828 промышленные промыслы переданы в Илецкую Запашку. В это же время соляная привилегия и политика. С 1862 проведена передача Уфимско-Оренбургскому казенному управлению. С 25.3.1881 промыслы переданы в ведение Главного упрощающего государственными имуществами Уфимской и Оренбургской губ. и учрежден новый орган - «исследовател. Илецкими соляными промыслами». В 1877-1899 промыслы переданы казенной купчей 1-й категории (Дон, Даван, Поноры, Становые).

До 1865 добыча соли велась открытым путем. С 1805 - промышленным способом. Первые данные - Мариинский (1821) и Елизаветинский (1822) казенные в середине 20-х гг. 1881-1889 - строительство второй очереди плоти. Добыча соли 1755-1765 - в среднем в год 24540 пудов, 1766-1804 - 471 тыс. пудов, 1805-1860 - 479 тыс. пудов, 1861-1900 - 1 462 тыс. В 1917 добылось 4% всей соли России. Качество соли высокой чистоты, высокой прожиточности. Успешно участвовал в международных выставках в Париже 1887 и 1900 гг. В XIX веке поставились в императорскому двору.

В 1766-1849 существовала категория «Семейств» 27.3.1766 разрешено добычу соли с помощью «исследовател. работников» (200 чел.). Подвержены наложению казенных и частных на акциях деятельности - за не ст. и рис. города. В декабре 1849 рабочие Илецких солей и соляные были обращены в состояние им. города с правами городских мастеровых. 26.12.1867 жители города Илецка объявлены свободными поселенцами с казенными по 15 лет. Сем. 16. 1868-1893 - существовала категория «тир». Окруж. - военная команда около 248 чел. Арестанты в среднем около 400 чел. Соли занимались добычей соли за 20 км. в день. С 1865 - безземельный город. Население: 1866 - 2585 чел., 1870 - 2886, 1884 - 3700, 1912 - 19388 чел. В 1866 - 19 д. (оборот 35 тыс. руб.). 11 питейная заводская, 4 церкви, 2 школы. 1874 - построены больницы. 1893 - Илецкая женская гимназия. В 1820 образовано городское училище для детей студентов, мастеровых, рабочих. На 1912 - 7 школ (450 учащихся). В 1860-1865 гг. строили город Илецк Запашковская казенная дорога. Город переименован в 1824 Александр I, а 1837 - Александру II. Затем переименовано в казенный губернаторства в имении М. Я. Михайлова (1829-1865), служил городом чиновником имения А. П. Крылова (1801-1833). В 1868-1887 - уездный центр Тургайской области.

ЗАБЫТЫЕ

(1842–1861).

С назначением в 1842 г. главным начальником края генерал Владимир Афанасьевич Обручев (1), служивший в Новгороде начальником дивизии и, как говорили, ставленником графа Клейнмихеля, бывшего не в дружбе с Перовским, все изменилось: конюха была заброшена, многие из устроений его предшественника предложены к уничтожению, и даже отлучились при Перовском оставшиеся Оренбуржцы, чтобы занять лучшие места.

Обручев, кроме одного адъютанта гвардии капитана Николаева, не привез с собой никого. Освободившиеся места заняли старостопольные адъютанты чиновники, или случайно кем-либо рекомендованные. Обручев, кажется, не имел в виду никого из способных и образованных людей для замещения должностей. Если не находил подходящих лиц в Оренбурге, то писал в министерство, откуда сначала присылали извозчик людей, но Обручев не умел обращаться с ними и привлекать к себе.

После Рожковскаго, тотчас по отъезде Перовскаго оставившего свой пост, начальником штаба был полковник Сиверда, бывший правитель канцелярии, но не поладив с Обручевым и уйдя. После него был Александр Иванович Вергин, служивший потом долгое время начальником главного управления казенных войск: он тоже не сошелся с губернатором и скоро ушел. Говорили, что между ними разговоры заключались в том, что Вергину по высочайшему повелению, куда он лет спать, а губернатор пристал к нему. После него был генерал Озерский, хороший на месте бригадного командира, но плохой начальник штаба. Далее следовал генерал-майор генерального штаба Прибытков — человек большой физически и умственно. После Прибыткова начальником штаба приходил генерального штаба полковник Флуген-де-Вестель, сумевший остаться в этой должности до увольнения Обручева и в первые годы второго управления краем Перовскаго; впоследствии он получил графское достоинство.

Приняв быстрой партией начальником штаба и немедленно назначением этих лиц можно отнести и в седьмой период содержания. Начальник корпусного штаба получил в Оренбурге, если он был генерал-майор, три казенной квартиры и прислугу

800 р. и столько же столовых, всего 1720 р. – содержание крайне не ограниченное, так как по своему положению он должен был иметь приличный доход и держать себя на положении лица, выходящего по положению, если начальник штаба был полковник, содержание его не превышало 1500 р.

Генерал Оверский был холост, имел одну дочь некрасивую, и близкие к нему говорили, что он живет не лучше армейского штаб-офицера, сберегая для дочери на приданое до 500 р. в год. Прибыток был чудесный колоссальный, а Фантал – человек семейный, имел жену и детей, из которых две дочери.

Генерал Перовский много помогал своим служащим, а особенно занимавшим высшие должности, выдавал награды по особым случаям: военных капиталов, им собранных, а семейным служащим давал крупные подарки, особенно давал на платья. При таких субсидиях и дешевой жизни была возможна и небольшая семейному человеку.

Судя по имени Перовского капиталы остались у него приличными, но происхождения капитала в расходовании не было, некоторые капиталы были даже совершенно неизвестны в Петербурге, а равно и производившие хозяйственные операции. Обручев не подумал себе делать то, что творилось при Перовском.

Сокращение получаемого содержания, неумеренность, а скорее невозможность сделать карьеру службой при Обручеве, далеко не пользовавшегося тем салом и влиянием в официальных кругах Петербурга, какие имел Перовский, особенно у императора Николая Павловича, – заставили всех служащих при Перовском, начиная с его личных адъютантов, уехать в Петербург, где почти все они устроились отлично. Генерал Рокоссовский получил место генерал-провиантмейстера военного министерства, бывший правитель канцелярии Сперди был назначен губернатором в Вятку. Бывшим губернатором стал в Саратов, а потом в Уфу и т.п.

Генерал Обручев, вступив в должность, нашёл в Оренбурге общественно-просветное собрание, производившее большой переворот в здешнем обществе. Правда, лучшие из интеллигентов уехали вслед за Перовским, но это была большая часть лиц, принадлежавших к высшему классу и постоянно тем обрадовавшихся, для них особенно не представляли потребности. Они все-таки могли найти развлечения в частных домах. Вместо них стали появляться молодые, образованные люди, принимавшие участие в азартных – похитили паша и карточной игры.

Доступ танцам в высший круг принадлежал с крайней ограниченностью и в ограниченном числе: иногда их приглашали в дома не начальников, но зато в общественном собрании они были всегда желанными гостями и танцы поддерживались почти исключительно ими. Но молодые офицеры, усердно посещавшие вечера в собраниях, вскоре увидели, что на офицерских жатвенных нельзя жить одному человеку, не стоявшему от общественных увеселений: одежда, белизны перчаток, стесан чаше и прочие вещи принуждали не по карману офицера на одном жатвенном; уплата по счету буфета заставляла многих отказываться от посещения собраний и сидеть вечерами или дома, или у товарища; благодаря этому они сделались более осторожными в службе.

Обыкновенные танцевальные вечера принадлежали собиравшемуся публикою аристократии и приятной, чему много содействовали старания собрания, которые выбирались из самых почетных и богатых лиц: они устраивали для дам угощения в виде десерта и прохладительных напитков на свой счет.

В высшем кругу вечера с танцами тоже продолжались, но это допускалось только богатыми людьми, именитыми дочерями, или у которых были молодые жены — любительницы танцев.

В Оренбург на зиму приезжали из деревень помещики со своими семьями: Пасмуровы, Зенотские и другие из соседних уездов.

Обручев с приезда был как бы затворничествою женою, хотя жена его Матильда Петровна была другого взгляда на жизнь. Говорили, что причина ссорной жизни генерала заключалась в недостатке средств. Так или иначе, но дело дошло до Петербурга; оттуда было прислано 10 т. руб. для прожития жизни и содержания, и Обручев стал устраивать в своем обширном помещении вечера с танцами и картами. Не любитель карт, он следил за тем, кто из его чиновников играет в карты и в какие игры, при назначении наград, или вовсе не давал их таким чиновникам, или назначал малок. Я слышал, что чиновник его канцелярии Осюнский, любитель карт, ничего не получил, и когда представитель канцелярии спросил о причинах, Обручев отвечал, что постоянно замечал Осюнского играющим в карты, значит он не нуждается в деньгах.

Вечера и обеды устраивались у бывшего атамана графа Цукото и начальника дивизии генерала Толмачева, но дочери которого женился богатый помещик Николай Степанович Тимашев;

у них собирался примерно столько же, сколько у нас. Зане-
матерский и Ларин устроили у себя даже ли не каждый вы-
ход карты с картами ужином и вином.

Вообще жизнь в Оренбурге текла тихо, без прессы и других
надеждных происшествий. Надобно еще сказать, что в первый
день Пасхи у Обручева раздалось, как бы в церкви, вы-
бора и особые приглашения не приглашались, но на обеды и
торжественные для приглашались избранные из высшего чинов-
ничества, а в этот год и в день коронации Обручев приглашал
почетных кавалеров, на угощение которых отпускалось ему на ка-
зне 50 руб. асс. в год.

Генерал Обручев при своем усвоении обращал строго вни-
мание на подчиненных ему и живших в Оренбурге. В отделе
был назначен адъютантом Уральского войска полковник Кожан-
ников, поступивший в эту должность по приглашению Перовско-
го, которому он случайно понравился при исполнении поруче-
ний министра государственных имуществ графа Киселева об об-
разовании у государственных крестьян особого управления в
виде палат и окружных начальников. Перовский пригласил Ко-
жанникова на службу к себе, как молодого хорошо образован-
ного человека, знавшего в то время все стремления правитель-
ства к лучшему благоустройству казенных поселков. Кожан-
ников был подобен в Уральском войске более бывшему дру-
гом атаману Покотилова, первого из чумаровцев (т. е. не из казаков).
Перовский надеялся при содействии Кожанникова ослабить в
Уральском войске раскол, распространить просвещение и ис-
коренить глубоко бытующий. На окрест Кожанников успел подго-
товить умы казаков, трудно сказать, но имел крупный недоста-
ток — любил выпить и, кроме того, третил много на войсковых
счетах. Он разошелся с Обручевым, вышел в отставку и получил
поземное место губернатора в Саратове. Атаманом в Уральском
назначен был полковник Песок.

После неудачного конюшеского похода и об усмирении Об-
ручев в должность начальника края правительство изменило
свои взгляды на казачью степь, ее обитателей и на
наши отношения с Оренбуржскими кочевниками. Ахое, Букаре и
Кожану. Прежние требования ограничивались установлением
спокойствия, прекращением раздоров и брани между отдель-
ными родами племени. Просьба при случае о сокращении значитель-
ных вооруженных сил в степи почти каждое лето высылались
полные отряды казаков с артиллерией. Разные скотоводы, ка-

ваши или убив главных денешников, стрелы взвращались на левую, и стрелы, по-видимому, оставались уполномоченной под управлением трех султанов-правителей, через которых проводились все новые мероприятия. Но время показало, что султаны-правители не имели большого влияния на мир, и последние, можно сказать, не считали себя подданными русского царя, не ставившаяся от намерения знатных подчиненных, они более дорожили киевского князя, владениями которого и кочевьями ставились бунтавшие, платили ему дань (зекет) и в то же время скотом вносили выкупленную подать, пополнив киевские окопы при вторжении их в нашу часть степей. Устранение таких беспорядков можно было достигнуть содержанием военных стрел в глубине степей, которые могли бы в любое время умерить нападших джоханов в народ. С этой целью в 1845 и 46 г. заведены были для укрепления на рр. Турган и Иргиз в составе 200 казаков, роты пехоты и несколько пушек с прислугой. Первое укрепление названо было Оренбургским, потому что гарнизон его составляли Оренбургские казаки, и второе – Уральским, в котором были уральцы. В 1847 г. более сильное укрепление было построено на р. Сырь-Дарья, при впадении на устье Равы, потому и названо Равинским.

Устройство этих укреплений вызвало необходимость назначения особым специалистам инженеров и военных офицеров. Прибыли были молодые, хорошо образованные люди. Они жили в Оренбурге и разнообразили местное общество, особенно в собраниях, которые устраивались в своем составе, а с этим отжили порядки замкнутого общества, привнесли в степные общества.

Привнес и отлив молодых людей продолжался во все время управления Обручева.

Оренбургское общество конца 40 и начала 50 гг. далеко было не то, какому оставил его генерал Перовский: там был небольшой кружок людей, ему подчиненных и во всем ему сочувствовавших, а в новом обществе замечалась некоторая самостоятельность и оно влияло на местную жизнь.

Обручев, подобно своим предшественникам, обратил особое внимание на школу, но не одновременно изменить ее конечной образ жизни, но в этом потерпел неудачу.

В Оренбурге мужские правительственные школы существовали с XIX ст., как например главные народные училища, что ныне первое 3-классное городское, но школ для девочек вовсе

не существовало, девочки учились у частных лиц, далеко подготовленных к этому делу. Первым из преподавателей игр, обучавшим на это назначенным, был граф Фукелан. При нем была открыта первая домашняя школа по образу существовавшей в Петербурге принадворной школы. Вскоре обучали чтению, письму, терциям действиями арифметики, речедвижением и баскетному ремеслу. Предлагалось обучать дочерей низшего класса горожан: беднейших ипотечных солдат и ремесленников, а потому содержание было пестрым. Дочери богатых чиновников служивших в Оренбурге, обучались парсам и рукодельно, а дочери горожан — одному мастерству.

Перовский в первое управление краем не обладал никакого влияния на женское образование и училище оставалось в прежнем виде.

По ходатайству Обручева училище было преобразовано в институт благородных девиц с капиталом на 80 девиц, из которых 40 были на содержание училища и 40 пансионеров с немалым платом — 80 или 90 руб. Для института построен был каменный дом на замкнутом и теперь моста. Средства для этого Обручев употреблял из местных источников: пожертвованной частным заводоуправляющим Оренбургского края, платившим по приглашению оловянных печальников 1 % с добываемого металла; из этих же пожертвованных составилась довольно значительный капитал.

Оренбургский Неплюевский женский училище, открытое в 1836 г. (2), долгое время не имело определенного штата, денег на свое содержание, и долгое время не давала обучающимся в нем особых привилегий по сравнению с курсом и для поступления на службу.

По ходатайству Перовского в 1840 г. были дарованы этому училищу новые построение и права пансионатам в нем сурь воспитанницам привилегии к кадетскому корпусу, но число воспитанниц осталось прежне — 80 человек, из которых половина пансионеров на собственном содержании.

Обручев и здесь усмотрел недостаток вакансий для такого обширного района как Оренбургский край, и предложил выдвигать воспитанниц на первенствование этого заведения в Оренбургский Неплюевский кадетский корпус, увеличив число вакансий до 200, по 30 на каждого класового войска, и столько же для вольных, сноска содержание первых на войсковые капиталы, а последние на фамильный фонд, остальные 80 вакансий оставались на прежнем содержании.

Такой благотворительная мера была очень своевременна: родители в войсках чиновничьим классом, получившим возможность давать своим сыновьям военное образование, как before образованное с обязательного службой в войсках. В таком виде Николаевский кадетский корпус оставался до общего преобразования кадетских корпусов в 80-е гг. в военные гимназии, доступ в которые дозволен был всем россиянам. Тогда программа совершенно изменилась в существе: права военных офицеров на образование своих сыновей. Писать, считать, читать в общих учебных заведениях и всегда могли делать, но способности более сравнительно с строевым офицером, жившим в столице и всю службу проводившим в стрелных караулах и других местах; сыновей своих он едва мог с большим трудом научить читать и писать. При вступлении в корпус сыновья пистарей, урядников, получивших классный чин, всегда были лучше детей офицеров строевой службы, и они по конкурсу принимались в корпус, а последние возвращались домой и потом служили или не служили, если отцы их не находили возможности предоставить им для поступления в инженерское училище.

Обучая, заботясь о военном образовании кадетских войск, оставил в пренебрежении специальное образование, начались оспаривание которому попытка Николаевский учреждением в Оренбурге училища императоров и правительства для Оренбургского казачьего войска, но содержание которого 3500 р. отпускаясь из казны, в 1500 р. из войскового хлебного капитала. Училище это, открытое в 1836 г., имело 20-25 учеников: специальным предметом, земледелию и лесоводству, обучали два учителя с высшим специальным образованием, получившие большое жалованье, а общие предметы преподались на высших курсах кадетского училища и преподавались местными учителями. Воспитанники из казачьих малолеток Оренбургского войска содержались на жалованье войска; кроме того, были 2 ученика из Уральского войска с платой по 85 руб. год. Нет сомнения, что лучше ученики теоретически научились своим специальностям, но не видели их практикой применением теории. Выпуск из училища был прямо в дома, где надеялись видеть в них дальнейшее развитие обработки земли. Но им не представилось указаний, не могли учиться земледельческому офицера, ученики забыли все выученное и поступали на службу пистарями и терлись в массе. Просуществование даже не началось, кроме небольшого раз-

здания для полного питания при самом здании училища (ныне войсковой арсенал). Училище в самом начале не оправдало ожиданий начальства: это должно отнести к тому, что оно не имело ни одного опытного русскоговорящего. Подразмещено оно было директору Новоказанского военного училища, полковнику Маршалу, а за смертью его – в 1846 г. – Оренбургскому командиру, генерал-майору Лифланду, а после его (смерти) католическому священнику Зелену (3). Училище склонилось к упадку, а с переводом под начальство есаула Первенцера оно прекратило существование, хотя официально не было закрыто: при вторичном управлении краем Перовского оно вновь начало действовать под начальством капитана генерального штаба Герца. При училище была ферма в 2500 десятин земли в генерал-губернаторском уезде, а для работ ежегодно высылались бакирская команда, Берн, приездом раз личные опыты, находившаяся оборонявшая при Обручеве дача в до 30 т руб., но мог поддерживать училище, и оно было закрыто генералом Ефимовым.

Генерал Обручев в управлении краем не имел определенной программы. Без его неосторожного развития и улучшения края остались случайными. Край был беден в медицинском отношении, а в станциях и совсем не было медиков, но на такой существенный недостаток не обращалось внимания. Показывая скотские болезни, занесенные из киргизских степей и из Сибири, не прекращались в крае и приносили громадные убытки местному населению. Оставив без внимания здравые казенные топики, Обручев испросил вышайшее дозволение на открытие при Казанском университете по ветеринарному его отделению 10 стипендий на счет войска для приготовления ветеринаров, которым воспрещалось переходить на общий медицинский курс. Обручев нашёл более способным в казенном войска и у бакир вместо врачей иметь фельдшеров; в этот целью существовавший в Оренбурге фельдшерская школа была увеличена; в ней обучалось 40 учеников на капиталы казенных войск; впоследствии для нее построен был каменный дом, существующий и ныне.

Нужно отдать справедливость Обручеву в том, что не один из учрежденных в Оренбурге не остался без его личного надзора. Посещая казенный корпус во время обеда, он пробавлял лицу воспитанников и, когда находил их недоставляющего, приказывал выгонять и тут же растапливал его. В длинном училище (4) (ныне Оренбургский институт) Императора Николая I он за-

ходил в церковь и, если находил, что в ризнице ризы не были в порядке уложены, то пытался сказать священнику, что он «отменно одобролен этим».

Обручев имел способность во время унылости и открывать аэроупробования. Заметив одного вытрезившегося, ходившего около его дома, он заключал, что тот желает сказать ему о чем-либо, сам вышел к нему и спросил, что нужно. Тот сказал, что на другой день, рано утром, из дома капитанов, где ныне 2-й кадетский корпус, будут выданы экзотический колос, сушо, кожаный томар. Обручев на другой день, отправился сам и накрыл помитетней. Батальонный командир, майор Сидоранский, получил отставку.

Тем же, что солдаты линейных батальонов в Оренбурге курят табак, привезенный из немине дивизионного начальника генерал-майором Толмачевым для продажи, приказал батальонному командиру принести показать ему табак. Замысловатый батальонный командир, майор Чипри, безупречно относившийся ко всему, употребленному народом, явился к кадетскому начальнику с двумя пачками листового табаку-мехом. Сказано это было Обручевым с целью показать, что ему все известно.

Вечером в летнее время Обручев нередко ходил по парку в сопровождении подполковника-урядника или унтер-офицера. Делая личное высказывание с попадавшимся ему чиновником, он иногда слышал лица неприятеля негодяи. Так после развода, увидев одного отставного офицера, он подзавал его и спросил за душевное состояние по дороге в уезд, что он заметил во время недавней поездки. Рассказанный ответил, что он до сих пор не заведует. Обручев спросил, разве он не земский исправник, и узнал, что тот экзотом кадетского корпуса, расписал его за беспорядки, найденные при посещении кадетского корпуса, когда окончил не было дела.

Обручев был очень охот в своей частной жизни. Однажды во время маршанта, по его приказанию построили сами ладу для казанца по Николаевской улице избранной ипотезе онды. Ладу привели к его дому и доложили, что все готово, но никакого не свитого данно для улавы мастерам, по расчету можно было дать 2 или 3 р. с казенными. Обручев отдал слова и сам считал медом.

Как главный начальник края, обозначенный в торжественные для дивизии большие обиды и балы, он должен был иметь достаточно пригласия, но последний у него была в ограниченном размере, только для своей семьи; в исключительных случаях для увели-

человек стал прислугой брался за батальонные следы, знавшие это дело еще до вступления в военную службу. Их отдавали во флот и они там начали лезть. Иногда они спускали у Обручева беспроблемно дойти до армии. Перед праздником Рождества и Пасхи, когда принято дарить прислугу, Обручев собирал их всех и каждому давал в суммочке завернутые деньги, от 1 до 3 р., чтобы они на эти деньги и покупали себе больше подарков, и всегда подговаривал, чтобы деньги не пропали.

Это мне рассказывал правитель его канцелярии Сызганенко. Близил другой спущенный к Обручеву и хорошо известный порядок, установленный в его семье. Тот же Сызганенко, будучи начальником отделения, вместе с войсковым старшиной Петром Ивановичем Косиным были взяты Обручевым в Петербург. При отращивании своих личных расходов они рассчитывали иметь сопоставление на экстраординарные военные суммы, которые взял Обручев на проезд. Квартира была в гостинице обшар, обед с собой с Покровом, тут ужин и чай не полагались. Содержатель гостиницы говорил им, что напролом они спускаются, что генерал заведет и что дело устроится так, что чиновники останутся на ночь. В гостинице тем же ужином и чаем исправно им стало подвешиваться, что приживалось до отъезда. Когда поезд был снят, Обручев раскритиковал содержателя гостиницы. Тот сказал, что все останавливавшиеся у него высшие особы спускались с собой чиновников, по этому он, не предупредивший генерала, подвешивал их завтра, ужин и чай. Чиновники в свою очередь заявили, что они заехали в этот его приезд. Обручев уплатил по счету, но долго напоминал им, как они в Питере хозяйничали на его счет.

В отпускные выданные деньги Обручев был экономичен до скупости (5). Такие суммы, как отпускные на пособия бедным чиновникам 600 руб и на экстраординарные расходы – 2800 р., расходовал, строго придерживаясь закона, и случалось так, что по истечении года Обручев вычеркивал в казначейство до половины отпускных денег, но позволял брать из этого источника на расходы служащим в канцелярии, которым выдавал то, что оставалось от штатных сумм. Первый его правитель канцелярии Лебедев подал прошение, получило 150 р. в счет экстраординарной суммы и добавление к 1300 р. его штатного содержания. Этот Лебедев оставался одним из немногих, привезенных Перовским на должность правителя канцелярии, но не получивший при нем этого места потому, что Перовский нашел

более талантливого и уже знакомого с краем Ахмед Ибрагимович Сергеев, Лебедев согласился принять место секретаря с содержанием одолжения правителя канцелярии. Лебедев прислуживал на дворянском звании, окончил курс духовной семинарии, но своей родне он был правителем канцелярии Воронежского губернатора, потом перешел на службу в Петербург, откуда приглашен был на службу в Оренбург.

С истинными способностями и полученными на службе практическими знаниями он, пока состоял в канцелярии, умел удивлять Обручева отнюдически мероприятием. Лебедев заметил, что Обручев увлекается чем-либо и желает вести дело по своему, говорил ему, что так нельзя, неудобно, не по закону. Обручев настаивал на своем, Лебедев исполнял приказания, а впоследствии выходя начальство разносит, что так неудобно поступать. Укажу на один из таких случаев. Как-то внутренняя бумажкой отцы Дрангер Букина, умовавший зяню просить государя Алексея Павловича за оставление в око самовольство канцелярии достоинства, удостоился получить благоприятное уверение, что сыновья его не будут забыты. В 1848 или 50 г. окончил курс в высшем корпусе сын Дрангера Сагиб-Гирей и через преданных ему лиц занял вакансию, согласно данному обещанию, занять в одне место отца, умершего перед тем. Сагиб-Гирей, возведенный в княжеское достоинство и командир лейб-гвардии гусарского полка, должен был приехать на некоторый время в Оренбург для ознакомления с предстоящими ему обязанностями и для изучения дел отца. Возник вопрос о назначении ему содержания. Необходимо заметить, что как Дрангер получал в год сибирского с куртка званья свыше 300 т. руб. асс. в полном и безотчетном распоряжении и поддерживал на эти доходы все внутреннее управление. С его смертью порядки этот изменился: обороты, как канцелярия подает, стал поступать в распоряжение правительств и расходиться на определенные предметы, поэтому Обручев никак не мешало с мыслью, что новому князю Сагиб-Гирей можно дать правительств его званью содержание, и, после всех соображений Лебедева, настоял на своем, определив сумму не свыше 1 т. р., а может быть и меньше. Дело пахло в министерство государственных имуществ, которому подчинена была внутренняя табла, от туда получена была бумага, в которой первая страница начиналась словами пять сот дуб. Обручев потребовал Лебедева и сказал, что он короче скажет, не поспешайтесь с ним. Лебедев, взрыдавший конферты прощая,

отвечал: «Вы не дочитали, переверните страничку и увидите другое», что 500 р. изданы были в версту. С этого времени он и дальнейшие случаи следовал руководству Лободова.

Обручем был набит драный дер. и в направлении их по своему усмотрению, как это подходит делу подготавливая На. На. Корина, служившего дежурным штаб-офицером Оренбургского казачьего войска.

С образованным Оренбургской линией отправлялись по ней почтовый гонимый составом обязанности свои и бакинские наряды, как службам наемность. Бакинцы выставляли на определенных станциях известное число лошадей с тележками, а зимой санями, на все оружие и провизию, содерж на свой счет все лошадей, так и людей. На самом деле бакинцы гонимы правды местным жителям, отдавая им лошадей с прицепом драной на содержание лошадей, а сами уезжали в свои дома. Такой порядок продолжался до половины 1825 г. Почту и провизию возили наемными ямщиками, почтовые станции (дома) не существовали: изредка появлялись правки на счет возки, формы ямщиков и ямщиков, посылки не было, - все это в чем и у кого что было. В 1825 г. по указанию Перовского натуральная почтовая контора лошадей была отменена, а вместо этого бакинцы были обложены 30 коп. в сутки (23 к.) обходом с душой. Почтовое ведомство старалось и на Оренбургской линии ввести общие правила, но оно встречало затруднения в том, что не все собиравшиеся бакинцы сумели употребиться по прямому назначению, а много уходило на внутреннее управление бакинским войском. Для увеличения было желанием сдать почтовые станции за низкую цену и оно через особые чиновников выдавало почтово-ямщикам плату, вследствие этого стремление почтового ведомства не могло исполняться на месте, но все таки оно не оставило своих требований от содержателей линейных станций и таскало их по всем, касавшимся исправности почтовой службы. Дело доходило до того, что почтовые станции за слишком низкую плату никто не с возки, не с развороченными был, да и определить действительную стоимость станций местным жителям было нельзя: требовалось известного размера посылки, а на месте таковых не было, нуно было выписывать со стороны и т.п.

Подполковник Корин, прежде занимавшийся содержанием станций, хорошо знал, чем именно можно ублажить почтовых жеманов, - а именно - не делать особых притязаний по букве почтовых правил. При содействии других лиц он добился со-

главие потовых чиновников неслыханно поспешить кавалер-о-чтарам, составив антимемор товарищество, чтобы взять в одни руки весь Оренбургский ливанский тракт, и вывести в Оренбургское войсковое правление на торги, внести установленный залог наличными деньгами. На торгах присутствовал сам наказной атаман, граф Цукато, с полным составом присутствия. Ни для кого не было тайной, что Корин - дивизионный штаб-офицер, зна-ли также и некоторые его товарищия (адъютант атаманов рот-мистр Жидков, жена которого имела большой капитал, и чинов-ник Бибераман, дочь которого была за братом Корина, - асо-ордом войскового правления Петром На Коринным). На торгах старшим остались за Коринным за много вышнюю плату и с усло-вием одаривать их во всем согласно потовым правам.

Винному губернатору тоже было хорошо известно, кто Ко-рин, но должность его не препятствовала делу.

Воинный совет, по представлению Обручева, утвердил ста-нцию на три года за выпрошенную на торгах сумму за Коринным. Заключение контракта, он сделался хозяином дела. Покуда по те-ням, Корин нанял из всех станция казакос и часть чиновников за меньшую цену. Принята вышней передаче заключалась в том, что Корин одарив станцию на условиях взять его одного, от него получать плату не только за обытое время, но при нужде и впрямь, в случае предвзятого приближение потовых чиновни-ков оставил за собою, а равно и ответственность за потерю кор-респонденции при перевозке по почте, залогом же не брал ни с кого.

Делские люди считали, что от этой операции у Корина по-станет в год не менее 12 т. руб. Аппетиты разоренцы, и разгово-рили о том, что Корин сумел ловко устроить хитроумное дело. Он после лично говорил мне, что даже наказной атаман, граф Цу-като, за обидом у себя с скрытою завистью говорит о нем, как о будущем богаче.

Обручев дал это покровителю. Сопровождал его говорили и та-и иные, придумали начать дело, против чего не был и прави-тель канцелярии Лободов. Нужно было узнать, что делал Корин на месте и как соотносывался перемена станицей. Для твердой дей-ствия Корина, как дивизионного штаб-офицера, сопровождающего собою все, не было и вблизи лица и военный губернатор послал для этого достоящего при нем чиновником особых поручений войсковости старшему Уральскому войска Матвеева.

Ураганом пронесся проезд Матвеева по всей линии до Се-

биря, он детально изложил факты вменяемых преступлений Корни, отобрал из шестой или двух ставящих пустые записки, во многом не обнаружилось кроме того, что говорил сам Корни, т.е., что он сдал ставкам за мною о невыплате плату, чем сдал вояк. Редутаты должны были пересланы Обрунову в Петербург, где он находится по данному случаю.

В Петербурге было составлено и послано военному министру донесение с таким крупным злоупотреблением, к делу которого обвинены владимирские правления, которое в действительности в этом деле не сделало ничего противоправного.

В ответ было получено отклонение бывшего департамента военных поселений, в котором тогда сосредоточены были дела военных войск, направить настоящее дело к законному производству и вместе с тем поручили призыванию военного министра, графа Фельдмаршала, обратить внимание на то, «благодаря ли составлению войсковых и гражданских дел исполнению повеления на нем обязанности?»

Бумага департамента военных поселений была прислана в Оренбург, где должность военного губернатора, за отсутствием Обрунова, исполнял генерал-лейтенант Толмачев. От назначил следствие, для производства которого избраны были командир 1-го Оренбургского казачьего полка полковник Борт и старший адъютант корпусного штаба капитан Михайлов. В переписке между полковником Оренбургского по контракту времени, Корни слышал получал казенную плату и сам удовлетворил наемных почтарей. Наказные команды Корни, предвидя возможность потерять вложенный в дело капитал, получили в начале свои деньги, которые им были возвращены из казны в начале года, и тем самым вышли из дела без потерь, но и без пользы, в Корни остался единственным владельцем и собственником предприятия.

Следствие велось в рамках предварительного дознания и тогда никто не открыл. Сначала оно велось торжественно и строго, и потом да спешивая затонуло. Наступила страшная и повсеместная в краях культура 1848 г. Корни умер, и за ним и правитель канцелярии военного губернатора Лебедев, и дело потеряло свой острый характер. Военного губернатора занимали войны и преобразование школы, которая начала осваивать с сентября. В ноябре наказной атаман представил Обрунову промежуточные следствия.

Обвинения помышлялось совершенно на другом, чем в ка-

часть, где стояло на первом месте лицо должного штаб-офицера, как начальника, заключившего сделку с карзакан, ему подчиненными и видно им стесненными; но следствием начала подробного не было найдено. Тогда остановился на другом. Почтовым правдами перебрал станций двенадцатых с раздвоенным почтового начальника и за ту же плату, какую получает сам содержатель. Но и здесь прямо нарушения не было сделано. Корень перебрал станций сделав на многих местах без боязни лесных условий и оставил за собой ответственность в случае потери почты в пути вандами. Дело было представлено военному министру с обвинением Корня по последнему обстоятельству и войсковому правлению в допущении такого незаконного действия и за это Обручев полагал ответственность расход по производству следствия на виновных. Из военного министерства дело, конечно, передается на рассмотрение главного почтового начальника и в переписке прошла почти весь контрольный срок. Все это случилось тем, что члены войскового правления, т.е. доктора и дьяк, забыли сделать расход.

Обручев имел еще крупное столкновение с наездником атаманом Уральского войска, генералом Рене, им же назначенным на эту пост. Рене отказался исполнить приказание военного губернатора, которому он обязан был безусловно подчиняться, по упорядоченно почтовой части в войска и за это получил выговор военного министра.

Генерал Рене, прибывший в Оренбург в сане военного губернатора Сулеймана, до все время старания здесь пользоваться общепризнанным и был всеми подчиненными. Отдаленно самостоятельную часть он не занимал, состоя чиновником особых поручений при Сулеймане и Перовском при ином его управлении краем. С изданием 12 декабря 1940 г. положением об Оренбургском казачьем войске получил назначение на должность начальника штаба; эту должность он занимал долгое время и приобрел расположение и любовь казачьего своего подразделения и умением вести войсковые дела. Жил он холостым почти во все время служения, а в 1845 г. женился в Москве и давал семейные сценки с Обручевым, и как говорили, жена последнюю Матильда Петровна близнецов и своему поддому, как и немцу, и с выходом наездного атамана полковника Романовича в отставку Рене был назначен в Уральск наездным атаманом. Тогда много не сочувственно отнеслись к этому назначению, особенно простые казаки, которые привыкли видеть атамана

на своей груди, а тут к ним присоединились и полтеранцы. Петровский во второе управление краем в назначении Гекк видел крупную ошибку.

В 1845 г. приехал в Оренбург вновь назначенный на место тайного советника Пенка (б) предводитель пограничной комиссии генерал-майор Ладьяженский, из офицеров генерального штаба, бывший в Китае и знакомый с народами Сибири, где в последние времена он служил председателем Тобольского областного губернского управления. Русской по рождению и происхождению по матери Михаил Васильевич пришел с собой полков, вероятно, служивших с ним в Сибири, а сам в свою очередь вызвал своих соратников из западных губерний, и канцелярия комиссии обрратилась к польскому учреждению, где чиновники говорили между собой по-польски, а русская речь была на втором плане. Полков, прибавок советнику разглашению не подлежал, сумел занять лучшее место, часть их осталась навсегда в крае, устраиваясь выйдя одною из них только на богатых купеческих дочерях.

Дмитрий Жуковский, служивший в комиссии на низшем должностном, но вышедший из полковника, получил наконец место полковника принаймы из кнута, в Троицке женился на дочери золотопромышленника Баскова, приехал к богатого человека и, выйдя потом в отставку, жил роскошно. Генерал-губернатор Крайковский в 60-х гг. пригласил его к себе как своего особым порученный. Повсрами, что по приезде в Оренбург Жуковский вместе с братом имели один фрак, в котором поочередно ходили в собрание и в частные дома.

Генерал Ладьяженский не имел собственной в собственности, человек он был стесненный, имел 5-6 человек детей, жил открыто, любил друзей, начальников от дальних частей; зимой часто у него бывали гонимые ветрами, а картонные подушки на каждый день; нередко бывали и обеды, на которые также приглашались и чиновники комиссии. Ладьяженский в парадных случаях ездил со старому дельцовскому обычаю в карете четверною с форейтором, что в Оренбурге бывало редко. Содержание получал не более 4 т. руб. при казенной квартире.

Для широкой жизни этих денег и по тогдашнему времени было мало, а Ладьяженскому в особенности, потому что у него было взрослая дочь, Екатерина, туземцы которой стоили дорого. Она вышла за полковника Григория Федоровича Искана, довольно стрелкового человека, оба они были беззаботною женою и в расгар выехавшими перебраться в Петербург для воспитания детей.

и приносивший места. Кроме в двух Санках заложил свое имя, имел более 300 т. руб., часть из которой на ифран и стоил, часть пропил и разорившись, прыгнул в свое имя в 1880 или 81 г., устроить его не мог и умер в 1890 г., имя было продано с торгов, причём наследником досталось 15 или 16 т. руб.

Сперва годне управления Обручев появился в Оренбурге театр, сначала любительский, а потом стали приносить труппы провинциальные актёры, правда далеко не из лучших представлений театрального искусства, но община – жителями для общества, особенно для среднего класса и молодых людей, не имевших для себя других развлечений.

Жители также спектакли устраивались в зале городской комиссии, где ныне квартира Тургайского губернатора, и в дворянском собрании, где сначала любители довольствовались только столовою, а с постепенным развитием дело перешло в зал и занимали его в те дни, когда не было танцевальных вечеров.

1. Обручев Падинар Афанасьевич – 1795-1864, генерал-от-инфантерии, Оренбургский военный губернатор 1842-1851. Из дворян Архангельский губ. С 1805 – юнкер в императорском корпусе. Участвовал Отечественной войны 1812 г. – за отличие при Лодзине награжден орденом святого. В 1813 переведен в лейб-гвардию Преображенской полк, назначен капитаном в Лейб-Гу. Дежурный генерал в гурезию (1828-1829) и полковник (1831) капитан. За участие во взятии Варшавы награжден орденом Св. Анны 3-й ст. С конца 1842 – Оренбургский военный губернатор, командир Оренбургского отдаленного корпуса. Поднял Челябинский бунт 1843, и назначен командиром Ново-казанского района. В 1848 Оренбургский армейский уезд Оренбурга в Новоказанский армейский институт с переводом от в императорской Александрии Марии. Присутствовал при восставшей в Среднюю Азию: 1846 – по восточному берегу Каспийского моря, 1847 – до р. Сыр-Дарья, тогда же командир укрепление Рымское. Оди-божени от должности 23.3.1851. В том же году – командир, с 1852 – председатель генерал-инспектора.

2. Пон открыто 2-го января 1825 г. (при И.С.Шуваеве)

3. Основан в Оренбурге в начале 60-х годов XIX ст. (при С.Н.Семевском)

4. В 1848 г. дан новый устав, а в 1855 г. переименован в Институт для благородных девиц (при И.С.Шуваеве)

5 Обручю действительно была каменная аптека, а подвалы в подвале и слухом слышалась дробь из раскатываемой зенитной постройки, с истинно изумительным подчас им самим же ревом. При постройке, напр., затопил для хлеба в Оренбургском войске — он, по словам старожилки, довел до того, что сшил сапожники, купил их в хлеб и в присутствии высшего офицера в степи с предложением построить жилища изобретательным способом, подвинув при этом, что они кончат им атаманов себе и сослуживцев, как и от тех разных изобретений. При постройке каменной аптеки в Оренбурге Обручю он также изобрел способ кончить жилища изобретательным способом, подвинув при этом, что они кончат им атаманов себе и сослуживцев, как и от тех разных изобретений. При постройке каменной аптеки в Оренбурге Обручю он также изобрел способ кончить жилища изобретательным способом, подвинув при этом, что они кончат им атаманов себе и сослуживцев, как и от тех разных изобретений.

6 Гене умир в отставке в Оренбурге 10-го мая 1846 г. (справ. С.И.Семашкина).

IX

ГРАФ ЗА. ПЕРОВСКИЙ

(1851-1897)

Наследственный после Обруча Оренбургским и Самарским генерал-губернатором, Перовский пришел в мае 1851 г. через Самарскую станцию. Приехав из Казани, он был в Уфе, где губернатором был Баджакин. При переезде через Самару Перовский выдал за плату казачьим золотом и сказал войсковому атаману Уральского войска, в составе которого была Самарская станция, что это делает он для того, чтобы показать этим, что он принимает раздавать золото, а не брать его себе в Оренбургские земли, — чтобы не донес Обручю в военное министерство, что Перовский в 1835-38 гг. утеснил приговор башкир о дозволенном ссуде его — Анны Александровны графини Толстой разработкой золота.

От наследования Перовского все ждала много лет: чинились наград и повышения в должности; тогда — прибытия от казенных торговцев в городе с привезенными ссудами богатых людей этого той бедности, какою кончилось дело Обруча, жившего ссудой и державшего своих подчиненных в немом теле, подчиненных рабам и мастеровым надеяться, что они не будут работать более

на медные гроши; бакары, казаны и прочие простой народ
идеи одни облачники, другие - свободы и занятых.

В свете Перовского привлек статский советник Василий Ва-
сильевич Григорьев, как опытный стилист в писании разного
рода бумаг. Перовский имел таких людей и в первую управленческую
граду. Коллежский асессор Павел Николаевич Губов, служив-
ший в Сенате и приглашенный прямо на должность правитель
канцелярии, через 3 месяца заменил Сысоевского. С Перов-
ским прибыл также и два студ, но болящего окончил курс
в Царскосельском Александровском лицее, Поливанов и Ва-
сильев-Зарнов, бывшие без определенного назначения, но по-
лучившие вскоре места. Новообразованный для деп. присоеди-
ненной Сибирской губернии отдел канцелярии поручик был По-
ливанов, а Васильев, как изучивший восточные языки, счи-
тался приграничным отделением канцелярии и был в распоря-
жении Григорьева, тоже ориенталиста, и получил назначения по
командировкам в степь и на окраины ее.

В той же среде был коллежский советник Михаил Григорье-
вич Ржевский. Для чего он был взят - трудно сказать, да он и
сам бы не мог ответить на подобный вопрос. Ему поручено было
докладывать аступающим на нем генерал-губернатору письма,
на которые молчаливо делали два лица, а Ржевский подмыш-
кал и подавал Перовскому, принимал от них замечания за не ра-
ботность. Ржевский был страстный картежник и шулер. Здесь
он обыграл многих: начальника таможенного округа Винера
на 20-30 т. руб., Шершенева на такую же сумму, командира бата-
льона военных кантонистов майора Плотинова на 6 т. руб., по-
литически также, но умеренно: бинерцев, Замигородский и По-
речен - бывшие откупщики, но люди осторожные, и другие ми-
нор канцелярии. Позднее, что Ржевский узнал из Оренбурга не ме-
нее 80 т. руб., но из этих денег немного сошло на пальту, что-то
около 10 т. руб. на сына, вышедшего офицером в конную пехо-
ту, а все остальные деньги Ржевский проиграл, да еще при-
хватил у Перовского. Последний, живя в Москве, собрал у та-
моженных капиталистов покровителей на праздничный прием ко
вновь покоренным Коландаром камлать и получил от него 6 т.
руб. в опекунский совет Ржевскому, но тут вместо банка попал в
английский клуб, где спустил все до копеек, и кончил с повин-
ной в Перовскому, который послал свои деньги, но уже с Алек-
сандром Петровичем Замигородским, который и передал мне
эту историю. После Оренбурга Ржевский, старик, раненый

и ходивший на его уславленной ноге, добился назначения на казенном дружинном в народном ополчении и в этой должности умер. Дружба его с Перовским закончилась тем, что в сражении под Ахатой они оба были ранены и лежали в одной палатке.

Кругом молодых людей увеличилось присутствие новых лиц, из них можно упомянуть Александра Михайловича Жамурзинского, племянника Перовского от сестры, бывший на службе графа Жамурзинского майора, в впоследствии старшего советника князя Александровича Киреевского, майора Кузьмина-Каразина, лейб-гусарского корнета князя Игоря Илья Чистова. К этой же категории принадлежали полковник Илья Андреевич граф Тихостый (1), родственник Перовского, и майор, впоследствии полковник, Александр Афанасьевич Тихвинцев (2), женатый на Елене Эдуардовне Энгерман, к которой был неравнодушен Перовский.

Анна Осиповна Жиртова, жена адъютанта некоего атамана Оренбургского войска, рожденная Иванова, сумела привлечь к себе Перовского, но последствием этого было то, что муж ее, неравнодушный адъютантом к Перовскому, и быстро получивший по служебной записке, разошелся с женой, возвратив ей полученный в приданное капитал и уехал в Петербург, к своему бывшему начальнику графу Цукоту.

К сестре Перовского должно еще отнести домашнего его доктора, который был сначала врач из Москвы Павлов, разошедшийся с Перовским из-за одной неряшливой операции и замененный полтавским коллежским Кривичевым, который после смерти Перовского был назначен лейб-медиком; кроме того, в состав свиты входил еще икономасодельский видок во время походов.

Все это масса чиновников каждый день обедала в квартире Перовского, пила и ела на его счет, а вечером расходиться по частным домам, ежедневно принимавшим гостей; таким образом было достаточно. Некоторые предпочитали дворянское общество, другие каждый вечер картонная игра.

В первый год приезда в Оренбург в Николаин день (тотчас же по имени императора Николая Павловича), Перовский в дворянском собрании дал бал, какого не видел еще Оренбург и который стоил до 2 т. руб. Приглашенных была масса. Бюфет был открыт для всех. Шампанское разливалось свободно, это ждал. Ужинать могли, начиная с 11 часов, каждый по своему желанию. Другого подобного бала в собрании не было, а балы устраива-

лись в генерал-губернаторском доме. Я бывал почти на каждом балу. Ужасно всегда был обиден. Перовский, как и прежде, редко дожидался до конца бала, и уходил много раньше в свою кабинет, сидел и снова появлялся среди своих гостей. Он страдал угрызениями и один раз припадок был так силен, что извинился. После исповедывался и причащался, у завтрака не был, но все на церемонии после обеда промолчал и нему и дистанцировался, как всегда, и изобильно поставленные кушаньями и напитками.

В конце мая и по сентябрю Перовский уезжал на коневую, где жила на его слуги много на льдого самоты, оставшихся в городе, а другие уезжали в свои имения или просто в отпуск. Одно лето (1853 г.) Перовский не являлся на коневую, потому что принимал военную экспедицию против Кокана. Предполагалось было взять всю коканскую крепость по р. Сырдарье и главную западную Ах-Меню, где жил коканский бея, собиравший данок с киргизов. Поход был трудный и представлял много опасностей. Кавказцы имели артиллерию и воевали Ах-Меню штурмом потребовалось бы значительного количества войск. Для избежания этого нужна была правительная осада, а для последней — требовалось взять всю принадлежность из Оренбурга — триа голодных степей. Перовский, понимая свои трудности с коканским походом 1853 г., был крайне осторожен и вынужден лично во все приготовления экспедиции. Войска были всех трех родов оружия: пехота, кавказцы и армяне, и прожекторы были конные и пешие. Начальником всего отряда, состоящего под главным начальством самого Перовского, был назначен атаман Оренбургского казачьего войска генерал-майор Иван Васильевич Подуров. Для перовского товарищей отправлены были были команды башкир, а верблюдам везли упряжи из. Войска благополучно добрались до Ах-Меню, расположились перед крепостью, и начались традиционные работы, связанные до крепостного вала: затем произведен был взрыв стены и в образовавшийся отрывок штурмующие колонны вошли в город. Это было 28 июля 1853 г.

(2)...завершил достигли двукратному отряду. Это было в ноябре или декабре 1853 г. Государь император за такой блестящий успех отдал личному укреплению батальонного командира инженер-полковника Огарева награду чином генерал-майора, все офицеры произведены в следующие чины и получили другие награды, многие казаки офицеры отряженные в поход отпущены или искуплены, вышли штаб-офицерами, подполковниками.

Внутренние укрепления крепости за это время не были ничем

определенные. При вступлении в должность Перовский не горюет день и во вся время управления им с кем не совещался; не собирал комитетов; дела решались или согласием его с родственниками, или по его указанию. Начальники отдельных частей, преимущественно возбужденные издательства о беззастовстве в их ведомствах, часто обижались и Перовскому и поступали по его указаниям. Чтобы удержать тишю подчиненности, Перовский подбирал к исполнению людей более или менее одного с ним взгляда на дела и управление. Командующим бакирскими войсками был назначен Вятский губернатор Сперди, умный симпатичный и добрый генерал, заслуживший любовь в первое служение, [который] вскоре по команде в Оренбург умер от холеры, не успев ничего сделать, даже не выйдя на место вверенный его управлению народ. Его заменил Оренбургский (ныне Уфимский) губернатор Бакинши, бывший адъютант Перовского и при нем командовавший войсками, но несошедший во взглядах с Обручевым, оставивший это место званое, конечно, был во всем противоположен вновь установившемуся порядку. Назначен атаманом Оренбургского войска был назначен из казаков генерал-майор Ив. Вас. Подуров. Человек грозный, честный, умный и хороший андальский войска, но во всем преданный Перовскому. Помощником его или начальником войскаго штаба полковник граф Илья Андреевич Толстой, быть может с той целью, чтобы доводить до ушей графа Перовского все, что найдут в распоряжении Подурова поблажку казакам. Положением своим граф Толстой, с содействием своей матери, жившей в поместьях Перовского, неприменно воспользоваться во всю силу и последний видимо изменился к Подурову - например, Толстой говорил везде как неловко бывает с докладом у Атамана, когда застанет у него родных его простых казаков сидящих в кабинете. Хотя они тотчас же выходили, но все-таки неловко, сжуча, ханчая доклад, может быть его родственники казак и позволяют себе быть в его присутствия.

Родные эти были торговые казаки Леонтьевы, богатые люди, которых принимал Подуров и от них узнавал, что делается в степи, чего официально не мог слышать. Даже родной сын Подурова, служивший в войсках воеводою, своим присутствием нарушал военную субординацию, хотя и не был никогда при докладах. Такие случаи, нарушающие

по их понятиям начальнические отношения всегда отыскивать некое. Граф Перовский в Башкирии и Оренбургском краях находил много неправды, конечно действовавшей на их благо: состояние; для устранения их применялись различные меры.

Башкиры казались бедными, по-их обыкновениям тогдашнему с тем положением, в котором они были в 30 гг. - богатых скотом, сытых, хорошо одетых и благодушествовавших в свои кочевья за кумысом. Правда, установленная Обручевым и полковником Жуковского башкиры были спешены в свободу конюш и правдом времяпровождением, перестраивали свои деревни по плану, и требовали от них заветный хлеб-пшениством, но в действительности, сколько из не принуждали переменить образ жизни, все меры оставались на бумаге. (4)

Башкиры уловили, что строгий не наказывать. Фигуры, как закон гласит «Пшавы» (5), находится близко, принимались пшавы как-то жестко и бросать семена, хлопотали около домов. Но как только Фигуры ушли из деревни, все это происходило - поле и дома, и с наступлением тепла о времени все уходило на конюшю, которая никогда по-настоящему не воспринималась, большие семейные и богатые посылали рабочих косить и готовить семя, но разве мыслима на несколько сот и даже десятков приготовить на всю зиму семя, конечно, работали для виду, показать, что народ слушает начальство.

Для приживления башкиры к хлебопшеничеству, по мысли Перовского, еще в начале его управления краем, построены были хлебные магазины: хлеб и нем. по 2 пуда на душу. Был куплен на продовольственный башкир(ский) капитал и раздавался каждый год перед жнивием, а башкиры должны были возвращать (6), но башкиры с первых годов от введения меры хлеба съедали, осенью магазин был полон, но хлеб был не общий, а не-сильные богатых из них, и хранился в общед государственных магазинах, вместо же выбирался хозяевами его. Против этого принимались меры, но ничего сделать нельзя, все говорило, что хлеб не общий и на сломан деле выдали башкир, бирюшцами незаконно землю, что всего более практиковалось у лесных башкир, которые потом под видом неурожая или грабидития, а на самом деле умышленного потоптания скотом, ходатайствовали и дозволении им вырубки леса и сжигая последнего видом на продажу.

Одна правда, что некоторым против пшавы и требовании на казенные работы, исполнение которых считалось за службу. В

принимая время работы конюшней поставщики индюшак, лопатею особую от башкир, хотя и состоявшую в одном упреждении, на показительство (именно для сближения индюшак с русскими) вложить над ним одностороннюю поинности и с 1841 года индюшак и коренные башкиры, жившие в удалении от племени, как правило были единственные народы друг на друга индюшак и башкиры, утратили воинский дух, имели соседство в деревнях, занимались хлебопашеством и воинскую службу считали тягостью, освобождаясь от такой воинской повинности сбор, но самая повинность не отменялась, требовалась на службу хотя и несколько с меньшим размером продолжалась и тяжесть повинности неоднократно во все меньшие числа населения, чем прежде и послужившим было преимущественно было нести повинность, особенно с 50-х гг., когда заведены в степи города киргизского, куда башкиры возили на своих лошадях хлеб, лен и другие продукты. Исполнять такую тяжелую службу должны башкиры призываемые сенокосам, народу воинственного духа, больше всего отправляющему этот труд в посылы в степь военных отрядов, для посылы на еще мало теплится во всемо погоду, готовый на бой с киргизами, и тут делалось идти на посылы пешком в непростительной пыле, от которой и сильных жаров лошади не падали, телеги ломались и народ с большими глазами возвращался домой. Лошадь и телега были собственными и на односторонний с них сбор они содержались все время на службе, даже не от этого было, ничуть не было служило означалось, что башкиры всегда отправляли службу на односторонний счет. В этом отношении военный губернатор ничего не мог сделать - обираемые с башкир внутренние кантоны даны по особому Высочайшему повелению поступили в войсковой капитал, образованный в Военном министерстве на случай военных надобностей или часть сего сбора обращать на содержание русских укреплений в киргизской степи, разрозненными войсками с последним годом, а также приходило военному удовлетворять на эту часть на государственные ресурсы - Обруча при его посылении не смел восставать против установленного порядка, представил все это на рассмотрение власти.

(?) ... не безгреш - земля распалась, а не обременена и в таком виде заброшена, и конечно, на такой ниве кроме бурьяна ничего не было. Башкиры оправдывались тем, что сильные ветры сдули зерно и оно поклевано птицею. Но в сущности дело стояло труд бесполезно потраченного и

делел на посылку семян. К тому же усиленный каравл Башкир в транспортные команды для отвоза провианта и других тяжестей во вновь образованные степные укрепления, требовал от народа подмоги идущим на службу на снаряжении сабл и на лошадей. Переход летом в летние знойные дни делал невыносимым для людей и лошадей - от пыли парыва слепили слезами, а лошади от безобразия и пекла падали массами и народ возвращался домой больным и безлошадным. Это обстоятельство служило Беклемишеву, окрашен соответствующими красками, положить невозможность далее в управлении Башкирией следовать установленному шаблону, он видел народ ожесточенным и в крайности готовым на все, а это все, не скрывая, Беклемишев называл открытым восстанием, которое дурно отразится не только в губернии, но и сопредельных с нею киргизских и даже среди азиатских владений. Написав в такие сильные выражения рапорт о тогдашнем состоянии войска, которое он обязан был сделать по вступлению в должность, Беклемишев уехал в Петербург и затем в высших кругах подготовил умы в свою пользу. Тогда многие из советников Обручева, имеющие на него влияние, посоветовали ехать самому в Петербург и там личными объяснениями обнаружить ложь, но Обручев был настолько самоуверен, что Беклемишев сломает себе шею. Государь Император Николай Павлович не оставил безнаказанным нарушение дисциплины и дерзости, допущенные младшим в отношении к старшему - последовало письменное донесение и притом далеко не убедительное и притом не богатое в выражениях и стилистике, какие находились в доносе Беклемишева, составленном по фактам известным литератором Небольсиным, проживавшим в то время в Оренбурге.

У военного министра князя Чернышева было много фактов против генерала Обручева из предшествовавшие ему столкновения Обручева с подчиненными ему людьми. У военнаго министра перестали верить Обручеву, а последний случай еще более подтвердил. Притому и подтверждение того: старший чин Оренбургского казачьего войска капитан Подуров, известный как воин по турецкой кампании 1829 г., где его подполучил звание, являлся на риза, хорошо знакомый с войском, наступая службою, то сидевшим в кресле, тогда правление об удовлетворении отставку, Обручев предоставил его как обычное, ничего не просил для

заслуженно штаб-офицера и адъютанта, удивительно скромно полагает на отставку Падурова, а также военного министра угрожать этому штаб-офицеру прекратить военную службу. Это было много раз уже повторено Басембаевым в Петербурге. Когда выплывало было донесение Обручева, то военный министр просил рассмотреть все дело генерал-адъютанта Перовского. Конечно, он даже был от поддержки Обручева и упомянул его последним в марте 1861 г.

После крымского похода Перовский истощил все возможные средства для облегчения положения на службе башкир (обязанностей на следующие льготы: 1) наряд башкир для перевозов тяжестей с Оренбургской линии на Сур-Дарью отменить, а перевозку эту делать на всем котлым водном за плату по соглашению; 2) на довольствие башкир во время нахождения на службе и в походы на содержание отпускать до 70 тыс. руб.; 3) уменьшить на 20 коп. тер. с луба лавсань сбор, производимый с башкир на общем основании с другими поселенцами, уплаты производимой от этого разности из соединенного сбора; 4) постоянно устраивать у башкир русские школы, постоянно больницы и выстроить каменные здания для казенных управлений во всем башкирском войске. На все эти расходы ассигновано по 105 т.р. ежегодно из соединенного сбора. [На все эти меры пользы не оказалось только одна: отмена перевозов транспортов в степь, вследствие чего служба у башкир сократилась].

(3) ... возможность приобретать все нужное для войска на месте. С прекращением наряда башкир в транспортные команды служба у них сократилась - гр. Перовский нашел возможным уменьшить наряд пашмыю одной сотни знатных башкир в постоянный гарнизон Ак-Мечети и ежегодным сбором из башкир на летнее время одного конного полка из башкир, где башкиры обучались строевой службе. (Пала этот собирался до вступления генерала Бельки). Гр. Перовский восстановил наряд 150 башкир пеших и из бедных для кланения под Оренбургом в губернаторских лугах одна, которое шло для собственных нужд генерал-губернатора и по его назначению давалось от двух до трех стогов офицерам и чиновникам его управления, генералам штаба, офицерам регулярных войск в Оренбурге, как это существовало с прошлого столетия. Небольшая часть отдавалась и деньги расходовались как экстраординарные

суммы, но ясного отчета не было. При этом это существовало до последнего времени и по проекту Оренбургской контрольной палаты отменено - дуга поступала сначала в казну, потом продана в Оренбургское казачье войско и теперь образует довольно выгодную статью, что было уже во время генерал-губернатора Крыжановского. Затем прочие предложения насчет расходов к улучшению быта башкир остались без исполнения - построена была больница в дер. Ишангулово, имевшая значение пока существовал войсковой конский завод. Служащие там башкиры и конюхи - в летнее время свыше 150 человек - лечились в этой больнице, куда посылали хронических больных из деревень, пока существовало отдельное медресское правление. С упразднением последнего, больница была заброшена и, наконец, в 1890 году здание сгорело.

Кантонное управление было построено каменное для второго кантона в деревне Сантулово на реке Ик, но некогда ничем не было занято, и теперь вероятно, не существует. (Для школ также не было выработано проекта.) Для школ даже не был выработан проект образования, и управления ими. Школы потом были образованы в Оренбургском, Орском и других уездах для обучения башкир русскому языку, но с освобождением башкир от военной службы и поступлением в податное сословие, школы эти не пользовались сочувствием народа и помещиков и в них учеников делалось по распоряжению начальства. Башкиры не видели для себя пользы учиться по-русски и знать русский язык, который понимают настолько, насколько нужно в их быту при сношении с русскими в разных случаях их жизни.

Следующим замечательным эпизодом в жизни башкир - геройской в каждом представлявшемся случае жглой доказательством своей храбрости и боевой честности башкир. С возникновением в 1853 г. русско-турецкой войны, когда из Петербурга были потребованы по два полка казаков из Оренбургского и Уральского войск на предпринятые действия, Персидский президент послал пашу из башкир, выставив их издалека не уступившими Оренбургским казакам. Последовало Высочайшее повеление о сформировании четырех полков полков под начальством полковых командиров из штаб-офицеров, и сотенных из обер-офицеров регулярной кавалерии; последние были, сверх того, назначены

в полки по несколько человек, на места субальтерн-офицеров. Два полка, 1-й и 3-й, из башкир Оренбургского и Орского уездов, выступили из Оренбурга, когда войскам предстояло, и поступали в состав войск британского корабля, и одно сотне участвовали в битве английских десанта около Ревеля, незначительные стычки с неприятелем, и отальные сотни и весь 3-й полк прошли время в стоянках, нагде не были неприятеля. В декабре 1854 или в начале 1855 г. посланы были другие два полка, полки даны для Вронневи и Саритова, когда уже был заключен мир.

Составление этих полков, судянно с произволом на обморокованно по новой форме, стало очень дорого самим башкирам, что вышло известно по службе впоследствии на должности помечателя кантонов [говорили]: для сбора одного рядового отдавались до десяти человек; они обязаны были давать ему хорошую лошадь с [воин] конным прибором, оружием; были, сапоги и прочие вещи принадлежности. Многие с грустью говорили производивших с них поборок, не только в таком злоупотреблении, кроме делалось от местных начальников из башкир, которым было дано право делать назначения людей не по очереди, который у башкир не могло быть, как у отряженных службу **жребием**, [кстати] [ароматизирован] [и] в рабочие команды, [и] по непосредственному указанию кантонного начальства, обращаться с милостивым отношением. Судя, основатель - из это благодарно начальников, а другие несли тяжесть [военной службы] и все это по какой-то непонятной прихоти начальства. В военном отношении полки из башкир никакой [пользы] не приносили, а для народа это было очень тяжелой тяжестью. Сделано это было как все показывает, что башкиры такие же, как русские казаки, выходят из войны время на службу и возвращаются, т.е. вооруженные и на собственном конке. Если бы тогда узнали, как производится оформление полков, то несомненно думать бы, что башкиры, каждый отдельно (9) идти на службу без значительной помощи от общества [10] не в состоянии, и, следовательно, должен был постоянно переходить из военного сословия в гражданское, одинаковое с окружающим его русскими населением и ежегодно не освобождался от несения военной службы один или два кантона, и облагались денежным сбором. Лежавшие на войне обязанности выставить рабочие команды и для несения службы не умень-

шались в числе, а разлагались на остальных башкир, которых решено было оставить на прежнем положении, как казачье войско, последним в следствии такой меры приходилось тавалее нести возложенную на них повинность. Кроме того, назначенный после Балезинна полковником полковник Жуковский считал козиственный быт башкир неудовлетворительным и задумал реорганизационными мерами изменить жизнь башкир к лучшему. И для сего считал достаточным адия свои письменные предписания. Башкиры Оренбургского, Орского и Верненурского [уездов] вели кочевой образ жизни, хлеба не сажали и средства на содержание в скотоводстве, несомненно распределенном в народе, и бедных было больше. Вели вообще жизнь праздную, ленивую, жила летом на коньках в кибитках, а в лесных местах в шалашах, так более удобных для жилья почти при постоянных дождях. Распланированных деревень у них не было, дом стоял около дома без двора и просекал башкирскую деревню очень трудно - улич не существовало. Жуковский находил возможным в скором времени все изменить к лучшему. Он требовал прекращения кочевья, но так как это прямо приказать нельзя, выход на нее по исполнению известных работ, для чего обязательно было для башкир сажать хлеба и приготовление сена для скота на зимнее время, так как при падеже последнего или содержании на подножном корму в зимнее время наносила большой ущерб. Требовалось перестроить деревни по плану с образованным улиц и переулков. Письменные распоряжения не оставались на бумаге, исполнителем на месте был чиновник особых поручений Жуковского войсковой старшина И. Ив. Филатов. Зная хорошо язык башкир, сам объяснял им распоряжения начальства и сам тут же требовал исполнения всего на деле, строго наказывая виновных в опущении. Строгость Филатова опасалась повсюду, набегнуть виновному наказать было невозможно. Филатов подъезжал к деревне верхом, или на простой тележке, в кожаном одет, как говорили мне, ватин мунды, т.е. священники, чтобы внезапно застать народ и видеть, чем занимается народ. По приезде ходил по дворам и горе тому козину, который держал сено небрежно и женский пол сидел празднично и не ткая холста или сукна для одежды. Скорая распара производилась тут же и мало уважалась лично-

перенес на Оренбургские войска. По его представлению отсечение некоторых помещности по Оренбургскому казенному войску от Оренбурга до Западной Сибири Высочайше повелено было отвести на войсковой капитал и из этого же капитала одновременно возно 100 т. р. зер. на устройство новой Сырдарьинской линии, содержание которой весьма дорого принимал на свой счет.

Между начальствовавшими в войска людьми оказался один, поминали в войсках Перовского об активизации казенных лесов, это был поручик штаб-офицер 2-го округа полковник Харнокий, настаивавший много о возможности получить большой доход в войсковой капитал от охоты на войсковых лесах от зановоного, бурового и пихтового леса, так как бору иногда подвергались лесным пожарам. По повелению Перовского в это распоряжение был отдан войсковой Самарский бор и назначена рабочая команда из казаков с обязательным трудом и без всякого за оный вознаграждения. Охотки боров представлялись неслыханным, казенно работали даром, и был отыт сплав леса водно до города Орска, но дождь, полученный от опарации, был не велик, и дачи можно было легко собрать с казаков, оставшихся в дачах при обычном занятии, но что они совсем бы согласились, чем работать в борах.

Впоследствии генерал-губернатор Каленин, увидевшись на месте в действительности и близытности этого дела, прервал народом казавое для охотки лесов.

Сам Харнокий, несколько вытупавшийся в этих эфемерах, оставил место и в своем собственном положении просил выдачи ему в долг из войскового капитала. Войсковое правление само не решилось само удовлетворить просьбу Харнокое и представлено об этом генерал-губернатору и графу Перовскому для рассмотрения за своей ответственности, а по смерти его брат граф Лев Александрович Перовский внес дачи в войска.

Харнокий всегда умел выставить взоры на себя дело выгодным и Перовский верил ему во всем, а в Троицке, месте пребывания своего, Харнокий построил себе из привозимого туда казенного леса каменный дом трудом казаков, высланные по его приказанию из станиц, а потом донос войсковому начальству и лично доставлявал Перовскому, что он строит дом по особой системе с целью приучить казаков строить свои дома по той же системе, для показывая им эту постройку. На самом же деле различие постройки заключалось в том, что в казенном каменном доме и простые крестьянские избы строились срубом и бревна

кладутся нашивки, а на системах Харнику отдают одна около другого вертикально, укреплённые в положении в основном голозом броне, танкетки **связываются** или **сдвигаются** тонкими перекладками и потом заворачиваются настичной ленточка. Способ этот не нашёл применения и система забыт казакским, но выдвигался в нём нечего хорошего.

Вместе с очисткой боевой гр.Парикский предложил войсковому начальству, не сходя с учётом в войска мотобой шикотки для **размещения** земель, **назначенной** надвигать степи по част, **увеличить** население 30-десятинной прохоридой, **поставить** землю в войско, **образовав** из неё **обручные** степи и **отдавать** последние с торгов. Для исполнения сей меры потребовалось усилить **мелкие** средства **добавлением** землемерными, на что потребовалось **значительный** расход и продолжительное время. Истощение земли была разделена на участки, которые отдавались с торгов под пастбу и **теневосение** от 1 до 3(2) к. на десятину. Доход был незначитель, а казаны **предварительно** **предвидеть** земель, на которых у них в Челябинском уезде, где **большая** масса земли, **сдаваемого** **аромским** **заведением** **земли** (хутора), **уменьшалось** и **сотовародство** у казаны и **перешло** к **парговым** – татарам г. Троицка, **снимавшим** за **большую** **пейсовую** **земли** и **державшим** там **табаны** **лошадий** и **рогатого** **скота**, **приобретавшими** **много** на **товары** у **каргид**.

Оренбургское войско со времени своего основания и по положению 1840 к **составляло** из себя **коницу**. Оно **обязано** **было** (12) и **случай** **надобности** **выставить** 10 конных полков 6-ти **составного** **полка**, а в **каждом** **полку** с **офицерами**, **услужившим**, **приказанным** и **настроенным** **членами** до 500 человек, и 3 **кавалерийской** **батареи** 8-ми **среднего** **полка**, **последние** и **дрюйном** **команде** **младших** **членов**. **Англо-турецкая** **война** (13) **показала** особую **потому** от **кавалерий** **полка**, **составляющей** и **Черноморской** **войске** и **известной** под **названием** **кавалерийско-кавалерий** **войск**, **отличных** **стрелков**.

Гр.Перовский принял полезным довести **полки** **Батальоны** в Оренбургском **кавалерий** **войске**, **таких** **батальонов** **высочайше** **назначено** **было** **сформировать** 6. Батальонными и **сотенные** **командеры** **были** **назначены** из Оренбургских **кавалерий** **батальонов**, а **прочие** **офицеры** из **кавалерий** **членов**. Казаны **были** **объявлены** по **особой** **форме**, **отличавшейся** от **формы** **кавалерий** **кавалерий**. Два батальона **были** на **постоянной** **службе** в г. Оренбурге и Троицке; они **всегда** **были** **обучены** **строе** и **иной** **пехот-**

ные призывавшие строем и они направлены на пороки армии линейных батальонов, выведенных из шин (14) городов в Туркестанский край. Один батальон стоял некоторое время в Ташкенте, но потом, совершив ступидно вероюте походе, что при обычной у казачьих службе не совсем 2-х лет пытка и чужих и возмездием старые казаки заставляла для казны лишней расход. Стоявшие в Оренбурге пешеход казаки были на службе в одно только летний время, а на зиму распускали в свои дома. От экономии в подвоях казачьих образовались свободный капитал, на который [были] построены казармы, занимаемые ныне льготой батальон Оренбургского войска, а в уездных гвард. Кавказской казачьих эти батальоны были упразднены [за беспорядочностью]. Вопрос почему они образовывались, каковы по несколько раз обременялись на свой счет к своему обременению, когда в самом начале было видно, что призываемым казачьим нет службы ни в Оренбурге, ни в Ташкенте. Все это говорит, что многие предположения графа Перовского без предварительного строгого обсуждения, насколько они исполнимы и какую пользу принесут при своем осуществлении.

Из всех реформ первого и второго управления краем графа Перовского для казачьих можно считать удавшимся и полезным (сподручным). 1) Переселение казачьих на внутренние станции на линию, где Оренбургское войска составило одну территорию, что сблизило их с своими естественными врагами киргизами: казачьим узнали все качества последних, а они в свою очередь увидели, что им нечего думать с какою-либо надеждою на линию, о селении там русских и в тайне жаловались (15) высочайшему азиатского русского населения за Волгу, ступидно оно пришло, как короче это поменяли казачьих и башкиры, а равно алтайцев Хивы и Букары, ментавшие, быть может, с расширением своего влияния до Казани. В последнем дне, конечно, ошибаться, заведя в походе 70 гг. войну, кончившуюся для них потерей самостоятельности и подчинением русскому царю. Мысль о переселении Оренбургских казаков в одно место на линии не вполне принадлежала графу Перовскому: она высказана была еще предшественником, графом Сухомиром, но Перовскому должно быть приписано более широкое развитие и начальный приведение в исполнение. 2) Граф Перовский, по примеру войска Динского, полагал начать войскавого военного капитала, учреждением торгового общества в Оренбургском войска. Не желавший служить казачьим освобождаться от службы и платил за это

в течение 30 лет на 200 р. (56 р. год); общия сумма в первое время с 500 человек [простиралась] до 100 ч. р., а в последнее время с 750 и получила benefit в военный капитал и тем не оставались долги, отпущившиеся на дворянские и дворянским и провинциальным линейным батальонам, образованные в казны. Из военного капитала почти не происходились никакие расходы, потому что назначение его - содержание в летнее время владения страны на линии владениями, каковы на значительных из станиц более 100 вост и дворянствами из своих домов. Капитал этот, составлявшийся почти из войсковых источников, вырос до значительной суммы и послужил пособием казне по содержанию пенитенциарного тракта и на первоначальные расходы по Сырдарьинской линии, а в последние время (образованный с общими войсковым капиталом, по недостатку последнего, удовлетворял другим потребностям войско).

Графу Пирожскому было благодарно за исходотайствование в первое учреждение 150 тыс. руб. с. (42500 р. год) отпущка из казны на благотворительные капиталы, назначаемые на иждивение войны, поступившие в казну Оренбургской войско, как указывают указывались таковыми же средства, пользоваться правом на некоторые из недр его земли, не в 20-е гг. и в то же время начала развития золотопромышленности на Урале - Перовский не решился удовлетворять с признанием за войска всего права в полном его объеме и ограничился некоторой частью участка.

В настоящее время золота добываются на казенных землях до 100 ч. в год (1895, Справочная книга Оренбургской губернии 1897 г.) 1/10 часть, которую платит владельцам земли частным лицам, составляет 18 пуд. или считая по денежному по настоящему курсу 20 т. руб. за пуд - 360 т. руб., на которых около одной десятой части казна уделяет войску. В 1835 г., когда состоялось Высочайшее повеление о отыскании недр земли с благотворительными капиталом казенным, Правительство пожелало само отыскивать и разрабатывать золотосодержащие площади, приняв в обязательные для себя казенные владельцы не платить благодарности за некий золота и даже останавливались в таком положении долгое время. Первым правительственным делом Оренбургского войско корпусной Колбас, просивший дать ему на это разрешение, но так как законы воспрещают местным чиновникам распоряжаться (18) золотопромышленности, то Колбасу не можно было дать просимый разрешение, но во внимание к тому, что он начинает новое дело, по позволению Комитета Министров высочай-

ный, утверждению ему в виде исключенной долиной золото-промышленность на казенных землях и установлены общие правила для всех – Казань удачно вел дело с небольшими предостками и оставил после смерти капитал до 70 тыс. руб. Явочески и другие промышленники, из них известный купец Баканов, по-настоящему считались аристократами... (17) и продавший свои приемы французской компании за 3-1/2 млн. руб. или 12 млн. франков. Есть и другие лица, нажившие себе состояние от занятии золотопромышленностью на казенных землях, в том золото находят не в песках, но в глыбах или суглинках, которые более часто встречаются в Камарской системе, где находится прииск Подвинкина. А вот сомнения, что в будущем найдутся еще лучшие прииски, но едва ли все-таки что-нибудь получит от новых открытий, площадь плавидет от стачкиных дел, а плата промышленникам за землю, распахиваемую по ничтожной цене 1 р. 20 к. с. вер. за дес.

В 1853 г. Оренбург посетили знаменитые гости – жонглеры. Герцогский был в посольстве под Ал-Менчель. Люди умудренные, но далеко не было того, что в 1848 г., и с этого времени оренбургским митрополитом дозволения приносить в город из села Табынское (прежде станица, из которой казаки были высланы на пенсию) пудовую Казанскую икону Божьей Матери, «из мраморной цу и заступнику всех православных христиан от всякого бляд и нечестий. Образ иконы представляется до настоящего времени и в приносе икон, что бывает 7-го сентября, (день праздника рождения Св. Богородицы) в Оренбург собирается масса людей из близлежащих сел, станиц и даже селений Бузулукского уезда. Икона остается в Оренбурге до 22 октября, а именно date она выносится на особо оставленном миздркуту. В первые годы икона выносилась ранее 22 октября по малому числу в городе церквей и небольшому числу жителей, убожеским принимали святыню в свои дома для молебнов, но впоследствии район, куда приносятся иконы, достигал 100 до с. Уральск, тогда (иногда) несется в Табынск.

Владимир разнесения Св. Иконы в Оренбург спешными два чуда, истинные по здесь. Одна икона, спешит на один став и прямо выносятся на другой, но особого усердия и веры вышло с народом встретить Владимиру и при вносе в бытность Св. Иконы в ворота увидели Св. Икону, а потом зрелись образ даа-согоси-иенна возмаловерность, так что она видела все - дома, людей и вообще плечи домов.

Другие люди были пригнаны и молебны в доме казака – раскольника (в казенном форштадте). Как [только] установлен Св. Иисус, стоявшие сзади ни в какие раскольниковские законы не падали без всякой причины.

Случаи эти, по надлежащим обследованиям, записаны в церковных книгах, по надлежащем обследовании действительности происшедших чудес. Нет сомнения, были и другие случаи, но по скромности люди не оглашают их, а укрепляют верующих. Такие чудеса в большой вере и преданности к Богу.

Графу Пертскому Оренбург обязан началом устройства водопровода, который поначалу было выдано 30 п., а первое [лето] управление [краем]. Был выписан сюда инженер-инженер, второстепенный чин инженером [были] два казенных малярика из форштадта, обучившиеся в С.-Петербурге. Водопровод был пущен (18) по надлежащему расстоянию, деньги расходовались Пертскими из казенных сумм, в эту распоряжении хозяйственных сумм, денег отпускались даже из казенных запасов. С назначением генерала Обручева водопровод стал приходить в упадок. Механик, получивший вышнее жалование, был уволен, два казенных не могли вести (20) в должной исправности водопровод, который много требовал дров для своего действия и лопаты был заброшен. По второму указанию [краем] граф Пертский возобновил водопровод и устроен был фонтан, выходящий воду вверх для орошения воздуха в зимние лютые дни. Водой из бассейна пользовались дрова все горожане. В зимние оставался водопровод, при генерал-губернаторе Катенине, а заменивший его генерал Безак разорвал эту воду была проведена в казенный форштадт, за что станция заплатила 7 т. руб., устроены были каменные будки в разных местах [города]. Все израсходованные [на это] деньги Безак впоследствии израсходовал из пертских сумм, а город обложил жителей небольшой платой за пользование водой из бассейна. В настоящее [срок] виде, когда водопроводные трубы уложены почти по всем улицам в городе и даже по некоторым в слободах и вода привведена во многие дома – в конце 80 п. [законченности устройства долины] при городском голове Степане Ивановиче Назарове.

Тогда граф Пертский изложил основанное устройству городского сада в городе. Первый сад заведен в Карово-Серге, [разведенный] обильнейшей работой башир, посаженный для

шего еще на службу. Начато садовое (показано) в 1852 г. Деревья привозились из ближайших башкирских дач, но не более 100 верст в западную (27) из Стерлитамакского уезда, как ближайшего, где растет такого рода лес. Посадка производилась под наблюдением опытного садовника Лобидова, крепостного человека, освобождения которого не воле помещик еще 1850 г. отпущенный ему заманчиво на год на башкирском суем,

Деревья привозились медленно, много не засыпало (22), из заботились только посадками сажали деревьями. Притом была недостаточная вода, которую привозили в бочках из Архангельского округа, версты за 1,5 от сада то же башкиры, они и поливали сад, а также садили пеньки, на которых заведен сад, заведенный глубоко мусором, оставшимся после постройки Кларин-Сараи. И притом неблагоприятных условиях сад находился в сырном виде, заведены (23) были хмурые с цветами. Воды в него был доставлен только чистой публикой и на все нужды воды стояли карульные на башкир, но с постепенным расширением [сада] почва сделанась неудобной, особенно когда наряд башкир был отменен, а на содержание сада назначены известные суммы на сады. В 1870 г. город заключился отпущать (24) воду даром из водопровода, от которого и сад были проложены трубы и почва сделанась удобнейшей, сад разросся и пришел в хороший вид (25). Притом в нем был побитый для публики, а вода доставлена построить там скотный двор и продажей скотины казачков, вывоза публики всех возможных видов. (и продать безобразия). Музыка принималась содержанием аккала, в котором расцвели попойки на всю ночь. Тогда три насад сад отдал был одному антрепренеру за плату, он вынул пеньки, арфенок и образовал кафе-шантан, вход за плату - и выжились здесь всевозможные безобразия и гуляния Оренбургского саираса. С 1879 г. сад закрыт для всех и быть может служит прогулкою для одного губернатора, взявшего себе прежде добрую часть сада - одну часть с южной стороны, окруженную стеною, сад заведен цветниками и устроена приличная здание губернаторского сада, в которой в летние и душевные ночи он спит; другая - в западной стороне сада, где устроена оранжерея, небольшой огород - растения для приправы кушаньям и посажены яблочки и плодовые деревья, но сколько последние приносят плодов верного не слышал.

В числе садов, несомненно, липовых, но для тогдашнего

Орнбурга несомненно, можно сказать о двух мукомольных мельницах, построенных (26) пораспороченным графом Перовским в 1818. Одна была на левой стороне Банков о порога, в Пашаней (мелк. в том месте, где полток, а тогда еще остро, впадающей реки Урала. (27) Здание построено было из кирпича, профинансировано для действия паром и предполагалось для размолта пшеницы на крупчатку, а при надобности и для простого размолта на обыкновенную муку, чтобы жители не ездили на дальние мельницы, далеко находившиеся от города. Деньги [на постройку] тратались из личных сумм, казенны и казенно приготовлялись башкирами, деньги отпускались из казенного заготовления. Мельница на колеса в вод. Под крупчатку нужно было иметь постоянное запасы зерна, а для муки верный сбыт. [ибо] один город был недостаточен по слабому производству крупчатой муки (28); тогда довольно дорогой заменительно с обыкновенной пшеничной мукой. Размол пшеницы на последнюю требовал изыскан в раз. значительного количества зерна, а на мельницы обыкновенно шло каждый казенн по мере надобности.

Граф Федор Горюнов, из желания угодить Перовскому, брал мельницу в аренду за пятицентовую плату, чтобы устроить заведение и тем помочь городу это полезное дело, но держал не более года. Мельница была для размолта различным количеством вод. [и] Урал, или прямо просто разобрана. Горюнов арендовал простую кожанку мельницу у помещика Коменко, переделал [ее] под крупчатку и имел хороший доход, плата владельцу 4000 р. в. (31 15 р. сер.).

Другая мельница, была построена против устья реки Зымы, для истребления, где ныне войсковой казенный архив, на продовольственный казенный капитал, была дарованная и должна была действовать координной силой. В первом управлении Перовского мельница эта несколько работала, но не могла требоваться и не имела расхода. В управлении генерала Обручева она была приостановлена. Здание оставалось пустым и не занималось ничем, либо восторжничала на распоряжении войскового начальства. Со вступлением вторично в управление графа Перовского эта мельница была в действие, казенн мастер, крестьянин Никотородской губернии, занимавший возможность пустить мельницу в действие. (39) Отпущены [были] деньги на исправление механизма, переделана плата владельцу 350 р. сер. [в год], куплена пшеница на размол и мельница заработала, и

обладкивающей зоркий довод, но вместо обещанной чистой прибыли в год, мельница не выработала половины, вышли другие расчеты и вместо дохода мельница принесла убыток, который еще увеличился от недобросовестности плука. Мельник бжегал открыто, с мельницы появились вощи и вощи были мелкого злоупотребления, и мельница была прощана.

Граф Перовский был замечательного ума человек, многосторонне образованный и знал [многие] иностранные языки, и будучи в полной возмужалости, когда находился в 1842 г. в отпуску в Италии, выучился там итальянскому, как администратор он был много лучше всех главных начальников Оренбургского края. С ним можно сравнить [только] графа Оршанина, в короткое время управления заметивший те необходимые к его благоустройству, которые потом были приведены в исполнение преданностями гр. Перовским. Что задумал сам Перовский, то непременно осуществлялось, хотя не всегда удачно и последующие событиями иногда изменялось. Перовский по уму никто не считал равным себе в окружающей его среде; он позволял высказывать ему мнения, но если последние не совпадали с его взглядами или взгляды не умели обосновать возражением логичным и умным, то в таких случаях приходилось слышать название «дурак», а иногда еще хуже. [он] редко высказывал свои замечания даже на распространительные действия.

Генерал-лейтенант Балашин (20), исполнявший должность генерал-губернатора во время похода Перовского под Ак-Мечеть, получил подписание военного министра о приращении в Оренбургском крае войскам войскам общественной заявки с твердым выражением государем Николаем Павловичем волею в написанной им общественно-указной резолюции - [Балашин] спросил копию с бумаги гр. Перовскому в Ак-Мечеть, откуда приращение, как поступить в дальнейшем направлении дела; но после долгих [обратных] приращений курьеров с бумагами не было удовлетворительных ответа на дело общественной заявки (21) Балашин, опасаясь личной ответственности за заключение Высочайшим повелением, предложил войскаму правлению подложить подделку. Оно было опубликовано войскам общественной заявки с печатью войскаго.

По возвращении Перовского в Оренбург при разговоре Балашинем последний [Балашин] напомнил ему, что не прислал ему ответа на доклад об общественной заявке.

— Перовский сказал ему: «Для чего тебе (благородному Перовскому) всегда говорил ты) было нужно знать, что в кону сделаны?»
— Благородный ответил, что опасаясь ответственности за неисполнение Высочайшего повеления, он предложил опубликовать переписку войскам.

Перовский прямо сказал: «Дурак, ебена мать. Кто тебе продаст?»

Разговор был при многих свидетелях, и от них и слышал ответ. (32)

Вскоре по распоряжению из приказа, Перовский поехал в Оренбург и там лично подал Гельдгарду Николаю Павловичу письменный доклад, в котором в него, что если общественная жалоба будет удовлетворена, то он не может возвратиться в Оренбург; иначе скажут: «За что ж ты перел нас гонимым, штурманским, штаб-офицером солдаты, а других сослал в Сибирь, если сам Гельдгард говорит другое?» Почему (33) последовало новое Высочайшее повеление предать записку на хранение осмотру. А с другой стороны, это показывает, какую силу имел гр. Перовский у таких государей, как Николай Павлович, не терпевший выражений против его повелений и требовавший безусловного исполнения его воли.

При всех своих вспышках и большом уме граф Перовский был горд, самолюбив и при малейшей оплодотворенности держал на себя. Как показывают приведенные мною два отчета его генералам Гельдду, командующему Оренбургским войском и Валуеву, командующему Башкирским войском, это было не единственным случаем. С историческими начальниками отдельных частей он никогда не говорил, знал только старших, а тех порицал, чтобы они слушали доклады от подчиненных или лица ему передавали, когда найдут нужным.

Во время служения себе в казначействе генерал-губернаторы начальником отправления иррегулярных войск не а, ни другие двенадцать отдалений не было у Перовского по службе только большие были давали право по приглашению явиться в его парадные комнаты и там, в числе других, отстояться его свиты. Только один только начальник гражданского отделения Перовский-то сумел выпросить себе позволение быть на всенорме по званью Перовского, куда допускались «избранные», но и тут (Перовский) не сказал ни одного слова Лополу. С прибытием в Оренбург назначенного в президиум Перовскому генерал-адъютанта Катенина, последний жалуя, что

бы вышедшей к нему командир 5-го Оренбургского казачьего полка Измаильский выслушал доклад последнего – Перовский сказал, что он никогда не имел личных служебных объяснений с начальниками частей, а прямо обращался к старшему, но если Алек. Анд. Катенин жалеет, то он позволяет наняться Измаильскому, и дела занималось разговором.

Сколько горд и недоступен был граф Перовский к подчиненным, на столько он был доверчив и расположен, когда скоро выбрал и назначил подполковника лица на должность. В этом была причина неудач в некоторых крупных делах, особенно в зимней экспедиции 1839 г. Составив план похода и действий, Перовский хозяйственную его часть [поручил] исполнить командующему Башкирскими войсками генерал-майору Цимбаровскому, ему поручено было приготовить теплую одежду и обувь для регулярных войск пехоты и кавалерии (одни двиздан регулярного 1-го Оренбургского казачьего полка). Жребий пал на Цимбаровского, потому что он уже был в Бухаре в отряде полковника (впоследствии генерал-фельдмаршала) Ворга, знает особенности степи и был вполне уверен, что все сделают, как следует: одежда, обувь и снаряжением (зимние войлочные кибитки для войск). Но сматрив на урок, данный [этот] зимней экспедицией, паркету Перовского повторился и в походе 1853 г. под Ал-Менеть: так и тут подполковник на подмываемых, и по выдвиг крепости привел в Оренбург (24) начальнику инженерных генералу Болдину, что построенные им понтонные (лодки) по прибытии оказались неподходящими (25), что и напрасно и бесполезно возит такую дрянь на 1500 верст.

Приготовлению посуды для воды и других жидкостей всегда было большим местом для ошибок, помыслив и степи. Вывели для воды и бочата для других жидкостей [посуда, и т(ому) под(обные) вещества (26)] делались в Оренбурге из дубового недостаточного одного раза, в степи от жары [они] рассыпались, вода в них не держалась, а жидкости испарялись, и всегда было нужно употребить последние, а посуда ничего не оказывалась.

Странный способ предупреждения таежн пирни избрал полковник Кузьминский, посланный в следующем 1854 г. в степь с езданым предкам для усмирения кербиз, убийство султана - Исб-Ысакта. Ему поручены были из Оренбурга, уже по выступлении

отряд, с небольшой командой мичманов, а там-то и в бочках уксус. Посуда была новая, способная выдержать (37) и себя и уксус, а с другой стороны были склянки воды, склянки все способные сожечь и испариться. Для меньшей потери жидкости следовало посуду, в которую они влили, перевернуть прочно вверх ногами, и как можно чаще поливать на оставшиеся корки, этого не было сделано и [вследствие чего] в отряд Курмынского доставили пустые бочки со сплавками с них железными обручами. Показание вестико наводил плотный дух [Оренбургский] казачий урядник. Патрик и Гренков, под начальством которых была конвойная команда, и потом на казней оставших отрядах это показание, как будто они могли, не имея при себе ничего, сохранить жидкости или другими словами приостановить естественное действие солища. Дух отрядов и эти бочки. Гренов был сын офицера и ему советовали сказать начальству о телесном его наказании, от которого он по закону был избавлен; он сказал - страданий и боли от наказаний не убавить от себя, а от формального дела ничего не получиться: посиди с волком-тегальса, а у последней кроме хвоста ничего не осталось. Этот же штаб-офицер показал, насколько неграмотны регулярные казачества в наших степях.

Наш отряд начал марш и последние показывали готовность вступить в бой. Между врагами лежал достаточно большой овраг. Наше просились перейти его и ударить на врага. Курмынский не позволил на том основании, что в овраге могла быть скрыта засада, а удар с боку по флангу губителен для кавалерии. Такого тонкой военной тактики киргизы не знали и, пройдя несколько времени, ушли в степь. Курмынский вышел в степь густою шапкой дыша - [когда он] послал с доносчиком о деле 10 человек киргизов, зная, что он со всех сторон окружен массой киргизов и пробиться через них маленькому отряду невозможно. Послал 10 человек, он мог видеть, что посылает их на верную смерть и притом бесполезную для отряда. Так и случилось. Киргизы не трогали маленький отряд, для ему время удалиться от плавных сил, которые могли бы оказать помощь, а с другой стороны ждать нельзя и передать о своем положении об 500 верст невыносимо.

Окружая [затем] горсть киргизов, киргизы начали нападение. Казачки не могли далеко отходить своей жизни, добравшись до оврага и около него сделали некоторую задержку, отстранившись от вра-

свинья водой. Киргузы тоже переменили тактику: начали нападать по несколько человек, но ничего сделать не могли, пока у казаков были патроны, покуда не израсходовались и киргузы, массой напали на казаков, бросил тела в воду, а (38) одного израненного казака, [каждого] взяли в плен живым и привели в аул, где желали усмирительно казнить его разланным... (39).

Но для спасения казаков вышел благоприятный случай. Киргузы целым другом направлялись в соседний для празднества, звали казаков и вступили и сказали ему, что завтра он простится с жизнью. Казак же думал, чтобы избавиться от смерти. Попадая у киргиз в аул было много. Казаки получили шанс, но есть было наряды свои израненные. Показавшись на коне, то боком, то на броне, дорвался до гривы, едва полмаленького по тому направлению, где должен был находиться русский отряд, дорогой обил в ног железа (40) и наконец Бог помог выйти в степи последний. (41).

От казаков отобрали показанные, как было дано, и представили графу Перовскому.

В Оренбурге и отяжелом поступке казаков не нашли ни подвига, ничего особенного. Только Перовский от себя послал военному министру копию с показания казака. В министерстве рассмотрели иные и доложили государю, Его Величеству Николаю Павловичу, который приказал казаку за его подвиг дать Георгиевский крест, 50 руб., чин урядника и увольнить в отставку с пенсией.

Как администратор, Перовский был замечательным лицом. В первые управления [краем] он быстро усвоил все, что в Оренбургском крае по поводу [введения] общественной жизни, у башибузов - отрывкой непонимания строить общественные заводы, магазины, в которых киргиз, по подстрекательству фанатиков мучил, видящих будущим широким и намеренно хотел обратить их в христианство, верить чему они могли и потому, что на выданные им планки и фасады этих магазинов изображен был человек в полосатой шляпе, тогдашняя форма покровного убора у крестьян внутренних губерний. В это время, когда для усмирения было выслано на Волгу и с Дона пять казачьих полков, казается предполагалось послать дивизию пехоты, Перовский (в этом случае) показал, что ему не надобно для усмирения [восточных] прибегать к военной силе, достаточно ему было с небольшими прикрытием выйти в долины заповоросских, гонимых на восток выжженных, а на пути фанатиков.

таков на лощинах древности одна толпа; их прогнать савой-строй, и штыкуны прирвали недовольство: народ при-шел в полной повиновении. По усмирении восстания в Оренбургской губернии по Высочайшему повелению в 1837 с Перов-скому поручено было усмирить волнения в соседних уездах Пермской губернии, где тоже их направил быстро был восстанав-лен порядок.

Перовский с первого взгляда видел причину зла и ударил не уничтожение его, не давая ему распространиться и дать до та-ких мест, где бы оно распространилось во всю ночь, имея в томю некоторой повод, или причину для народного недовольства. Положение запасных магазинов безусловно издано для всех губерний: меру эту во внутренних уездах, где жили башкиры, севшие хлеб, муку перетолковывали как опас-ную из религии; но были и благоразмыслившие, правильно по-нимавшие дело, но голос их не был слышан в народе при противодействии мурз; и восстановились, когда последние из страха наказания замолкли; но в Башкирии были мест-ности, где народ вел кочевую жизнь и хлеб не свел; для них было отягощением построить магазины и засылать их хле-бом, которого у них не было; значит, нужно было покупать его, как для ежегодного взноса, так и для освобождения. В этом случае Перовский собственной властью приостанов-вал постройку магазинов и засылку хлеба; впоследствии учрежден для них денежный сбор. Башкирский народ ви-дел, что одна довольно большая часть их и сильнейшая оста-ется спокойной и послала из среды себя команды для усмирения непокорных, перешел к повиновению.

В первом умиротворении Перовского было брожение и сырое недовольство и между Уральскими казаками. Они роптали за перемену и их управление называли в отаманы не хроническо уральца, а бритсура или с точным русом, так они называли всех, бражиды бороды, и за некоторым количеством, воссозданы в их войске, чины православного строя по древнему обряду и ведущая жизнь во всем по христианству. Более осторожные и рассудительные уральцы не доверились открыться восстанию и искали благоразумного случая вернуть все по-старому, повери-тели и друзья. Случай представился приездом в 1837 г. Алек-сандра Николаевича, бывшего полка наследника. Составлено прошение, подать которое нашлись тамбовчане, кроме одного в войско, на дороге до мысада в Уральск. Сказано и сделано - за-

сербские конные казаки выскочили и понеслись во всю прыть к ополченцу Царевичу. Как конца он, как пистолет, никак было испугаться, но, угадав, в чем дело, уполз обратно. Перескокий, сопровождавший Наследника, тут же распорядился арестовать фронтальной и, прыжком в Уральское, устал руковожденный делом, то были известные богачи-староверы, подполковник и майорский старшина Назаров; которых сейчас же выслали в Оренбург и потом отправили на службу в Рязань, откуда они чрез долгое время вернулись на родину. Многие чины подвергнуты телесному наказанию и сосланы - более тяжкие в Сибирь, а другие высланы из страны Оренбургского войска одиночками. В Уральске для поддержания возмущенных правды из Оренбурга в 1-й Оренбургский казачий полк, бывший здесь при астроне Наследника, конные казаки батареи и линейный батальон, старшины этих войск провозводились из войсковых сумм - кроме того, из войска тогда же полком был полк в Финляндию, в следующем году - другой полк на Кавказ, и в 1839 г. тоже в Хивинскую экспедицию, и этим все войсковые препратились. Названые состав... (42) ... сбор казаков в три полка на счет богатых, т.е. служба в войске не оческивая, в казенной, т.е. желающий остаться дома платит израсходу на службу известную сумму, которая в то время значительно возвышалась - в годовой платили по 4 с.р. одному человеку, но потому что служба трудна, а потому что нужно брать барышу.

(43) ... два года управлением, но да отпадком его было было брошено. Генерал Обручев (был) березовский, но изданный для него много против не подотрикод. Последний бездействовал и в последующие управления графа Перескокого изданным публично людям для освобождения воздуха; перестроен и пущен в море при генерале Бовале. Полковником Савинным тогда проводили по многим уездам, принужденно в Новую слободу, удаленную от р. Урала - и в последующие годы не раз чинился, т.е. издавались - трубы дровянные пили, а погнанным от мороза показались: казенные, заменены чужеными. Когда водопровод был перебран парадом и при градском голове Назарове перестроен заново на городской капитал, действительно исправно. Но однако ж, не достигли цели его назначения иметь достаточно воды на случай пожара и уменьшать пожарные бочны - последние даже увеличены и воды во время пожаров было не достаточно.

На учебном деле генерал-адъютант Перескокий в оба себя управлению много обращал внимание. Были на Неплюевской военной училище в декабре 1840 г. получено преобразование, которое

поднее составило перемещение его к кадетским корпусам, т. е. даны новые права воспитанникам – выходить по окончании курса на службу офицерами и гражданами чинами чинами, но число воспитанников оставлено прежним – 80 человек. Из них половина пансионеров и столько же полупансионеров, т. е. столько за один обед и учения, и ввела при родителях, а этого числа учащихся было крайне недостаточно, потому что кроме главного в Уфе, других учений не было. В Уральске для того чтобы казавшееся существовавшее училище было по типу и программе учения – было решено училище с штатным воспитателем (при) 3-х учителей. Предполагалось дать ему тот же вид, что Неплюевскому училищу, т. е. сделать кадетским корпусом и в этих видах оно было подчинено главному начальнику военных учебных заведений, где оно состояло до 50-х гг., когда окончательно передано в ведомство генерал-губернатора, или не подпадающее по своей цели и типу военным учебным заведениям. Для Оренбургского войска в [18]35 г. было предложено учить земледелие и лесоводство – но это были училища по казашкам. Оно не предназначено ни одного агронома и лесовода – предполагалось по плану, постоянного преподавателя не имелось, предполагалось разновременно директору Неплюевского училища, потом орбурдскому коменданту генералу Лерингу, за смертью его казанскому коменданту Зайченко (политическому) и, наконец, казанскому коменданту Гребенщикову, при котором в управлении Обрунова в 1847 или [18]48 г. было закрыто. Вот все учебные заведения в управлении генерала Перовского.

Граф Перовский в оба управления Орбурдскими войсками и войсками, в нем расположенными, был жесток в определении наказаний военным за преступные их действия. Конечно не было таких плетей наказания, каким закон карает военных, в былые времена забиваемых плетями или шпалдунгами.

Я еще сказал, что при губернаторе Булыгине было по суду определено наказывать при нападении войск 12 раз чинами чинами казачьего солдата Булыгина одружился казачьим за приближение к казанским казачьим, казанской простой драгой и кончившейся разграблением их собрание. С первой четверти 19 столетия казачья на нападении сильно изменились, определение суда и наказания в несколько тысяч ударов плетями или шпалдунгами от 5 до 12 т. осталось в предании, человечество изменилось и не могла выносить таких казней, но плетями и шпалдунгами от 1 т. до 2 т. плетями

еще долго продолжалась, последняя мера установилась для убийств, но порека нередко была назначена за обычные преступления.

Перовский в перемысловском управлении интересовался, чтобы казем и башенки за все виды преступлений, совершенные чинами службы, судились военным судом и то же самое правило. Отсюда вытекает, что казем за тайный проезд соли из степных степей за период за Амуром считался преступлением, башенки за заповестей, многократных, излучение и даже погрому несправедливой жалобы составлялись судом - военный суд, главным образом существовал в комиссии военного суда, учрежденный при Оренбургском Орденансгаузе для башен и такой же комиссии при Оренбургском епископе.

Я слышал, [что] почти каждый день с ранней весны и до глубокой осени солдаты линейных батальонов, выходящие на учение на форштеттскую площадь или на такую же от Вильны до Черноморенских ворот выстраивались в две шеренги и каждый в свои часы, утром и вечером это было обычным делом и ничего не смущало. По окончании назидания пали боссаменты, солдаты отправлялись в госпиталь для лечения, а солдаты начинали свои обычные учения. Были случаи, выдававшиеся своей жестокостью.

В 1835 г. наш офицер отпустил, излучившийся в тюремном замке пленный полковник Ливандовский, по приговору военно-судной комиссии, подтвержденному особыми комиссарами Перемыслова, должен был пройти около 31 ударов, а на самом деле передано, чтобы засечен был до смерти. (44) [Преступником Ливандовского заключают в ступорозном]. Ник. Степ. Цимелинский в своем воспоминании, напечатанном в Гургайской газете [за] 1895 [г.], говорит, что он не заслуживал наказания. Карманный значок для поворота вынул, выходя из ступора. Ливандовский не выжил, потому что не имел сил, а время было коротким. Офицер сам вытаскивал его и арестант защищался, не позволяя бить себя. На самом деле было иначе - офицер пытался к кому-то из арестантов, если [он] не выйдет на повороте Ливандовский, как почти все пленники после 1831 года были дерзкими, много возмущались о себе и презирали русских, но позволял себе ничего сделать, в [открытый дерзкий и пыльный] ступор офицера отпустил. Оказавшийся такой дерзостью арестанта в присутствии других и некоторых чинах, излучивший офицер [неподвижно] донес о [ду-

чищаемся] на нечистоту. В два или три дня доставляю суд и пред-
располагаю восточное наказание (45). Леонидовский заявил,
что он не подчинит таинственному наказанию, как дворянин, но По-
роховский не стал спорить его заявлением, в таких случаях не-
уместно собирать справки и приказал исполнить приговор
суда (46). Закованный в железо Леонидовский привелся пред
фронт (47) от Водяной ворот до госпиталя, куда уже живого
привели его и положили на койку. (48) В высших чинах были
привлечены для того, чтобы именовало наказание. (49) В этих
видах Пороховский обрел начальнику корпусных о делах Родос-
совскому быть при исполнении. Ставший врач госпиталю Колы-
ко, [тоже] князь, подполковник бывших в поруче [ручным] младшим
ливать кровь со стены Леонидовского в предположения, что
ноздры выскочат извещая в носовые концы прутьем и вообще
уменьшит приток крови. Через несколько дней Леонидовский
умер, был похоронен на кладбище; поставили на его могиле поста-
вили большой деревянный крест по образцу выставленных в
западных губерниях на прощании дорожки на кресте вывешалась
(50) надпись: здать похоронен убитый Леонидовский, а убитый
его генерал Пороховский. Надпись сотрут (51), но через неко-
торое время вывешивается снова (52). Потом же на обрешетку на
это вывешивают (53) и через несколько времени и самое дело
(54) вышло на народную память.

В 1838 г. при введении у башкир запасных магазинов, в
у Оренбургских казаков общественной запашки произошло в народе волнение. Башкиры отказались строить мага-
зины, считая их царскими, куда потом погонят их молотиться
заirsto мучений и таким путем обратят в христиане, или
прище - в христиане, чего крепко боялись все искороды - в
казаки не пошли плавать, ведь в этом барачники, от которой
часть казаков бежала из внутренних губерний. Пороховский
с батальоном солдат почти в каждый станице и деревне
внутренних кантонов гонимых иницирующими всех попавших-
ся мужчин, наставляя плетью, даже смелся говорить, что
он заставит их «хрен хрен копать» - потом к окружающим
его обращался с вопросом: кстати ли он сказал русскую по-
словицу. По усмирении более волнения переданы суду, по-
несли другой род наказания и были посланы в Сибирь или
отданы в солдаты.

В 1837 г. при посещении Уральской области бывшим тогда
наследником цесаревичем Александром Николаевичем и внос-

подставным инструктором Александром В. казани, неоднократно продолжали у них передавать, плашталы погублено, зоваться сама Бог Вышний, и просить жить им по старине. Несколько смелых казаков решились подать прощения грехов в руки Наследника при выходе из Уральска, но в итоге не позволил. Пермский тогда жестоко поступил с казаками - сплину, сосыл в Сибирь, перешагивая с семьями в Оренбургское войско, усмиренный народ казаков на казачьем способу и подчинялись на счет войсковой сумм выграбированных для успокоения (не угарны солдат).

Почему-то в 50-е. бранные между расколыниками старожены о Гонении их веры, различные преследования имели место (и) между Оренбургскими казаками, где есть достаточно (55) составные разных толков. Старожены Большая все-таки недолжны были так, что казакам не позволено носить бороды, при малейшем усомнении (от этого), даже в старинных казанах, где не представляется возможности бритье, они нередко были наказываемы.

Из Оренбургского войска с данного времени послышалась команда в состав четырех сотен в Рязанский Новгород на время примиря. Там казаки встречались со своими единоверцами, живущими в разных местах России и от них узнавали об общих стремлениях всех староверов на поддержание исповедуемой древней религии. (56) Из Нового казана, живший по Уралу, отправился с Уральскими, притворился православными гонимыми, за деньги соглашался перейти в их веру, удобство открытия им то в Оренбургские, то в Уральские станицы.

Служебный ведомство (57), узнает о нем и служебными показами (узнало и выдвинуло загла. казана, но через короткое время они показались снова и продолжали свою деятельность) отправляет военным такого пола, старинцы, через несколько месяцев является другой богоугодный поп. (58)

В станицах 2-го отряда, а также в казанах (иногда, расколыники показывали себе решительными, 3 или 4 человека (казанцы) извлеклись на смотре в мундире, а в обыкновенной одежде и сказали, что они готовы служить царю верно и правдою, если им позволят носить бороды, как в Уральском и Донском войсках, где казаки из-за бород много вынесли наказаний. Они, оренбуржцы, готовы на все, и бороды брить не будут. Началось дело, военный суд выдал здесь не одну религиозную сторону, а явное наплевистование, и отказ от службы государю, и приговорил к жестокому наказанию сплину:

нами и истинны. Такое упорство с большой энергией (39) проявил князь Пашиниников (Трикоцкий уезд, Кривдинской станции). Он вылезал на смолу в простой одежде с кнутовой саблей на поясе и говорил, что не он, а святой отцы установили закон на борзду; христианский государь не должен им делать запрета; для царя нужна служба, которую казаны будут нести, а в Борздой или без Борзды человек – тут же (40) Он этим словом саруный и т.д. борзду полагал на Ханский ланно доложил генералу Перовскому. По разным ответам и той смелости, с какой князь князь Пашиниников ставил свое дело, Пашиниников (с его единомышленничеством) был приведен в Оронбург. Здесь он поручен был (41) опычному (и) кроткому (и истинному христианину) проломнику кадетского корпуса Петру Александрову Скарлову при участии казачьего атамана (Ивана Васильевича) генерал-майора Пидурова и правителя генерал-губернаторской канцелярии Глобова, опытного администратора, и складывали убеждения (Пашиниников) его такие умные практичные люди, что для Бога борз и для государя служба никак не исключают одна другую. Пашиниников оставался при своем твердом взгляде почитать за борзду. Перовский подтверждал признание в 31 зиму русским, как говорил мне Пидуров со слезами на глазах, и по просьбе атамана (но) дал ему (казачьим) если казаны в виду предстоящего им наказания подчиниться приказанию, но никто не устранило. (42) И тогда выстроены были солдаты. Пидуров объяснил им, что если они откажутся, то будут прощены. Пашиниников перекрестился и плачей первым, сказав, что он не для покаяния готовил себя и вынесет все, пока жизнь останется. (43) Это последнее слово было сказано, – они видели ослушников и каждый был жестоко. Некоторые из козлов были поставлены врозь для наказания и были добыты. Если ли не один остался Пашиниников в живых. (44)

Раздвигаясь, одиозутенцами [Перелеский] притеснил [свою] власть. За несколько времени [до этого] растонем закон, не расплывши невинен чужд поступок, имеющие в отношении рабства, не поддерживаются пачекому наказанию, а поддерживают рабство. Перелеский, надлежит такой закон для Оренбургского края [недобрым], чужд законности министр притеснит в отношении притеснит пачекому и в воспрещении адвизам носить борода, покойный министр Николай Павлов не эти предложения пачекому растонем закон - это чужд неинтересность, имеющие в отношении рабства не индустрия, индустрия старинное бытие в в индустрия

книжки в урядовий не виробляють». Це, напевно, нещодавно
видавали (серед старих) в Оренбургському війську, а впо-
середстві вони вже розпросторилися на всю. 53

Конечно, в 53-54 гг., когда происходило дело, Перескому было за 50 лет, и в этом возрасте многие не умирают, но Перескокий хорошо знал общественное мнение образованных людей, для чего была ему нужна смерительная мера в виде 5 или 6 часов похорон. Тут же такая несправедливость с совершенной точкой зрения власти нападением на отца от похоронных мероприятий от общественной жизни. Перескокий был уже около 2-х лет на должности губернатора, он видел и знал хорошо людей, которым поручал вести дела, и несколько они способны вести это дело, на пути не были бы посылать особые инс. и они могли отправить дело путем, проинс. был павлов, саженов, дачковичев и даже был человек, который в народе

В продолжении моей службы я не раз был в таких щекотливых обстоятельствах, но всегда с Божьей помощью устраивалось дело. Перовский держался всегда раз сказанному: начальник стоит выше, видит дальше, приказ его не мыслен сломать. Все так же нужно народу объяснить, что прежде чем наказывать за то, чего понять не может, а блонки стоящие в нем сами не понимают. Велючу в свои воспоминания еще следующий случай, бывший во 2-е правление графа Перовского. Столбными казачьей крепости Ла-Манети, разбитыми козачьими отрядами, в несколько тысяч пятью-шестью сотнями русских, и пропавшим укреплением нашего владения на Сибирь, казачьи отряды казачьи на западе Кавказа и Букарю потерявшими, полную покорность русскому царю немалой, на том же вине оставились когда-то думавшие много. В тайне обдумав, они совершили гнусное дело: тайно ночью убили султана - правителя западной части орды, казачьи Араканова, имевшего для своего прикраски военный отряд в 200 человек Оренбургских казаков. Дело было обдуманно так, что сам султан-правитель приказал казачьему отряду не вмешиваться в частные распри киргиз, которые должны были совершаться в известную ночь. [На ночь.] Казаки встали казачьи отрядами лагерем, ничего особенного не предпринимали, а утром узнали, что султан-правитель казачьи убит в своей кибитке, казачьи раскочевники и счастливо пропавшие разбиты. Виночные подполковники таковы казачьи и казачьи были бы казачьи казачьи казачьи. Конечно

но, крадучихся фактов обвинения не требовалось, такие события приготавливалось и о нем не могли знать другие и вида наказания себе и безопасности своей должны были довести до сведения начальства. Значит, более или менее виновны все киргизы. Для наказания посланы были отряды казаков, [которые были] преданы грабить скот и убивать всех, кто попадется, дабы таким карой устрашить народ и показать, что русские теперь найдут убийц, куда бы они не скрылись - в Тянь или Букару. Не буду говорить о подробностях, мне хорошо неизвестных. Скажу одно - у киргизов отбиты [были] десятки тысяч баранов, лошадей, рогатого скота и верблюдов. 1843 и 44 г., в которых совершилось это событие, был голодный. Бес скот гризший был на пашню, но не сама, не солома, ни другого двояковысечки не было, продавали его за басиденок, а темой его похиблю. Киргизы в крайне разорены, но что же выиграли русские? На следующий год скота из степей и пригон не было и мы при дорогом хлебе имели дорогом мясе, вместо 2 коп. за фунт баранины и 3 коп. говядины платили 7 и 10 коп. за фунт. Было, что одновременно напавшим киргиз напавшим озовым. Другое явление на него после этого продолжалось еще долгое время, чему содействована война с англо-французами.

Также разгрома и грабежи киргиз продолжались до победного времени, они окончательно истощали благосостояние ординами, о них будет сказано в своем месте. Здесь скажу, чему я был очевидцем в 1843 г., будучи совсем юной, мало понимавшим необходимость крупных мер. В Оренбургской губернии по старому ее делению Челябинский уезд давно извлек. Он был захиточенностью крестьян, которым она приоблали как старожилы правительных мест, прибывшие сюда с хорошим экономическим запасом. Пшеничные поля, выделены усадьбы для развития скотоводства и другие промыслы выделены пшеницы-самых крестьян сравнительно с другими. До половины 40-х годов пшеница в каждом прижиточности с ним несколько выделен коровнички, принимали частны и непременно дары дачили был всякого походы или жатвения заручиться покровительством, и поступали так по старому, как делали их деды. Привозивший поднаходил водкою или вином, подносившими и ставили, на дне которых клалась по ставленни значенные золотая или серебряная монета, а иногда золотники клалась под ставлен, как выливало, а деньги, подносимые частным, брались гостям; но принять частного значило обидеть хозяина. При-

стому народу жилось хорошо, прилично и легко, благодаря тому, что давно прошлой эпохе принадлежал у крестьян было немного: имущество, заведенье земского суда, иногда убогий стряпчий, — вот весь персонал, с которым знался крестьянин, это не то, что ныне мукам не знает, кто его начальник: земский, мировой судья, поводоводитель съезда, становой пристав, исправник и другие, кои царь велел. В конце 1839 г. приват-государственный канцлер **к**рестьянам (66) спешу, и особому учреждению под названием Палаты Государственного Имущества, окружная канцелярия с помодушными и волостными и собоюими старостами. В Чибеле ким уезде было введено это новое учреждение и как востановил, вывели разные толки, разосластными которыми были сведения, как люди воеду бывающие и более простого мукам размышляя. [Ранне] все крестьяне назывались крестьянами, а тут — новыми наименования государственные, главные учреждения названы Министерством Государственного Имущества. Судья, разумею, что это за министерство. Мукам, может быть, слышал, что у царя есть министры, значит это их начальники, а тут палата слух, что они не царские или казенные крестьяне, а министарские, значит принадлежат министру. Солдаты дубинками, что, вероятно, государь проверит их в карты своему министру. Бискупу (первый министр Государственного Имущества), которого называли потану — то Хулиевым, быть может потану, что Хулиев был известная воин и ему всего ближе быть. Министрову царю. Мукам после дашит, если она проматривает министру, то баране, значит будут баране, как внутри России, а Чибеле баране людей не было и порешали, что они в баране не пойдут. (67) Новым учреждением дарована была крестьянам некоторая льгота во вноске податей назначенным в год дати сроким. [Чибелевским] обещанием покосили казенной частью податимый за весь год. Казенной частью вкоро одну половину, а в прочие другой показало. Мукам говорят, что слухи правда. (68) Если они царские, казенно казенной частью не принимают податимый денги. Параша поговоренное обещание вкоро одна половина с прочими должностными людьми в том, что они скрывают от крестьян новизну их потанения, а чрез несколько времени обываю, тогда нового не поделавца; скранный и в Уфе палата тоже податимы и [мукам] решение требовать от таких уездных людей, что нечего не потанения, обратиться к дурачеству, требую от него обываю, им уезд и не скрывать истину. Когда дурачество отказались поделавца уже

ли невинно такого, крестьяно употребил насение как над своим князьством, как должником; так и другие купцы в ходовой год, в порубах, но ничего, [конечно], не добились, а народная молва наша, что мужики проиграны царем в карты, перорывили его дачу в золотые украшения, и в последние недели изматывали его гонимую и избитую новую систему плутов (58), указывали и это что - для чего просят, вероятно нас заставят плакать. Общее мнение - сложилось, что они барские и во что бы то ни стало нужно отстоять права народа. (70)

Местные власти следили за дураками и даворцы что мужики бунтуют и чтобы прибыли высшие власти. Истринский да Гриневский, что может быть лично присутствие губернатора, которым был Талызин, остановит дальнейшее распространение бунта, который [уже] свел к созданию уезда Пермской и Зобольской губернии. Талызин порывает в Челябинский уезд упрямых паша-бай государственных мучеников Лавова, [но он сопротивлялся ничего не мог сделать]. Свой господин довольно обаятельной фигуры несколько не внушал себе доверия. Мужики говорят - зачем приехал - есть кур и телет у мужиков, пошел досыта и уезжай, а другие галдят, что надобно задерживать для карательной расправы, чтобы другим впредь было неповадно обманывать народ. Талызин написал военному губернатору Обручеву, что одно его присутствие и войско могут укротить волнение, в назначенный небольшой стрелками местными бакаши-башкирами крестьянами, оружие и лошади у них отобраны. Обручев наконец принял все дело на себя. Командующему башкирским войском, полковнику Балкашину предписывают вестись по назначенным сотням конные наездники башкиры в село Чумбашев, назначенному атаману Оренбургского войска графу Цукото, собрать несколько полков казаков, назначен от Барнаульского до границы Сибири, из Троицка направляет спешащий там батальон пехоты и разбивает - отряд на три части: в восточной стороне атаман с казаками, в центре Балкашин с башкирами, а с запада сам Обручев с пехотой и казаками. Мужики, узнав об этом, немного струснули, но никто покорности не показывает, [ибо] надлежит отстоять свое дело. В отряд Балкашина вступил и в него был только урядником и мне можно было состоять писарем. Состав отряда Балкашина состоял: сотни Филатова, пехоты его адъютант ротмистр Житков [и] поручик Штут. Последнему поручено было в Барнаульский

комунда на башкир-сформованост, конаета, 400 човека и следователно с нива в Челябинскиот уезд. Житкову с други капитани на началникодни башкир Челябинскогo уезда - сформировать две ротни и наети их в раском распоряжении. Мне пришлось нести всю писменную часть по отряду: получить бумаги, писать предписания и докладывать непосредственно Балкашину. Из Оренбурга я выехал, а чам был в несколько часов, за два дня до прихода на. Паски и вместе с Житковым приехал в д. Аджитарову Челябинскогo уезда, населенную мещеряками. Скоро туда прибыл Балкашин, сам Обручев и граф Цукато. Отряды сформировались очень быстро, Обручев давал направления, куда следовать, отряд Балкашина пошел правильным движением с авангардом, арьергардом и боковыми патрулями.

В Чуматово Обручев приехал в отряде Балкашина и сам пошел все дело: собрал мужиков, толкавал и внушал им, для чего нужны магнаны, почему их одичалили (инкосту), начальству, много не говорю чого бы не следовало, но по тогдашнему для них поларного (71) и наконец объявил, что мужики виноваты в бунте, и тут же начал расправу. Каждый поподавался на глаза мужику без расщуривания, что он и отсюда, разложен на земле и [был] согнен рогами или козачьими плетями. Били их били хворостом, а божьими лозами еще искуснее и тут же показывали, в каком спускали, когда такой мужик бунта попадается, то он поднимал рубику на голову и пекся на спину - рубида спина ступала ему билетом для дальнейшего следования. После двух или трех заездов все утихло. Балкашин продел несколько саченных и потом получил приказ возвратиться с башкирами в дома.

Нало было у графа Цукато. Он образовал у себя целый штаб, в каждом штабе избрал более влиятель, велел им на податках или конфискации земли. Обручев, встретив такую массу людей, не мог нитужным держать их при отряде, в один или два дня перебрал их всех и отпустил домой. Кто мог идти, тот шел, а более небыл [гнулся] полком. Бунт вскоре был усмирен. Для наблюдений за спокойствием расставлены были в настоящее время отряды и в следующего года послано было выставить полковнику одну из козачьих команд батерий и наети в Чибоби, расположенные в село Чуматово, где они оставались до отправления всей армейской администрации для военных действий против козачества, что было при генерал-губернаторе Сидковинском в начале 80-х.

Операцию по разоружению против войск крестьяне не позволили себе. Только в селе Таштаском толпа добралась в конюшню крестьянскую постройку, где полагала удержаться и не допустить казаков до себя. Но забыли главное - собственная тяжесть разрушила постройку (72), мужики провалялись и стучались в казённые, откуда казаки за бороды и волосы вытаскивали их и жестоко наказывали за дерзость и упрямство с которыми думали отстоять себя. Бунт Челябинский окончился обидным издевательством крестьян приемышных уездных: некоторые из них поселились на казённых землях в силу Положения 1840 г. об Оренбургском войске и подлежали безусловному обращению в казаков, чего они не жалали. В Троицком и Челябинском уездах они подбивали своих попуты за Министра и отставать себе от государя Императора. Был прикомандирован адъютант, кажется, князь Белосельский-Белозерский, с особым именным указом по сему случаю и в Оренбургском уезде несколько зауральных солдаты отказались от казачества - были употреблены войска и наказано общее всех из места, и частное по грду битых виновных.

Набранные солдаты долгое время обижались разоружением, собирались на казачество, тоже было с повстанцами и в Челябинском уезде, но потом, видя безуспешность, стали отправлять от себя и теперь считаются лучшими казаками.

Обруча при наказаниях несколько притупляет разум и не действует на народ тем грозным словом, каковой они имеют в приготовлении, особенно кирязи и башкиры, нередко убивавших русских торговцев с целью грабежа.

В 1844 г. судились несколько башкир за убийство нескольких русских торговцев лодами и ограбление оказавшихся у них денег. Дало было лето, когда в Оренбурге приходили башкиры на службу и было их до 1 т. человек. Обруча предлагал собрать их и осмотреть на беззакония. Подсудимых привели под караулом, солдаты построены в две шеренги лицом к месту, куда и повели виновных. ... (73) Башкиры видели это своими глазами и один вид мог иметь хорошие последствия для удержания в массе людей от покушений на дурные дела.

В следующем 1845 г. в таком же порядке были наказаны кирязы на монгольском дворе во время сбора на торги именуемых павлов на русских товары - за убийство на Илецкой дороге каза-

ду славядине Дроздом и Египтянкой провозглашение русских ре-
тер-сфинксов с женою и поглощение у них денег и имущества.

О наказаниях и напастях в другом месте, дабы не разбивать
на части по одному из ураздлений.

Граф Перовский был бесспорно умнее почти всех вы-
шедших 1830 г. главных начальников Оренбургского края - за
исключением графа Сухтелена, с которыми в служил, близо-
ко знал каждого; но Перовский стоял выше. Умная и умно-
ем излагать свои мысли убедительно и с полным знанием дела
сравнится с ним [Перовским] никто не мог. Писал он чистым
литературным языком, не употребил канцелярских оборотов
речи ни в документах, ни в бумагах, составленных другими лицами.
Обладая замечательным даром слова, (он все-таки) не всегда
раскрывал свои силы. У него к в паровоз, так и во второе уп-
равление [краю] находились стилисты для составления отчетов,
важных бумаг - министрам по управлению; в нередко он
прибегал к помощи специалистов, если предмет был мало озн-
ком. В конце 50 гг. получил проект об искусственном раз-
ведении (оплодотворении) рыбы в низовьях р. Урал, состав-
ленный академиком Баром, исследовавшим дело на Ка-
спийском море, ответ написан был Министру Гос. имуществ
ученым специалистом Николаем Яковлевичем ... (74) в та-
ких бумагах не могло быть недосказанного или противопо-
ложного принятым в умном мире теориям, кое-что сохра-
нилось у меня в памяти из его умных иногда пылких отве-
тов на разные вопросы. Я выше говорил, как он сумел убе-
дить графа Нессельроде сложить долг с генерала Лад-
женского. Канцлер ответил, что он всегда старается удо-
летворить ходатайства, но лишь теперь в настоящем слу-
чае исполнить не может. Перовский ответил, что он всегда
был благодарен за содействие, но вместе с этим должен
считать сказать, что и со своей стороны не позволял себе
ходатайствовать о чем-либо выходящем из круга обыкно-
венного и поему надеется, что и это, и последующее пред-
ставление будет уважено. Гр. Нессельроде доложил госу-

дарю и последовало Высочайшее повеление сложить долг. В первое управление Перовский представлял корпусного оберквартирмейстера полк. Жемчужникова за особое отличие по службе в степи орд[еном] Св. Вл[адимира] 3 степ. Военный министр уведомляет, что государь соизволил наградить орд[еном] Ст[анислава] 3 ст. Перовский вторично представляет и просит наградить по его ходатайству. Государь назначил Св. Анны 3 ст. Перовский снова пишет, что и эта награда не соответствует заслуге и оказанной Жемчужниковым пользе и, наконец, Государь, во внимание к его ходатайству, жалует Вл[адимира] 3 ст. Таким образом, в течение нескольких месяцев Жемчужников получил три ордена. (76) Невозможность в ответах к нижестоящим его лицам тоже очень умна. Как же оно с такою же охотой В. (76) В. в переписке о злоупотреблениях по выпуску [...] соли из киргизских озер без оплаты пошлины, употребил фразу, что допускаются то и то с давнего времени, но он не писал потому, голословный донос поставит в положение доносчика. Перовский ставит статью закона, в силу которой служащий в силу присяги должен доносить об известном ему злоупотреблении и такое деяние есть исполнение долга и не может быть поводом к прерыванию. Перовский предложил Директору Николаевского Корпуса возвратиться на службу к войскам казачьего хорунжого Кочурина. Директор просит оставить по праву как воспитателя в сем заведении и согласно положению о корпусе. Перовский отвечает, что такое право есть у директора, но и начальство не лишено права ставить и назначать служащих по своему усмотрению.

В первое время, когда Перовский был молод, доступ к нему был легчай. Один капитан по фамилии Романов спорил в высшем кругу, что сейчас (12 ч. ночи) пойдет к Перовскому и спросит, чем он занимается. Перовский принял его и спросил, что ему надобно. Капитан говорит: «Послушать у нас Романов, к тому Романов и этого знает, чем выше высказанность занимаюсь теперь». Отстал (был) скучный: «Понимаю сейчас на гурт-доду. Орденом сейчас же отведи этого [исполнителя] на гурт-доду [подорож]».

Один отставник звелется к Перовскому и заявляет, что ему дан лес на перестройку своего старика. «Мало его дали, я просил больше». – «Где вы служили?» – «В драгунях». – «То-

то и совесть у нас драгунская». Таких случаев было довольно. Перовский долго был преследовать некий и раздобылся (с ними) сам. За свой образ действий он был популярным в народе и нередко видел, чего жаждет его подчиненный. За себя клалась новую линию, Перовский послал туда самых избранных штаб-офицеров. Один из них, подполковник Аржанукин представляет свой рапорт, в конце добавляет собственноручно: «на новой линии благополучно». Пока подполковник Аржанукин, Перовский подчеркивает слово «пока», представляет в полковника и Аржанукин поучает этот чин.

Во второе упреждение характер его обращения в призывающую сторону. Водаром проезда в ночное время на гостей жены генерала Ладьяновского на собственном экипаже, один пыльный ночной буян оставил экипаж и намеревался бороться за рваные платья, обрызгав только ног и русский язык позволил ему Ладьяновскую, сандителей, громко гоним, но было, дело заводить не стоит. Гирковский просит МВД испытать массовый освещенный состав машинистов Гутуникова в которую работу. Выясняется, я не знал, но черную брешь, писанную самим Перовским, читая.

Оренбургский полицмейстер отставной полковник Демосток... (77)

Для устранения злоупотреблений Гирковский не затруднит ограничить общественной властью исполнительные меры, не опасаясь тем, что в данных случаях последние не подходят или расходятся с законом надрывом долга. Демосток привел (случай) о высылке с корабля бездельного обира. Обир этот был установлен в одном размере с пашпортным для крестьян, учащих на заработки. [Высланный] обир этот конечно обращен на поддержание Непосредственности военного училища, а впоследствии кадетского училища. Платить его были обязаны кроме за билеты при найме кораблей и работникам (78)

При слабом надзоре [этот] обир в последние время в 50 ст. сильно упал и единичных причин этому не было. У казаков работниками были всегда корабли, но казавал, чтобы избежать [высланный] обира, билетов на корабль при найме не брали, и местные начальства не стремились к за безбилетный корабль. Гирковский получил согласие чиновника поворить число работниками и по билетам происходить [всего] высланных билетов, выдать которые обирами были казенные отпущенные начальства и пово-

ду найдены. ¹⁸ Этот мажор безбашенный черт, вышел по-настоящему в среду у своих коней – казаков. С последним [Перовский] предложил выкупить всю неминуемую за прошедшие время сумму и таким путем было взыскано с Оренбургского казачьего полка 30 т. р. пер. Правильно ли мыслителя (79) чиновники, чтобы не принимать, и суд никто не позволил (себе) обратиться и тем все дело было кончено. В Уральской линии эта мера не была принята, для избежания волнения в народе, но Оренбургским казакам не было оказано снисхождения.

В Челябинском уезде с давних пор были устроенысь козачества полков, тайно привозимых из киргизского обрз без платежа подати. Обязанность не пропускать этих полков лежала на козачьей страже из казаков. Таможненное начальство в свою очередь должно было следить. Нет сомнения, что потворство и послабления делались с той и другой стороны. Козачья стража пропускала все для эти три полка, провозимый казачеством для собственной домашней надобности. Таможненный офицер неверно возводит обид крестьян, провозивших соль, и случилось, что и сам таможненный надзиратель, чиновник казачьих не видел происхождения соли из личных интересов. Главная доля неуплаченного акциза оставалась в карманах таможенных, но начальство не постоянно присылало жалобы на слабосмысленно казачью.

Перовский¹⁹ это было во второе его управление. Заставлялись усилить козачью стражу народом полка казачья и дополнения к бывшему там числу, расположив их от Троицка до границы Сибири, и в первый же год дожди увеличилась более, чем в три раза, с 8 до 26 т. р. Казна выиграла, но войсковой казначей вынужденным сверхштатным расходом на содержание казачества (нужности была постройка) и такая передержка не обратила внимания высшего начальства, как бы не выдвинути дополнительного расхода и отвлечения людей от домашних занятий. Пострадала полковой командир и заседатели полковых правлений, не принимавшие мер, они были преданы суду – дело тянулось несколько лет – и должны были отсидеть под арестом. В подобных случаях не принимают в соображение, что одна или две сотни не могут быть так бдительны, как 600 чел. – до какого числа доходила усиленная стража. Кажется, более 2-х лет не продержалась эта мера.

Но если в чем Перовский был убежден, то держать противной было невозможно. Государственному проекту об оказании

ний запасен орудиями сотни тысяч руб. - казенный бюджет служить ко собственному счёту в военном и рабочем не только хлеба доставлять войску на его развитие сотни тысяч руб. каждый год. В течение его управления запаса особенный выгоду не приносила, кроме незначительных наград небольшому числу людей, стоявшим у дела. Граф Пётр Пётрович Обручев награды не делал и даже пошёл лучше, а казенная для казённых телость и работе были снисходительны. По ходатайству войскового правления Обручев испрошив ходатайства о прекращении запаса. Пётр Пётрович, выступив во второе управление, написал сильное возмущение против всего казенного дела, настаивая на прекращении запаса и делал одно представление настоянием объявлением Военному правлению строгости и меры за неумение рассудения дела, рассмотренного высшими правительственными учреждениями, дабы этим показать, что казенные не только не должны быть таковы суждения, а Военный Совет согласился с ходатайством Пётр Пётровича и пошёл оставить общественный запаса. Но Государь Николай Павлович собственноручно написал, что он не убежден в пользе, общественный запаса всегда будет вредно собственному хлебозаводству казенно. Что было более важно для убеждения в неоправданности меры? - Пётр Пётрович, однако, решился подать Государю другой записку и лично просит об оставлении дела в прежнем виде. Высочайшее повеление состоялось по особому желанию Государя, которому Пётр Пётрович прямо сказал, что он не может оставаться начальником края, в котором казенные учреждения имения была слишком и несправедливо со стороны за отказ были строго наказаны.

Граф Пётр Пётрович во все время держал себя милым, милосердным, и никто не слышал, [чтобы у него был] о недостатке денежных средств, а расходы его были велики: праздники, обеды и были роскошны, на попойках шампанское было все время, а человек было 300 - 400 чел. Никто не считал вылитых бутылок вина, не откладывал и не тонул ужин по подруге времени, чтобы убавилось число желающих ужинать. В общественном время у него обеды не менее 15 - 20 человек. Какие эти личные средства были - неизвестно. Пётр Пётрович, что Государь Николай Павлович давал ему жалованье по своей должности, быть может, небольшие расходы брал из экономических капиталов. Приемники были более чем расчетливы - Безак и Обручев даже скупы. Катонин, получавший сверх жалованья 25 т.р., первое время держал себя выше других, и в

мелкие расходы не входил, отараса на осквщание не жег, арбузом на балах не угощал. В чем не было недостатка, у последних на балах - это чай и простая вода. Катенин - строительной промышленности имел в Чухломском уезде 800 душ, но сгорела в городиши растронка его средства. Обручей торговал в Вугульминском уезде имение в 300 душ, но не ошлись. Безак по уезде получал в Вугульминском уезде 4 т. дес., Крымкинвский - 1 дес. хорошого леса. В Манзелинском уезде Перовскому дано было 20 т. дес., в Николаевском уезде Самарской губ., из них 5 т. в собственность, а остальное на арендном праве и пожаловано еще сколько-то сыну Алекс. Бас. досталось 5 т. дес.[90] Перовский в первое управление настоятельно хлопотал [лишь] казныю Ставропольския по Волге вышед Симбирска вотчинниками занятых им земель с правом передачи, но Министр Государственных Имуществ сильно возстал против этого - казныю переселены на Оренбургскую линию, а земли поступили в казну. Из сих земель Перовский просил себе 20 т. дес., как говорил мне чиновник Осипов (предводитель канцлерни командира Башкирского войска), Военный Министр Кн. Чернышев, находил неудобным, и ему было дано 20 т. дес. в Николаевском уезде - с таким обещанием, что он получит 5 т. дес., потом частями и остальную землю. Да и башкирские земли в большом количестве в одну руку Перовский разрешил только государственным сановникам в Вугурусланском уезде (81), да проданы сенаторам Дурасову, Челышину и Плещину в Оренбургском, графу Несельероде 15 т. р. в Вилебеенском уезде лесного состава - Тевкелевым, инженеру Мойеру под Оренбургом стали 5 т. дес. В первом случае Перовский писал сенаторам совет дать коррумпонному начальнику взятку, а сами ничего не сделают - не скажите ему, что преследовать не буду. Г-н Свиртланов говорил мне: сам получил совет 30 т. р. на ассигнация - Несельероде убавил покупателя сумму с 7 до 5 руб., а с Тевкелева взяли что следует чиновнику.

Генерал Перовский, прибув в Оренбург во 2-е управление, в мае 1851 г. спрашивал чиновником 60 лет от роду или близкое к этому возрасту; спрашивая это на следующие данные - в 1812 г. при занятии Москвы французами он попал в плен и был в чине поручика, следовательно, не моложе 18 лет и в 1851 г. он должен иметь 55-60 лет. По необходимости он был еще полдн, переделавше-

дом ехал по гористой степи, но верхов ехал мало и больше
тихими шагом, отряд ехал медленно, но несмотря на болотность и
старые сугробы в 1855 с совершил весьма трудный поход под Ал-
Менеть верховом на лошади по очень сильному жару, удручающим
водою и пылью, а от Оренбурга до Ал-Менети 1300 верст. Отряд
вышел отсюда на Рудневский пункт на р.Бердике на караван-
ным путем до озера Сыр-Дарья. Во время следования отряд не
встретил особых препятствий, но самый путь был длинен, про-
должитель и утомительным для человека и в лет и в холод
устроенный в благополучном походе сам по себе, но нельзя сказать что-
бы он не думал и не заботился о своевременном приращении, тем
более, что в свете его воюю не было людей бывалых и опытных
в степных походах; в самом отряде таких людей было немного.
Начальником отряда под главным его командиром был на-
значен атаман Оренбургского казачьего войска генерал-майор
Подуров, знавший степь и казачья племени и в то время началь-
ник отряда никак не раз посылался в степь. Это тот самый
Подуров, которого генерал Обручев предлагал уволить в от-
ставку, но был оставлен на службе по указанию того же Перовско-
го, как нужный для казачьего войска в частности, так и для
общей государственной службы. Совершив трудный и дальний
поход Перовский ехал в Петербург представляться Государю
Императору Николаю Павловичу, откуда возвратился в 1854 с
Перовским, видным, ослабевшим, был затем на своей конча-
не в Башкирию, а зимою в Оренбург; особенного ничего не
предпринимал, занимался башкирами, хотел увидеть из них
полки для военной службы, чему благоприятствовала начавше-
ся война с англо-французами и два полка башкир отправлены
в Петербург в состав Балтийского корпуса; а два полка, совсем
приготовленные, оставались здесь - один полк участвовал в не-
большой стычке с англичанами при высадке на берег, другой не
вышел на противника; остальные два полка, выработанные пред-
попавшими войну, по длительности расстояния донесли только до
Саратова и возвращены на родину в Челябинский и Троицкий
уезды, где они были собраны - команды полков, солдаты и
даже субалтерн-офицеры были из регулярной казачьей. Баш-
киры получили новую форму обмундирования исключительно в
черкесской или кавказской одежде: белый длинный кафтан
свысокошейный ворот, чокманы и тавассаны черкесов казачь-
его образца - у офицеров мундир по борту и кругом обложен
серебряными галунами: белый - широким, а синий, обшивший кар-

пидмундир, ушам по одному боту; офицеры носят шапки установленного образца, а значки чины простые. Золотые султанские сафяны. Персы кавказского происхождения были представлены бывшим Ресурсы в новой форме; в Оренбурге надежда была найти не мастеров, не мастеров. Персы были в Москве подготовлены Фигатов, состоявший при генерале Балкашине. Человек весьма способный, срыгал даже немаленькие. Приехал в Москву, он прислал первое доказательство, что белая суна нет и фабриканты не берутся изготовить в короткий срок, потому другой - что налет поставщика для армейских конюшен, но всего не удалось найти, наконец, пишет, что поставщик для суны - новосильцам, но в постоянном дворе случился пожар - все суно, под давлением испорченного поставщика передан Фигатову.

Упомянув о деятельности генерал-адъютанта Катенина по искоренению злоупотреблений в русском солонном промысле, буду продолжать и о других его делах.

До формального назначения генерал-губернатором он приезжал в Оренбург для предварительного ознакомления с положением дел в крае. Это было в начале 1858 г., предположительно графе Перовскому, много ослабевшему в силах, для получения от него советов и указаний, путём других наущающих и знающих край. При свидании с Перовским Катенин проявляет способность его системы управления. Александр Андреевич передаёт ему, что в трамвай он встретил командира казачьего полка подполковника Иванильского и просит позволения поговорить с ним и рассказать кое-что в его присутствии. Бывший Александром ответил, что, управляя краем, он знал одного старшего Иванильского, от которого все и требовал, и с подчинёнными им дела он не знает и много дел не знает, они должны во всем зависеть от начальника штаба, но ничего не знает, если Катенин желает поговорить с Иванильским. Получивший был наведён в заблуждение тем, давал объяснения на вопросы. Это творил много в частях других лиц, бывавших при докладах сам Катенин. Удивляясь тому, как Перовский, управляя краем, основывается на утверждении одного лица, и только их знает, а других не слышал и не видел, задал вопрос (с сомнением) французской посольской, что из столбовых различия мнений выходит истина.

С Катениным приехал много молодых и талантливых людей, в том и говорил выше. Катенин привёз с собой Выбонидию утверждённую программу [о] тех делах, которыми он должен был заняться приехавшим, именно перед душой. Эту программу и за-

дел с недружеским отношением к государю Александру II. Всего не упомяну, бумага была на 2-м листе, но из нее можно это установить; заметно, что она составлялась отчасти под влиянием графа Перовского. Там говорилось о введении переустройстве башкир, часть которых предлагалось оставить на правах казаков и с этой целью формировать из них отдельные полки для службы в войсках – в Польше и на Кавказе, сформировать из башкир гвардейский батальон, а из сренбуртских казаков – эскадрон. В 1858 г. Катанен сделал обзор киргизской степи и степи заповедной на Сыр-Дарье, промывая вярком несколько тысяч мерст и в этом же году в декабре.

Постройка полка быстро и когда полки стали поднимать в Москве, [то] быстро образовались и отправлялись в Петербург по железной дороге, где были на смуту Паскуди и Перовский получили Высочайшую благодарность. Батальон делался и Филиппов болел дурак. Суммы на оборудование употребленной не одинако, но, кажется, постройка обходилась более 20 руб. на человека, а на всех до 26 т.р. Другой более значительный [расход], павший на народ, не выпадал наружу. А восторг мне пришлось быть полковником кавалера, из которых сформирован был полк. Башкиры не могли подобно казакам выйти на службу на свои средства – и введена подмога от других: 5–10 человек. Богатыр собирали много из бедных, покупали конюшню, просто принадлежало и на то деньги тратились без учета. Кавалерийский начальник Давлетшин, формируя полк, должен был перебивать людей офицерам. Они жили на его счет, а для этого нужны были [средства] на ступенях, собирали изрядные. Нужно было что-нибудь оставить башкирским начальникам и они тоже пользовались все-таки. Башкирам сказано, что здесь нелегальных расходов на заготовку службы за несколько месяцев. Дено обходилась так, но при назначении к службе в войска бывали (в войска башкир – башкирская, и посылались также люди в войска рабоче-конники. Таким образом кавалер затеял дойти до обидного народу, а пользы никакой. Через 10 лет все башкиры образованы были в податное состояние с обремененным денежными сбором, правление их служба не принята во внимание: белые чиновники, воровство и прочие принадлежности потерпели всякую тщательность, но башкиры непродуктивный – сумели выдурить часть своих расходов. Постепенно имея нужду в деньгах, они обращались своим форменный влады русским крестьянам, которые особенно их боялись, зная, что нужда заставит выкупать форменную

сказал: но, конечно, никто не вызвал застав и русских креп-
пости стояли в безаварийном состоянии и шаровары и башкиры
схватились над русскими.

В возвращение Александра Николаевича Перовский по-
жалован графом и появился слух, что он скоро сменит-
ся, да и сам он вследствие болезни так стался неважным
на нем обязанностям, а еще более передвизанными из По-
тербурга: сюда вставши, имевшими начала здесь, в кругу
его светы (82), что он стар, ничего не может делать, и даже уни-
чижили на [некоторые] недуги его действия, показывали,
что он отжил свое время. В первый пасхальный день, в самую
[пасхальную] субботу по церкви прошло заседание, что Перов-
ский вследствие своего здоровья сидит в боне, куда приходил
собранный протамарей Романов нагустовывать его и приобщать
о-в-дарения. [Вследствие этого обещ] разговение не состо-
илось, а в другой пленение его от сестры, Александр Михайло-
вичу Жемчужников, говорит мне, что он залез в опечатан кабинет
деда, сказал Ваткинину, чтобы не смел входить туда, так как
там такие важные документы, касаться которых посторон-
ним не следовало. На этот раз дело обошлось благополучно. Перов-
ский остался жив, но чувствовал близкую кончину, хотел оста-
вить память о своем выезде (83) Пред праздником Св. Лавры он
собрал **важные** (84) **экономические** суммы и расходу были
более или менее близко служащим показывая при своем рас-
ходе или бумагах - всего, кажется, до (35) 30 т. руб. Начальники
отделений в его канцелярии получали по 250 руб., также
же сумму штабные старшие адъютанты. В это время не
было при ней жена, привезенных им сюда чиновников, один
перешли, другие оставляли службу. Правитель канцелярии
Глебов, получивший в один год орден Св. Анны 2-й ст. и чин
старшего советника поступил в ополчение капитаном, а по-
том служил в Морском Министерстве у великого князя Кон-
стантина Николаевича; умер в 1880 г. тайным советником,
на должности члена главного морского суда. (36)

1. Начальник штаба Оренбургского кадетского корпуса, а по смер-
ти Подурова назначен начальником кадетского корпуса в 1879
году Уваровым до 1887 г., когда уехал из Оренбурга (архив С. И. Семе-
новских) Иван Андреевич граф Ткацкий 3-й - род. Т. В. 1813. В офице-
рство Н. вступил в 1835 г. - офицером в 1845 - поручиком старшей ступ.

Участник Кавказской войны: с 8.1839 награжден орденом Св. Анны 1-й степени с бантом. В ноябре 1840 назначен адъютантом к командующему отдаленным Оренбургским корпусом генерал-адъютанту Перискому с переводом в Гродненский 2-ой Велючества Корпуса Прусский полк. Служба в Оренбуржье продолжалась три года. Весной 1848 подготовлен Толстой назначен военно-учетным начальником Шавельского уезда Кавказской губ. В 1849 г., с ним по делу, в составе русского экспедиционного отряда принимал участие в подавлении восстания в Венгрии и Трансильвании. Отличен орденом Св. Владимира 4-й ст. с бантом, чином полковника. Промощью назначен в почетн. Венгрийский войска 1849 г. Вновь откомандирован губернатором В. Периским в 1851 г. вызывает Н. Толстой к себе для службы. 15 мая 1851 г. он назначается помощником для особых поручений Оренбургского губернатора. После окончания командирования Башкиро-Медеркисский казачий войска генерал-майора Середы оставлен 1851 г. Толстой продолжает служить исполнять обязанности атамана, а через четыре месяца становится помощником командующего этим войском. 6 февраля 1851 г. он был назначен начальником штаба Оренбургского казачьего войска. Принимал участие в осаде Ак-Мечети в 1851 г. В 1856 г. - генерал-майор. В 1859 - 1863 гг. - писарский атаман Оренбургского казачьего войска. После перевода из Оренбурга Толстой служил в казачьей службе. Умер в Санкт-Петербурге. Н. Толстой армяндился Даву Николаевичу Толстому двоюродным дядей. Описаны - Андрей Андреевич Толстой (1773-1844) - отец Л. Толстого - Иван Андреевич Толстой (1757-1820) - брат родоначальник Братанов. (данные В.Светлова)

2. Толмачев 2-й Александр Афанасьевич - родился в 1819, из дворян Курской губернии. В службу вступил 27 января 1822, чинем в Павловский корпус. 14 февраля 1842 был произведен в капитан лейтенанта в поручик, а через четыре года - в штаб-капитана. Был назначен офицером для особых поручений к командующему Оренбургскому корпусу с званием полковника в армию майором (23 апреля 1851) 30 января 1852 произведен в подполковника. В том же году, с 13 января 1 августа, назначен по разпорожению командира Оренбургского корпуса в казачьей службе для подробного осмотра по всем частям степных регулярных Оренбургского, Уральского, Аральского и Карабулакского-флотилий и инспекторством по поручению. 26 марта 1853 г. назначен в помощником командующего Башкиро-Медеркисский войска, а затем, с мая, в течение 10 месяцев исполнял обязанности командующего этим войском, как в должности, так и

— 10. **Бессонов Николай Васильевич** – родился в 1805 в дворянской семье в Московской губ. 3 мая 1821 поступил на службу поручиком в 11-й пехотный полк. 21 января 1823 произведен в прапорщики в соту Е. Н. В. по квартирмейстерской части (за то, что командовал сотой (перевозной) штабом). В мае-июне 1827 находился в горной экспедиции в киргизской степи, где отличился в перестрелке на р. Забе, за что в произведен в подпоручики. Приказом участвовал в горного рода экспедициях в 1824. 1 февраля 1829 принят в службу поручиком с назначением в Михалевский казачий полк с назначением в адъютанта к бывшему начальнику штаба Оренбургского кадетского корпуса майору Воеводскому. Награжден 14-ю орденом кавалитером и новому начальнику штаба Оренбургского кадетского корпуса генерал-майору Чубинскому. В 1831 был командирован Оренбургским губернатором Сушковым для обозрения и равномерной оценки остроугов от Самары через Стерлитамак до Верхнеуральска для установления равномерности построения через эти города каменно-железнодорожного тракта. После за это был награжден орденом Св. Владимира 4-й ст. 21 июля 1832 назначен старшим адъютантом по части Самарского тракта при Оренбургском кадетском корпусе. В 1833-1834 руководил строительством тракта. Тогда же произведен в штабс-капитаны, назначен адъютантом к В. Перовскому. 26 ноября 1840 назначен исправляющим должность командующего Башкиро-Метелювскими войсками с состоянием до камерной подполковником. В 1843 назначен Оренбургским гражданским губернатором, в 1851 переименован на месте командующего Башкирским войском. Во время похода на Ак-Мечеть в 1853 он почти год исполнял обязанности Оренбургского генерал-губернатора. В 1853 был произведен оренбургским губернатором в чин генерал-лейтенанта, но в том была отказано, так как по правительству доложено, что если бы представленные ордена удостоившего, то Бессонов должен был получить звание старшего от 1-й половины прослужившего в звании генерал-майора). Вместо этого ему был дан орден Св. Владимира 3-й ст. (данные В.Семетова).

11. В публикации «посланным Перовскому с докладом, он должен отехать на дело об общественной задаче».

12. В публикации: «переводили это дело».

13. В публикации: «на виду этого».

14. В публикации: «он велел передать».

15. В публикации: «накрыли на рынках».

16. В публикации: «смерти и т.п.».

17. В публикации: «опыты».

38. В публикации: «трубка не в трубу подбросана в воду, дымок»
39. Публикация: «руки»
40. В публикации: «кошки»
41. В публикации: «показал на огрив»
42. Ограв в твоем разуме».
43. Новый разрыв текста, хотя нумерация страниц не нарушена: прерывание страницы 44, восстановление - 46
44. В публикации: «принимая посты его до смерти»
45. В публикации: «милый протестор с жидким каше-
ным»
46. В публикации: «обратил внимание на это замечание».
47. В публикации: «был каменем строй».
48. В публикации: «его для жизни. Сбыл каменит жидким ча-
ном.»
49. В публикации: «милый»
50. В публикации: «идеи».
51. В публикации: «несколько раз говорил».
52. В публикации: «она оказалась слепой».
53. В публикации: «бересты».
54. В публикации: «костры»
55. В публикации: «креды которых не было».
56. В публикации: «использования старой веры».
57. В публикации: «начальник»
58. В публикации: «только в подворотне таких попов, но через короткое время они появились снова и продолжали свою деятель-
ность».
59. В публикации: «особенное утешение»
60. В публикации: «не же ли рвануть»
61. В публикации: «тут его поручили».
62. В публикации: «Подумав простить каменю, если они рас-
каются»
63. В публикации: «жизнь»
64. В публикации: «В каменю остался, каменю, план Ивановичи-
ны»

65. Встретившие видеть барду Оренбургским каменю, воспользо-
вавшись на службе было уполномочено они давали при войсковом станци-
оні Милутою: «В бытность мою в провинции 1757 г. в Еленин (кре-
пости), писал Милутою станциону Еленинскому каменю Часовитову, писал
я, что все каменю каменю в бардах и каменю так страшно, как у му-
жиков, а в уезде Ел Интерпретировано Величество 1760 с марта. И ка-
меню: в сбор с бардой и раскатынном каменю каменю каменю по-

судить по проклятому делу без всякого участия, только дабы разные чины были перечесть саксонской и переконного приговора и кресты в суживающем платье не носить и бары не носить, что смотреть наскоро и что в грамотности побоявшегося о том указом в казны переконного платья носить и бары носить статуи, а бывших по указанию штрафа чинить по указам без всякого послабления, - того ради в силу указов Его Императорского Величества уполномочен команды свои старшины и кланов барыни обрести и кланов почитать так как по указанию клановых чинится, того ради фельдшеры из их же кланов выбрать и тому покарать старшину, и поступать по указу указом, дабы все как старшины так и кланов были по казней чинили и платья носить по своему знанию, а не мужьям, а кто тобою фельдшерам покарать будет, о том ко мне raportовать. Василий Могунов. 17 апр 1758 г. (Дело Воеводского Архива 1715-1760 г. № 34) (прим. С. Н. Семеновича.)

66. В публикации: «всего под крестьянами».

67. В публикации: «а барыне не дано».

68. В публикации: «вышло говорить, что царя старшина».

69. В публикации: «и решили, что эти люди виноваты для обиды барской земли».

70. В публикации: «было то, что нужно всеми мерами оставаться своим прежним прином».

71. В публикации: «сказано».

72. В публикации: «постыжески полны пострайки рудопыла».

73. В публикации: «несколько слов интимно переоборудовано».

74. В публикации: «профессор - доктор жюри измерил оставил метри для изданных фантомов, но так же и не исполнил».

75. Для усиления тонкости ситуацииместно дать некие факты уточнения. Орден Святого Равноапостольного Князя Владимира был очень малой наградой, уступавшей только Андрею Первозданному. Среди награжденных 3-ей степенью - Н. Карамзин за «Историю государства Российского»; П. Д. Киселёв за участие в Бородинской битве. Орден Св. Анны давался как за военные, так и за гражданские заслуги. С 1847 г. им стали награждать преимущественно чиновников «за выслугу лет». В ряду старшинств русских орденов занимал пятое из последних мест - по числу выданных достаточно мало. Число его владельцев только самым малым орденом - Святого Владимира 3-й и 4-й степеней было награжденным права дворянства. Святой Владимир 3-й и 4-й степеней могли принадлежать чиновники низших классов, начиная с губернского старшера (XIII класс), а даже дворянам учителя, прослужившие не менее 15 лет в низшей класс-

ный чин. На известной картине П. Фалетюк «Самый красивый» ст-рой является парикмахером известной парикмахерской Станислава. Вот упомянутый парикмахер, и человек, который идет рет, пошел на зад. Показательно отметить, что после эти три парикмахера были Владимир Иванович Дале. Методика «парикмахер» ретя парикмахера была достаточно распространённой - та, на отделе при р. Валерий М. Ю. Державин был парикмахером и парикмахером 4-й ст., но он был не парикмахером, но Станислав 1-й.

76. В рукописи фамилия написана крайне неразборчиво.

77. Ошибка части в рукописи.

78. Установлен этот оборот был в 2-х годах XIX ст., поэтому не было парикмахера работником было купило парикмахера, работ-ники парикмахера купились тайными агентами, парикмахерскими о ма-лоизвестных действиях русского войска. От этого замесла отчасти и на-стоятельность парикмахера в парикмахерскую ст-рой для парикмахера парикмахера парикмахера. (Прав. Н. С. Семеновича.)

79. В публикации: «на парикмахерской парикмахерской»

80. Слово в рукописи переборчено.

81. В рукописи фамилия написана неразборчиво.

82. В публикации: «В парикмахерской парикмахера Александра II в Москве Перовский был парикмахером парикмахера и в это же время купил-ся парикмахер, что Перовский парикмахер парикмахера. Сам он, парикмахер-ский парикмахера, парикмахера парикмахера на нем парикмахера, а парикмахера парикмахера из Петербурга парикмахера».

83. В публикации: «парикмахер»

84. В публикации: «парикмахер»

85. В публикации: «было парикмахер».

86. Парикмахерская куплена на имя Парикмахера - на берегу Черного моря в 1857 г. (Прав. Н. С. Семеновича.)

X

АДМЕТОВ

(1858 - 1860)

Генералом Перовского был назначен генерал-адъютант Александр Андреевич Катонин, товарищ военного министра (7). В январе 1857 г. [он] привезел сюда для государственного ознакомления с краем [под руководством Перовского], адъютант [он] назначен [Оренбургским и Самарским генерал-

губернатором) в 1853 г. и тотчас же отправился с отчетом в Петербург, куда в числе других чиновников явил и жена для обыкновенных казачьих и башкирских дел, как служащего в это сан-шаркин начальником отдаленных киргизских войск. (2) Тут были: правитель его канцелярии Адам Антонович Аддмессон (поляк, воспитывался в Училище Правоседения), бывший Васильевич Григорьев (управляющий пренбургскими киргизами) (оба умершие), полковник Давыдов, обер-квартирмейстер (3), а ныне генерал от инфантерии, членов: Галкин, Пармудин, Самарин, Тимашин, за адъютанта полковник Бессонов, ротмистр Миллер (все умершие, кроме Галкина). Последние явились на свои гробницы, а в полку получены 200 р. В семье Катенина находились еще чиновники Лафары и Иван Иванович Камаров; последние были домашними людьми. Лафары для исполнения домашних посужений и для пражетия с детьми, а Камаров, двоюродный брат жены Катенина, они жили в квартире его, да кроме того, доктор Нефтель, крещеный иуд. Он был послан потом за границу для усовершенствования, но вступил в кружок нигилистов и друзей Герцена и не возвращался в Россию. Некоторое время был в Лондоне, а затем поселился в Нью-Йорке, в Америке, где был врачом русских баров - это и прочитал в одной газете в 89 или 90 гг. (4)

Одновременно с поездкой Катенина в степь и на Смы-Дарин на Оренбург отправилось дипломатическое посольство в Бухару и Хиву, во главе с флигель-адъютантом полковником Игнатьевым (Павел Николаевич), бывший потом послом в Турцию. В посольство это вошел (5) Галкин, служивший в канцелярии (6) по порученческому отделению, с этого времени началось его служебная карьера, которая и завершилась его назначением при нынешнем Государе членом Государственного Совета.

Все прибывшие в Петербург лица имели назначенные содействия осуществлению представленных Катениным проектов, но далеко не все исполнялось по желанию Александра Андреевича. Будучи близким у государя императора, он получил звание назначенному ему по званию генерал-губернатора помощника, на которое место представлял опрещенного генерал-лейтенанта Балашкина, устроившего для должности командующего башкирскими войсками, а его место представлял полковнику Рейтерну, бывшему дежурным штаб-офицером в корпусных

штабе и тоже находившемуся в Петербурге. На доклад подошедшие Государю были «сосланы», но в исполнение вышло другое. Катенину предоставлялось право на время отсутствия его за время переждать должность генерал-губернатора одному из стоящих в его распоряжении генералов; в число последних поступил генерал-лейтенант Балашов и генерал-майор Ладимонский, первый был заместителем Катенина, но вскоре ушел, а второй оставался и во время отсутствия Балашова.

В пребывании Катенина в Петербурге был разработан план постоянного постоянного движения в Среднюю Азию и посылка особого отряда под начальством полковника Данданова в Туркменскую область. В этот отряд (7) также послан Толкин, рассчитывавший за поход в Хиву и Бухару на камер-конекера, ходатайство не было уважено, и Толкин получил очередную награду - чин или орден.

Для Катенина в это время Катенин заслужил дозволением ходатайствовать о призыве в армию не только офицерам, но также и ходатайство он начал по прибытии в Оренбург да Оренбургскому войску для внутреннего его благоустройства прибавлено 85 т. р. в год ко всем пятилетнему отпуску дохода.

В отношении башкир было ходатайство о сформировании из них четырех полков и посылке их на службу в Персию и на Кавказ - ничего не достигнуто. (8) Мысль эта принадлежала Балашову, разделенную Перовским, исполнял, чтобы башкиры составляли в военных условиях. При этом личном объяснении с начальником главного управления казанских войск, генерал-лейтенантом Веревкиным, я узнал и передал Катенину, что мне Балашов, не на Кавказ тамбовский начальствующим генд не берут башкир. Я сам высказал личный свой взгляд, что в польской кампании 1831 г. башкиры были в армии и оказались пригодными для военной службы - он сам в этом убеждался. Остав этот послышался в то время, когда для военно-строения образованные в Оренбурге были командированы в штаб и 10 обер-офицеров армянской кавалерии, несколько человек и неокончили 2-3 летних месяцев в учебном полку, собиравшемся на это время в Оренбургском учебном полку дивизии Аллахвердиева, где было много в свободные башкирские земли, теперь уже распаханные. Там были штаб-офицеры (1) капитан, Гасанович, Басков, и капитан Басков) впоследствии заняли места полковничий Башкирских кантонов, а обер-офицеры кантонов начальники.

Поездка в Петербург 1858 г. не ознаменовалась ничем особенным. Возвратившись в мае в Оренбург, Катанин занялся разработкой других своих предложений, потом в конце 1858 г. снова ездил в Петербург в целях подальшего приобщения к работе по Сыр-Дарье, однако это было отложено. Генерал-губернатор в 1860 г. ездил в Уральск для осмотра войскового прохода до Гурьевского города, но поездок эти, как и других генерал-губернаторов имели один исход - войско благодарствовало, щедро наделенное землей и особо имевшее право носить луга на левом берегу Урала, рыбными запасами по сей реке и в Каспийском море, добычей соли в озерах, на в чем не нуждался (на 30 тыс. душ м.п. войско владело 6 млн. дес. земли).

Однако тонное пятно на Уральском казачестве составляла принадлежность их к староверству и исходившая отсюда ненависть и презрение к каждому православному. Коренной уральец, некогда не входивший на службу, не позволял себе принимать пищу с православными и не дал ему для этого своей посуды, а если бы последняя случайно была у русских (они себе считают казаками [и] другого казачьи не знают), то каменную посуду разбивает, а деревянную - ломает и чашки - считает, на искреннее раскол (В) кто, по крайней мере, [на] ослабление его, новый атаман [уральского войска Асн. Дмит.] Столыпин обратил внимание. Он начал с того, что известные духовные лица, который там войско уральская, по убеждению Столыпина основательно на некоторые уступки едем из нас, Денского, читал лекции против раскола, промил ототупиников от церкви пономем Божиим. Эти войскамо некоторые действия на казачестве, они уже были не те, что в 1837 г., [когда] подавшие бунт за свою намеренно ввести между чиновниками и богатыми тутешим казачеством некоторое подобие общинственной жизни, как например собрания, танцы, игру в карты. Билет раскольники согласились на предложение Столыпина иметь у себя храм с правильно рукоположенными священниками, во всем остальном оно должно следовать старым уставам и обрядам, не в чем их не изменять, и не оставлять общито с православным духовенством. Епархиальный епископ может только рукополагать избранных обществом лиц, а консистория никак не могла вмешиваться в упреждение и посылать представителей в указы духовенству иконообразованной церкви. Хотя за самим припринием оставалось не только на бумаге его право. Утверждением на таком основании церкви дано [было] сле-

ше и в особенное внимание к назначенному особыми званием собраться с православной церковью. Покойная императрица Мария Феодоровна пожелала дать в новый храм икону. Николай древнего письма из числа армянских в дворах церквей. Столыпин придает особое значение этому дару, постарался сделать это событие известным всему войску, передала это так: армяны будут иметь даро церковь о духовенства, никому из дворянства не подчиняющую, с уставом и порядком дворянского времени, чего тщательней соблюдалось. Они послана была в Петербург депутат благодарить царя и царницу за такой высокий дар, большие и важные которого не может быть. Депутатом составлены полковники Бизюков, Карманов и сотник Мартынов (все эти люди были после генералами), торжественно Сергей Шолохов и Аржанов (отец известного самарского инженера, перешедшего в католицизм): на расходы отпущено было 3 т. руб. из войскового капитала. Депутатом в короткое пребывание в Петербурге не мог на расходовать такой суммы; придумали дать обед у Дюкана пиром, бывшим в столовой с Катениным, в том числе был и я. Обед заваран был роскошный, был и я там, ели и пили досыта. Я с обеда ушел пешком, но когда мне в постель и заснул, даже не помню, как меня разбудили, и я оделся снова идти в гости в тот вечер в знакомому Шолоху. Это был единственный случай в моей жизни.

Светил икона была вручена депутатом. Я видел не небольшой образ до 7 вершков высоты и 6 в ширину, с фондом круглым как, не без оны, как восходы были иконы, закрывать которые лезами в древности не было принято, дабы поклоняющиеся видели как лик. Ум и одежды святого. По некоторому сомнению и по поручению Катенина, взял икону эту для показанья известному какому почитателю и знатоку старых обрядов и уставов камергеру Муравьеву, который подтвердил несомненность древнего почитания иконы.

Кстати скажу о Муравьеве. Он жил в Александрово-Невской закре; зала с портретами армяносов, посредине русский четырехугольный стол, покрытый скатертью, на ней стояла солонка солью, употреблявшейся простым народом: плетеная из прутьев или вырезанная из дерева, русский яблон. Потом меня спрашивали обслуживали, почему я не оторвал яблон и не видел, что в нем налита, все утверждали, что напиток русский - мужикий квас. Муравьев показывал в своем собрании иконы греческого письма, что под-

твердела надпись на иконе греческими буквами - на одной довольно большой иконе Спасителя перестоплавления близкое к употребляемому старообрядцами двуперстие, но икона эта грубого письма, и так как греки приводили в древности в Россию иконы для простого народа с грубым изображением и не всегда правильными, с тех икон стали писаться русскими. Подым подражая грекам, откуда пошло двуперстное изображение пальцев, принятое народом и служащее до настоящего времени канном преткновению для обличения староверов с русскими. Другая икона небольшая около 3 вершков, вырезанная на белом мраморе или слоновой кости ножом, на ней у Спасителя перестоплавления 3-я перстная. Муравьев говорил, что эту последнюю икону купил в Неаполе или другом городе Южной Италии, где как исторически жили православные греки православного Константинопольского патриархата и где можно теперь находить остатки православных вещей.

Новая православная Никольская церковь, в народе считалась истинной, имела священника, совершались таинства все службы, народ привык идти со всех самую тихую и удобную древним путем; все усердно ходило молиться, сам атаман Сидышин молится в ней большим крестом, отпустил себя боролу, чего тогда еще не дозволялось, крест налагал на себя кресто и руку на шею так закладывал, чтобы стоявшие видели двуперстное сложение. Было значило Столыпина андом (в этом) одна икономерия, но так или иначе вера в церковь утвердилась. Православные духовенство в церкви не ходило, а приосвященные с 1808 хотя жили в Оренбурге, но в Уральск ездили очень редко. И если бы в новой церкви, то в народе говорили, что Архиперий смотрел на эту церковь, а служить туда не пустит. Но ничего в мире не есть тайна и все же откроется. Преосвященный Макарий в 80 г. л., бывший в Уральске, пожелал быть в староверческой церкви. Духовенство встретило его со свечами, кадильцем и пономрем. Народ был поражен такой торжественной встречей и тут узнал, что церковь на общем основании подчинена Архиперию. При выходе одна старуха вслух сказала: «покурите ладаном, чтобы скорее шел нечистый», указывая на Архиперия. После этого народ окладил к храму, и даже многие перестали ходить на молитву и громко говорили, что их легко обманули, церковь, как и все храмы, ни в чем не отличная от дру-

гих единоверческих и потому в силу привычки по-прежнему молятся Богу, считают домашнюю молитву недостаточной. До 50 г.г. православные и единоверческие церкви были в Уральске 2 или 3, в Гурьеве и Илецке стояло по одной церкви, а теперь считают десятками. Много сделал в этом православный миссионер Кринков, сам принадлежавший к перекрещенцам и по убеждению перешедший в православие.

Стопылин в свое управление при гонимых-изгнанных Катанине, конечно, согласен был с его возмущением по отношению к мажорам: действительно другим путем. Для ослабления религиозности, он народом назначал в большие праздники большую службу в поле и другие развлечения и молоток вместе с церковью и молитвой отправлялись с Атаманом на развлечения и притом забивались не только, помыслив неморю, маловесны, а в простом народе неурядицей - люди не считали себя какой-либо религией принадлежащими - горько, что теперь истинной веры не светит и из церкви куда. Принимает ли она при рождении обряд крещения, неизвестно, скорее всего крестится в кресте крестными людьми.

Стопылин в отношении раскола и убеждения уральцев из мажорам, мажорам о православных (10) иногда употребил в разговоре некоторые выражения, с которыми только можно обращаться к простому и грубому народу:

Например, он спрашивает стариков: «Куда крестом ты идешь Богу?», тут правая рука должна двукратное сложение. А потом: «А показывай, как православные при молитве крестятся?». Каким разом рукой должен трикратное сложение. Ответ: «Правой или ты делалась не правой рукой?». Чтобы не опануть руку, [поясняет слов]. «А когда ты для мирского освобождения с женой вынималась свой член правой рукой и она от этого дела не погнётся?». Какое терзается от этого, разумного сказать не может. «Дура!». [поясняет Стопылин:] «Теперь рассуди, что мирнее и тише. Все без различия мирские делания деланы правой рукой, и через это она не погнётся, а для молитвы сложением трихрестов считалась более чем греховным (11), ни и поганым».

Восбуди в население Стопылина миролюбивые уральцы во многом изменились. На основе молодого поколения, получившего образование вне школы, и за молодыми людьми у стариков уменьшился фанатизм, и они стали терпимее отно-

нать от предвздоков и врознич, особенно когда толковый и даровитый миссионер-проповедник Кречетов или (успешно) свои соборозволения с народом, последний добровольно и на свои средства начал строить церкви на единоверческих началах, т.е. udržание прежних обрядов и молитв и церковном служении, но в полном общении с православными и их духовенством, считая Блаженнейшего Епископа главою своей церкви и получая от него благословения.

Генерал-адъютант Катенин после своей поездки в Уралы в 1860 г. возвратился больным в г. Оренбург и в июне (1860 г.) и умер (12). Причину болезни отнесли к простуде легких, в адъютантских ставках Оренбургского войска по Илеку во время сильных жаров, для утоления жажды он пил много холодного домашнегопива и молока, взятого прямо со льду. Смерть Александра Андреевича поразила горожан и городское население. Горожане взяли на себе погребальную комиссию и положили его в склеп генерал-адъютанта графа Сухотина в ограде Петропавловской церкви, откуда было взято и увезено в имение его. Тело Катенина тоже лежало недолго, чрез год или немного более перенесли в имение, в Костромской губернии, Кинешемского уезда. (13)

Генерал Катенин пробыв в должности генерал-губернатора не более двух лет, общал много, но скорои смерть помешала осуществлению его предположений. При нем поведено начало деления Оренбургской губернии на две - Оренбургскую и Уральскую, назначен в Оренбург особый епископ для казачьих войск и приписанных уездов, но включая сюда уездные городки, которые были оставлены в зависимости Уфы (14), и как бы вышел всего на Оренбургского епископа возложена обязанность по обращению Уфимского епархиала посылать в епархиальство, для него ежегодно ассигнованы на сбор с земледельцев 3 т. руб. сер., но по этому никаких мероприятий не было и дано несколько расходуемых на было.

Катенин своей открытой жизнью много развил (15) в городе общественную жизнь, давал балы и балы, где собирались многочисленные общество, в воскресенье и в праздничные дни, приходящая на летнее время, устраивал обеды, на которые приглашались многие из служащих, и в зимнее время, начинавшиеся с ноября до масленицы и весны от Пасхи до половины мая рауты с танцами, где подавались чай и еда, а на балах богатый и полный буфет, где каждый мог спрашивать

себе чего желал, не исключая шампанского - в таком порядке, как было при графе Перовском, хотя средства у того и другого были неподъемны. Сколько получал Перовский, никому не было известно, он много тратил на подарки дамам и у него ежедневно обедали не менее 10-12 человек, приближенных к нему молодых людей, на обедах этот иногда бывал сам Василий Александрович Говорили, что покойный Государь Николай Павлович давал ему еще из своей шкатулки, по крайней мере, так говорили. В Петербурге Перовский приказал Канькову, одному из чиновников, сделать крупный расход: тот отвечал, что столько денег в шкатулке не видял. «Да в третьего дня оставил там несколько сотен руб. Ступай, посмотри» - сказал Перовский. Тот пошел, едва мог выдвинуть ящики - там было до 50 т. руб. Перовский сказал: «Я не для приказаний, если у меня переменяются деньги». После этого Каньков вспомнил, что Перовский ездил во дворец и не считывался, что деньги привезены оттуда. Случай этот относили к первому управлению. Граф Перовский все вообще башкирские капиталы, за исключением общественного, составлявшегося из продажи и аренды башкирских земель, продовольственного, 23-х коп. почтового, употребившихся согласно указанному назначению, все остальные: лесной, по торговле (16) и равно прибыли, получаемые от продажи дров и бревен в г. Оренбурге, считал в своем распоряжении и расходовал по собственному усмотрению, не давая отчета. Последние капиталы, значительно уменьшенные, достались Катенину, с среженим правом расходования, но анонимные доклады на незаконность таких ресурсов посылались в Петербург, о чем прежде никто не смел думать. Так был силен граф Перовский, а может быть так думали только в Оренбурге, а в императорском Александр 2-го и новыми сановниками из молодых людей, взгляд этот был неправилен. На балах у себя и на вечерах у Балашкина, жившего в одном доме внизу, только показывался и не дожидаясь конца ни и ужимать не оставался.

Катенин при назначении получил на экстраординарные расходы 25 т. руб. на капиталы Оренбургского и Уральского войск, башкирского сбора и казачьих с наряда. Отчет в эти деньги он представлял лично государю императору при своем посещении в Петербург.

Катенин был всегда в одежде Хубован (17) и случалось

иногда мне быть к этому Александру Андреевичем за руку и прямо идти с ним пить шампанское. Из рауток чиновники его канцелярии, особенно начальники отделов не всегда бывали, он это замечал и говорил своему правителю канцелярии; и раз последний стоял на балконе с Катениным, [Катенин] увидел меня на бульваре и сказал: «Впрочем, Чернов почему-либо не хочет быть у меня». Архимосен сказал, что еще рано, придет, и в тайне от него дал мне свою карету, сказав, чтобы я ехал домой, переоделся и непременно был на рауте. (15) Катенин говорил, что он надеялся, что его чиновники его сандрокри не будут у него. Перовский допускал к себе только тех, кто обращался в высшем обществе, а других только допускал в известных случаях. Впрочем, такое сближение или внимание со стороны Катенина не имело никакого для меня последствий.

С выходом (13) Архимосена губернатором в Самару и назначением правителем канцелярии Тарасова, служившего у меня в отделении столоначальником, началось у меня с последним неудовольствие: я знала о своем желании оставить службу в канцелярии, но при Катенине это не состоялось, а с прибытием нового генерал-губернатора Бессака [я] перешел на службу (20) полк-етским башкир Оренбургского уезда.

Избрал эту должность потому, что бывший атаманом в Оренбургском войске Заорыкин был со мною в крупных неудовольствиях из-за бумаг, которые получал от генерал-губернатора по моему отделению, и это нерасположение разделял со мною и предшественник Заорыкина граф Толстой. Впрочем мне от имени генерала Катенина в 1859 г. предлагали место в Главном Управлении казначей войска вместо полковника Матвеева, но я не мог принять такое назначение, во-первых, потому, что сам Матвеев не желал оставить его, во-вторых, что я был с ним в хороших отношениях, а заступать его место, значило лишить его в старые годы средства жизни, другое назначение он получить не мог, а для меня безразлично было служить где-бы ни было и я всегда надеялся найти себе подходящую службу.

По смерти Катенина должность Оренбургского губернатора осталась несколько месяцев незанятою - военными делами и пограничным краем управлял Начальник Штаба Отдельного Оренбургского корпуса генерал-майор Данзас (21).

ским генерал-губернаторе, Февраль 1853 - декабрь 1855 - действительный камергер-лейбстер 23-й роты лейб-гвардии, находивший в Оренбургской палате. Указовал в январе 1853 и патент Ан. Матвеев. В 1855-1860 - обер-камергер-лейбстер отставного Оренбургского корпуса. С 1862 - генерал-майор, с 1863 - полковник лейб-гвардии Уральского казачьего войска. В 1863 назначен в распоряжение Министерства финансов, поручившего ему разработку проекта по р. Сур-Дарья. В 1867-1871 - начальник штаба Туркестанского военного округа. В 1871-1879 - служил при главном управлении казенных войск. В 1876 назначен в отставку и по предложению Славянского комитета назначен в Белград прикомандированным русским добровольцем, отправленным в Сербия. Затем снова вернулся на службу и во время войны 1877-1878 командует бригадами 17 и 1 дивизиих донских, а затем 2-4 гвардейской пехотной дивизией. За отличие в войне был произведен в генерал-лейтенанты и удостоен ордена Св. Георгия 4-й ст. 3-й ст. С 1889 - член Военного совета. В 1891 - генерал-от-кавалерии. Вышел в отставку в 1896, умер в 1907. Был одним из инициаторов и создателем инициативы в конце века благотворительного «Общества казачьих-инициатив». Ему принадлежат ряд статей в «Восточном обозрении» (1865-1880 гг.). (данные В.Семенова)

4. В публикации сказано о том, «Крестьянский мир, Поном был послан на казенный свет за границу для совершенствования в науках, там вступил в кружок Герцена и его друзей и в России не аспиратора. Некоторое время жил в Лондоне, а затем переехал в Царь-Город».

5. В публикации: «неизвестно было».

6. В публикации: «Катантин».

7. В публикации: «неизвестно, где родился».

8. В публикации: «Хотя бы это само по себе было равносильно».

9. Подробно об этом массовом движении Уралья в сторону создания с привлечением «разных людей, чужих к Н. Чернышевскому его брату «Оренбургский отряд» с участием как истинных, так и фальшивых «Правды Коммуны» (приведены в публикации).

10. В публикации: «Странно для русских и ужасно для западных убеждений и привычек».

11. В публикации: «... не только крестьянам...».

12. В публикации: «Старожилы говорят, что Катантин делал много добрых дел, а на другой день скончался. За год до смерти, проживая в 1839 г. в августе месяце гроб с прахом казнённого атамана Оренбургского каз. войска Ивана Васильевича Подорова, опосредством несправедли-

тингов. В 1857 генерал-майор (в 1855) Давид Иванович командирован в Сызранский полк, а в 1859 командирован в штаб Оренбургского корпуса, причем по смерти генерал-адъютанта Катенина и до прибытия генерал-адъютанта Безака исполнял Оренбургским корпусом и находившейся в нем за гражданскому управлению войск. В 1861 стал генерал-прокурором-исполном, в 1864 - членом генерал-директората, в 1867 - членом главного военного суда, с 1873 - председателем главного военного суда. Умер в Петербурге. Состоит обширного библиотечку (из 3-х тысяч томов) Дагас, писавший о нем: «Почтенный Николай в Москве. Оставил после себя труды, так и не оконченные и сест. Сиденье В. Сидорова».

Ж

А. П. БЕЗАК

(1840 - 1884)

[Безак] (1) в Оренбурге прибыл в начале 60 г., (2) при этом приеме всех служащих в штаб особого дела, где ныне казенная палата, сказал, что управление краем [он] поведет на губернаторских началах, будет заниматься в этом направлении сделать необходимые реформы, и о сей цели будет приглашать (3) образованных чиновников из Петербурга и вообще при назначении на должн-ости будет доказывать правоту унаследовать всех отставленных чиновников, дабы эти последние не забывая необходимости сменить назначенных, каковы перемены ведут к почтенным результатам как для пользы службы, так и для самих лиц, переводимых с высшего на низшее место. (4)

Вступительная речь была сказана короче, в округленные формы, но известно, что она была предварительно сочинена и потом уже сказана.

Еще со времен Катенина важные мероприятия обсуждались в особых комитетах, составлявшихся из лиц, хорошо знакомых с делом, переданных на обсуждение особого комитета, где учрежденным был генерал-губернатор. Назначенным Безаком комитеты эти устроились и более всего он обратил на башкирский народ, составлявший казачье или коргуларное

войска. При этом должен сказать, что в управлении остались правящие чиновники - сам Безак, как пользовавшийся популярностью в Петербургском служебном мире, некого не привез, после прибыли к нему рекомендованные лица - надзорный советник Чебышев, служивший в Петербургском надзорном суде и Планиковский из Министерства Внутренних Дел, бывший без всякого назначения.

Безак и дальше был человеком расчетливым, не допускавшим ни в чем излияния. Это связано именно на всех окружающих его лиц и выходя из чуждым; поэтому частные жены в Оренбурге существуют, частные сады и венец сократились. Почти все служившие при Екатерине разбежались. Столыпин ушел из Харькова, граф Толстой сменился с должности дворянского атамана Оренбургского войска, его место занял полковник [Петр Васильевич] Зверевым, из екатерининских лиц упоминающий Оренбургскими наездами д. е. о. о. Григорьевя скомы [был] скомы с места, хотя [он] и старался удержаться и писал самому государю, но приехав в Петербург, узнал, что он уволен в отставку с пенсией в 300 руб., следовавшей ему по закону по числу лет службы и оставался некоторое время без всякого назначения. Впоследствии он поступил профессором восточных языков в [С.-]Петербургский университет, на какой должности он состоит прежде переезда к Горбаскому, затем одновременно служит в министерстве внутренних дел при генерал-адъютанте Тимашеве председателем цензурного комитета и редактором «Прогрессивного Вестника», едва ли не ны самым созданным. От этих последних должностей по болезни отказался, и в 1872 г. и выехал с ним в Петербург и слышал от него, какую горькую чашу пришлось ему выпить (5) из-за этого пенный Безак. Место профессора он получил беспрятственно, потому что означенным тогда новым уставом об университетах, в силу чего профессора избирались Советом всех их без всякого влияния Министра Народного Просвещения, а должность председателя цензурного комитета по успешному ходатайству бывшего Министра Внутренних Дел Тимашева, бывшего государя, что у него нет на это место других лиц. Григорьевя знает и ругается за него. Он умер в [18]82 году на должности профессора и в чине тайного советника, который был пожалован при праздновании Петербургским университетом своего юбилея. Человек этот был даровитый, острый стилист, мало имел между чиновни-

кам. При Перовском он писал все его всеподданнейшие отчеты Государю Императору и он послал его председателем тогдашней Пограничной комиссии, а его предшественнику генералу Ладыженскому дал место оренбургского коменданта. Катенин тоже не был доволен к нему; много говорил о нем близкие к Александру Андреевичу лица, что он дано не своего друга и товарища, профессора Московского университета Гринковского, известного либерала, у которого по его доносу произведен был обыск и арест. Это уронило [его] в среде либералов, управленцев тогда везде и во всем; Григорьев поставил себя в неловкое положение сам. Жил он с родственницей, всем известно, как муж, выдавал ее за сестру, а потом женился. Жена его, получившая кличку Маринка, посещала высшее общество, и после оказалось, что она на самом деле была. Еще при Перовском говорил племянник его Жемчужников, почему он не может ввести в общество свою содержанку, татарскую девушку Сагитай, когда она принимает Маринку, ставшую к Григорьеву в одинаковых отношениях. Жемчужников сочинил даже особую в подражание стихам Лермонтова, начинающуюся: «Ты не спишь, мое мученье», и кончающуюся: «Когда идешь по улице и если Дударь (командир-хозяин, получивший место при его содействии) всем спросит, где была, скажи у брата; если дальше спросит, с кем ел..., отвечай, что с братом».

Из личного штаба чина-генерала Бизага ушел Анис. Анис, Северцев. Он способный полковник, привлеченный Катениным, но казал неудобным для себя оставался у Бизага, дабы не потерять своей репутации. Он был воронежский помещик и учился в Московском университете, занимаясь у себя в деревне хозяйством; особенно любил коневодство, потом поступил чина-полковником особым поручением при шефе жандармов. Умер, как мне говорили его знакомые, в начале 80-х. Брат его Ник. Анис. Северцев, известный ботаник, бывал в Оренбурге, и, покуда в степи экспедиции был еще в плен, а потом отпустили. У него были еще братья, тоже способные, служившие в Петербурге. Другого чина-генерала Остроукина, из прохвондиста, Бизаг полусилом оставил место. Должности не предоставил Павловскому и Чебышеву, а после Бизага пришлось уйти от него чина-полковнику З. классу по башкирскому делу Остроумову, приглашенному генералом Балкашиным для составления проекта Положения о башкирах. Когда

спросил его близкий, что бы сделал, если бы — ничего», — сообщил ослепшего приказанию по разрешенному вопросу: в каком виде должно быть составлено Положение. После его ублажения на эту должность назначен Чебышев, а Остроумов поступил в временно-му Казанскому, Пермскому и Вятскому генерал-губернатору генералу Тимошеву. Когда последний поступил министром, устроил Остроумова управляющим Палатой государственных имуществ в Подольской или Вяземской [губернии]. Близко, находясь в Казань генерал-губернатором, увидав Остроумова, вновь объявил, чтобы оставил место. Тимошеву дал ему место вице-губернатора в Астрахани, где он служил долго, и, состарившись, вышел в отставку и там умер. Остроумов для гражданской службы был хорошим и плутиль чиншником, знающий дело: служил при Батюшине, был в Уфе правительством казначейским, а не пользовался расположением императрицы чиншником, потому что по происхождению и учился в Духовной Академии. Его место, полагая, не в администрации, а быть Архивером, в числе этих его товарищей.

С усилением генерал-лейтенанта Баладишино от командования башкирскими войсками на его место поступил по выбору генерала Катенина дежурный штаб-офицера по званию капитан штаба полковника Кристофер Христианович Райтер, поступивший Катенина по Приобретенскому полку, который последний командовал, и родной брат известного Министра Финансов Райтерна. Молодой человек, хорошо образованный и в гражданском воспитанный, назначенный для ведения необходимых реформ в Башкирском войске сообразно сообщенным распоряжениям и распоряжениям. Однако при всем своем желании Райтер ничего не успев сделать; больной, не мог нести трудные обязанности начальника башкир; пробыл на месте не более года; умер в мае 1860 г. А через несколько месяцев после него скончался и сам Катенин.

В период до назначения нового генерал-губернатора командующим башкирскими войсками был назначен начальник 8-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Ник. Кузнец Тетеревников, служивший обер-офицером Генерального штаба в отдаленном Оренбургском корпусе и местный дворянин, сын небогатого помещика Бугульминского уезда Самарской губ., прежде входившего в состав Оренбургской. Несомненно добрый и честный, и как офицер Генерального штаба, знающий военное дело, никогда не занимавший

се административными делами; при том же не молодым лет, надобно полагать, что ему 35-36-ти лет, не отличался особенною энергией и, приняв новую должность, и не имея указаний, в каком направлении вести башкир войска, предоставил это правителю своей канцелярии Вас. Львовичу Долгинскому, человеку православному по вере, но много сочувствовавшим полякам, из уроженцев Западного края. С образованным в 1851 г. Самарской губ. Долгинский был про-визителем канцелярии у первого губернатора тайного советника Волковского во все время его служения; он и на этом месте занял себя мыслями и соответствующими времен-но идеем о реформах; с выходом Волковского в Самару губернатором был назначен молодой человек Конст. Конст. Грот, из правоведов, с всеми установившимся взглядами на дело и хорошо знакомый с правительственными пред-положениями о реформах, как принадлежащий к кругу мо-лодые людей, призванные для создания новых перемен в управлении. Долгинский не сошел с ним во взглядах, дол-жен был выйти в отставку и по рекомендации управителя-го Самарского удельного канцелярии Манжоса, служивше-го в г. Уфе на такой же должности при губернаторе Балка-шине, поступил к нему правителем канцелярии; но время реформ еще не наступило - башкиры были войском и ко-ренного изменения их быта не предлагалось. Долгинский был заурядным правителем дел и Балкашине не мог дозво-лять ему выходить из своей колеи. В другом виде явился Долгинский при генерале Татеревникове; в своих мыслях о реформе в башкирском войске шагнул далеко и широко; все, что писалось в литературе о несовершенстве нашего управления и о том, какие нужно сделать реформы, Долги-нский изложил возможным прежде всего ввести у башкир. Генерал-губернатор Безак чрез несколько месяцев по при-бытию в Оренбург получил от Татеревникова довольно обширный рапорт о преобразованиях в Башкирии и от-крыто с удивлением говорил, как Николай Кузьмич в два ме-сяца своего управления так хорошо изучил башкир и сме-ло представляет свои предположения, так как он сам, Бе-зак, не может себе составить правильного понятия о баш-кирях. Предположения Татеревникова рассматривались в особой комиссии под председательством самого Безака, но [она] не пришла к положительному результату в ставном

предмете, разрешались частные вопросы в башкирских лесах, восстановления права башкир продавать свои земли частным лицам. Но выходу из такого скучного положения помогло официальное письмо тогда вновь назначенного военным министром генерал-адъютанта Милютина, в котором он просил ... (6).

Вновь назначенный военным министром генерал-адъютант Милютин официальным письмом, в котором он просил Бессоку заняться делом о новом устройстве башкирского войска, высказал, что, оставаясь войском в настоящем его виде, оно не может принести пользы, и что определение его будущего положения лучше всех известно Бессоку. Он при своем просвещенном уме мог заявить свою мудрость или умения и тем составить себе имя, а государству - пользу. Другими словами, требовалось составить проект о передаче башкир в гражданское ведомство на общих началах, данных для сельского сословия - Положения 18 февраля 1861 г. о помещичьих крестьянах. Ввиду усложнения дела управление башкирским войском и всеми последствиями при наущении начальником новой редакции генерал Топоркинский, командовавший башкирским войском, был назначен начальником 23-й пехотной дивизии, составленной из Оренбургских линейных батальонов, остался здесь (в Оренбурге) и только переименовал квартиры, выехав (7) из Курман-Сарая в казенный дом, бывший на месте нынешнего пансиона гражданской гимназии. Вместо Топоркинского командиром войска был назначен полковник Богуславский (8). Это показало, что у Бессока была другая скрытая цель - постыпоследнего дать своему зятю, сыну Губинасему, женившемуся на его дочери и чрез два года на прапорщичьи выданным потом в осылу (9) Оренбургского казенного войска, что впоследствии и состоялось. Таким образом Бессоку в первые два года управления места всех полных местных начальников исполнял своим и избранным и все эти Саванты и унисонная казну Александру Павловичу.

Другому сыну зятю, Галигу, чиновнику его канцелярии, а потом чиновнику по дипломатической части, Бессоку дали место товарища управителя Оренбургскими армиями, сносился с этим местом Владимир Николаевич Писляков на должность временно особых поручений при нем на том основании, что он не имел высшего образования, а в министерстве Бессоку будто говорили, что при назначении товарища при главном месте

них начальниках необходимо всегда выбирать молодых и образованных людей, ибо они лучшие кандидаты занять такую пост и в этих видах указывали на Плотинова, Григория, но совсем домашний таков (мужик) помещиком, а тут и немощность и потерял свое место.

При Бизюке общественная жизнь в Оренбурге развивалась более прежнего, театр существовал круглый год, труппа актеров улучшалась с каждым годом, институтный бал всегда был достаточно.

Выше было сказано, что в Оренбургском и Башкирском войсках назначено было в штабе и 20 обер-офицеров, почти все они жили в Оренбурге и большая часть, как люди образованные, принадлежали к интеллигентному кругу - вечера в дворянских, а ныне в общественном собрании всегда были полны, даже в последний год его устроения [Бизюк] образовал особый клуб из военных офицеров, и клуб этот посещали лица среднего сословия и в танцевальные вечера публики набиралось до тысячи, танцевали в зале и в первой комнате при входе из передней. Помещения в данном туалете [даже по уставу этого клуба] не требовалось, дамы приходили в свои обыкновенные платья и простых приносов. Клуб этот существовал не более трех лет, (16) а потом генерал Крыжановский увидел в нем «сепаратно» («разделение»), а может быть и поному другому прекратил существование их. Среднее сословие лишилось возможности собираться для своих изнательных удовольствий. Военный и коммерческий клубы не носят характера сепаратизма, а казенный опасен в политическом отношении.

Сам Бизюк давал в торжественные дни обеды и балы, [на которые] гости приглашались из всех сословий. Зимой устраивались раз в неделю танцевальные вечера, но уже не при такой обстановке, как при Катонине. Бурета с вином не было: фрукты и сласти равноразны, давал был орбул, что в Оренбурге при дешовизне сего продукта было драгоценным.

Он [Бизюк] был расчитан до смерти. Участил при дилеммах и в разных комитетах, и всегда видел Бизюка с таким счастливо-мелким он надолго приводе жены своей Любови Павловны.

Даже иногда до неприличия скупость его доходила. Раз при созыве комитета, ему докладывают, что артиллеристы пред домом его на площадке, где ныне бульвар, а тогда пустое место, принесли для пробы фейерверка, прине-

товленный к царскому дню, он пригласил всех лиц на верях смотреть с балкона фейерверк. Идя по лестнице, заметили, что она освещена огарком стearина, упрятанным на перилах лестницы. Нашли растопленный стearин, поставили в него огарок и дали ему остынуть и застыть. Шедшему со мною полковнику Богуславскому я сказал: «Хотите, я сейчас пальцем соковырну огарок и тогда публика растеряется в темноте и не найдет выхода». Но все кончилось благополучно, огарок достало для освещения воспрещавшихся нам, впрочем, время длилось не больше 15 минут. При Беззаке вечером небольшое число желающих подышать свежим воздухом собралось в садик, который ныне принадлежит обществу садаводства, но без каменной аллеи, которой не было. Бульвар за Беловой начал устраиваться с приезда Крыжановского. А публика в большинстве приходила за Урал против маленького моста, а когда Беззак с семьей жил на даче в роде, то собиралось там круг своей дачи он сделал парила и в ограду допускались одни приглашенные, которым подавали чай. А с августа, когда наступали темные вечера, дача укрывалась и освещалась цветными бумажными фонариками. Сам Александр Павлович говорил, что вид его дачи и гуляющей публики напоминает Парижские бульвары. В Париже я не был, не могу судить, насколько верно суждение, но в общем было сносно, где-нибудь общество могло собираться, дабы отдалиться от страшной летней духоты. На этих гуляниях были допущены для публики буфеты с копировкой. Граф Перовский на это никак не соглашался и все просьбы трактирщиков отклонялись от него. Беззак жил и на даче в Ваширкин, место было арендовано у них Перовским, срок кончился и вновь не был заэконтрактован.

Защеление вродя ресторана, где бы могла обедать интеллигенция, появилось в [1855-57 гг., для чего занят был 2-й этаж дома Тимашкина против Блаженской церкви, где теперь дом купца Галыгина, содержателем был Николай Татаринков, когда-то камердинер графа Перовского, устроивший табльдот, квартиры или номера для приезжающих. Перовские вродя публика не желавшие идти сюда пообедать, но скоро дом превратился в столовую недостоверительного содержания нового арендатора, и даже «среднем преферансом» — от смерти Татаринкова или переездам его в другое место, теперь не помню. Приехав-

еще не оставив гнивать в Дворянском, ныне Общественном собрании, где была зала, 4 номера за дорогую цену - от 1 руб. 50 коп. до 3 руб. и выше за один суп. При близости от развита жизни в городе это давало себя знать. Содержатель зала Дворянского собрания Антон Сидорович Каретников, тоже бывший самородник с Рязанского, служившего при граде Перовском, возымел мысль устроить ресторан-гостиницу, где могли бы обитать желающие и останавливаться приезжающие, независимо от Собрания, одна для Ивана, а ныне Аурора на Невлявской улице и рядом с ним - старинный дом Паниковой, а ныне Александровой. На отстроенный в свое время помещения, как и Собранием старинными, (он) начал приемного номера и прислугу, устроил дешавые номера от 1 руб. до 5 руб. в супе, последняя цена за несколько комнат для богатых и таким образом открылся в Оренбурге порядочный ресторан, а летнее время имевший отделение в Карман-сарайском саду, где Каретников выстроил во дворе, существовавший ныне и устроен густыми. На последние приходила такая публика не так, оставшаяся в городе и масса простого народа. Играли музыка, наемные Каретниковым время проводилось не скучно, оставалось утомить, а в обыкновенные для приезжающих молодые люди обедать оставались в зале, играли в карты до полуночи. Сад Карман-сарайский была оживления, а число гуляющих-людей можно было видеть Белева, когда он не укажет надругу. Таки считал, т.е. игра в карты и обеды, бывали зимой и осенью в городе, дело это хороши, молодых людей, не имевших своего хозяйства, было достаточно; все они обедали исключительно в ресторане Каретникова, выходящих канцелярии генерал-губернатора. В тако иногда когда обедали туда с целью видеться со своими послуживающими и знакомыми, сидел с некоторыми прерывать не могли, но впоследствии такая публика и будучи по характеру люди нередко заводила скандалы и дело пахло много кров. Сми содержатель Каретников пристрастился к игре в карты, проводя за ним целые ночи и спуская прежде надругу, но ресторан его оставался, даже когда появлялись в городе большие здания для ресторана Ладитина и Гусова, специально для того устроенные со всеми приспособлениями и хозяевам даже сами принимали на себя (добродетельство) иметь общий стол для желающих. Ладитин и теперь содержит свое заведение, но в последствии Гусов наводил дурь иго, по мужу генералши Майер, продала дом Государственному Банку, где ныне помещаются отомленные, а малая

гостиницы разбросаны, попадались в городе в разных местах для удобства публики; но в последней, посещавшей все эти рестораны, почти нет мейстелмантов, которые стараются набирать сведения о массово необитаемых людях. Быть может в паритетской гостинице иногда обходят немногие по привычке или по особому какому-либо случаю, но в другие - обыкновенные трапезные публики. Теперь есть несколько суммасторов, где можно иметь надиротный стол, и где каждый отравлен от спондальным тем, что недополнено продажа критериямента, составляющая корень зла в общественном собрании.

Генерал Базук в управление свое имел крупное столкновение с Оренбургским гражданским губернатором Егором Ивановичем Барановским (11). Последний был правитель и принадлежал к кругу молодых либералов, в кругу которых в 80 гг. были почти все управления. [Барановский] получил это место - по представлению генерала Катанова, стоявшего для него действ. с. лав. Потупова. Быть может и устаревшего во взглядах на дело, управлял губернией почти незаметно от влияния генерал-губернатора, которые мало вмешивались в гражданскую часть, оставив ее вообще за губернаторами, а некоторые редутенной своей зависимости считали дела пограничные, военные вопросы и инородцы. При этом губернаторы видя в генерал-губернаторе по их государственному положению довольно заместителя, но позволяли в сношениях с ними ничего замечательного. Были осторожны и удерживали все, что могло повести к несогласию.

С другой стороны, влиявшие на генерал-губернатора лица - правитель канцелярии и другие лица - были петербургцы, более или менее известные и далекие от желания проводить мысль о личном своем значении, потому что все видели и знали их влияние на генерал-губернатора.

У Базука таких людей не было. Таросов, правитель его канцелярии, служил в том же управлении Зап.-сибир. на должности что-то вроде делопроизводителя. Чубышев - в надзорном суде (в Петербурге). Лицам (или были) никому неизвестным и посторонним лишь Базуку, что он, как генерал-губернатор, инициаторованного подчиненными и что для выполнения своего назначения он должен лишь сделать решение гражданских учреждений в губернии и некоем своем чиновнике требовать, чтобы представленные и замещенные отрывавшиеся вакансии, даже в замещении, прямо на подчиненных, восходили далее с его одобрения.

Генерал Безак сдал на такой взгляд (12) и на второй год своего управления посылал всех своих чиновников особым поручением на ровненько устроенный управлений, живущие в городах, а сам с правителями канцелярии Тарасовым и чиновником особым поручением Чбыцким отправился в Уфу. По пути, прибыв в Уфу, чиновники вместе с канцелярско-губернаторской трибуной для сведения все дела именем генерал-губернатора, предписания которого показали. Правитель канцелярии внятно и почтительно сказал, что у нас один начальник, губернатор Егор Иванович Барановский, и что если он приказал, то все будет исполнено, а приказано-го генералом не от кого не могут принять. Барановский сказал Безаку, что если он живет и находит нужным, то может лично сам знакомиться с делами и поверять все это распоряжения, но чиновники его в себе и канцелярии не пустят, тем более так же, как Чбыцков: точная лояльность и неизвестность никому, не должен даже жалеться для получения от него каких-либо разъяснений в сомнительных случаях; с такими личностями губернатор не может входить в деловой разговор, добавив при этом, что ни в какие-либо разговоры с такими личностями губернатор не может входить. При этом Барановский добавил, что Чбыцков и Тарасов, прибыв канцелярии к жене его, не умели держать себя прилично в гостиной его жены, имея руки в карманах брюк и небрежно развалившись на диване». - Безаку самому ревизовать и просматривать все деловое было время и таким образом немалое высочайшее надзорное и губернатору пришлось торжественно осужденно.

Спустя несколько времени губернатор Барановский, считая себе вправе спросить Безака, не как генерал-губернатора, а как Корпусного командира, прислал ему бумагу от губернского правления и за своей подписью, спрашивая его указать закон, на основании которого с продаваемых башкирами на сельских базарах лесные изделия взимается пошлина. Губернское правление не казодит в гражданских законах права генерал-губернатора взимать такую пошлину, но, вероятно, это право основано на каком-либо распоряжении военного начальства и известно ему, как Корпусному командиру, и потому о нем нужно [знать] губернскому начальству, наблюдающему за базарами для устранения злоупотреблений. Взяв что-то ответил и дело не пошло дальше. Барановский был переведен в Саратов и потом вскоре был уволен в отставку за непригодностью по-

кредителство осмысленным по политическим делам полководцем. Жена Барановского – фанатичная католичка и в душе полячка – сильно была замешана в польском восстании 1863 г. После этого Барановский перешел на частную службу Директором иностранного Пароходного общества и жил в Италии на хорошем жаловании. Со смертью Александра 2-го он вернулся в Россию, поступил почетным членом совета, заведовавшим в Москве женскими учебными заведениями, когда жена его уже умерла, и быть может жил и теперь. Я видел его последний раз в 1904 г.; как человек он был хороший и отличный администратор, строгий к несправным и нерадивым; урожден в Могилевской или Минской губ., где у него и братьев 3 т. дес. Родился испокон был православным, но во крещениях было кое-что польское.

Было и сказка, что Беску от военного министра Мухоморова было поручено составить новое положение в [Башкирах], лучшим и своеобразным с сочетанием из положений и общины государственными образцами. Распоряжение это развешивало руки местным властям, не нужно было ничего придумывать нового для устройства башкир и на [собрании по этому поводу] означенным [было] решено вообще применить к ним только управление, данные для крестьян положением 1861 г., с небольшими изменениями по их образу жизни и соображениям местными прохотителями, которые им даны во время присоединения сего народа в Россию в царствование Николая Грозного в половине 16 столетия. Те учреждения, какие даны для управления крестьянами полагалось заменить образованием вместо одного лица Командующего войском коллегиальное учреждение, как центрального, примененного к общим правительственным местам (13) и местных исполнителей, которым оставить прежние название кантонных начальников, чтобы в будущем какому-либо новому званию не возмущать народ. Составление на сих началах положение возложено было на Командующего войском генерала Тетеревского, а ему поручено представить своей канцелярии Дятловскому. Проект был наперед (14) рассмотрен с крестьянского положения, из которого видно все, что там постановлялось для (15) мирных посредников и особенно к обязанности кантонного начальника. Центральное учреждение проектировано к положению (16) Близко Государственным Имуществу.

В таком виде проект рассматривается в особом комитете под

представителем самого Бюша и после нескольких изменений и дополнений был представлен военному министру. Комитет составил генерал Тетеревников, его помощник полковник Богуславский, занимавший потом его место Долгийский, Тарасов, чиновник порученный Командующего войсками Протоурин и я.

Из министерства проект перешел к главному управлению которым означенным собственным Его Величества генералом и по отзыву последнего, присланного генералу Безаку, проект предложен передать на усмотрение с отзывом Главноуправляющего основанием. По мнению последнего проект состоит из [двух] частей: одна половина - управлений, т.е. народ - получил широкие права самоуправления, другая центральная, т.е. общее управление башкирами, удерживает характер существующих учреждений - место все контролировать, обсуждать и осуществлять делах выгоды и пользы и безусловно могла отвергать и не давать обществу рассчитывать в своих делах по собственному усмотрению. Главноуправляющий указывал, что в таком виде существует в Империи городское управление. Дума признает в лице городского представительства полнейшим какое-либо мероприятие, но Губернское Правление не соглашается, и дело пойдет дальше, а при частных отказах не может возникнуть инициативы от городов для улучшения их жизни.

Генерал Безак был в это время в Петербурге и личным докладом испросил у Государя Императора позволение рассмотреть проект его в Государственном Совете при его участии, извинив или перекладывая его здесь, а не возвращать для переделки в Оренбург, на что потребовалось много времени. Ходатайство мое было угодно, и 14 мая 1863 г. Высочайше утверждено положение о башкирах и особое для управления, во всем согласно с крестьянским положением 1861 г.

Возвратившись в конце мая 1863 г. в Оренбург, Безак потребовал от Богуславского немедленного введения нового положения башкирам, а тут же получил от него официальную бумагу не давать мне места три наименования на новую должность.

Это его [17] удивило, и [он] тотчас же признал меня в слухом, не получая им и высочайшего назначения в военном войске. Хотя и не было с моей стороны ничего такого, чтобы лишать меня права службы, а именно отставке Богуславскому, что неограниченно и не пендал по войску, видны интриги и интриги.

ние Бюрок иметь меня на службе в управлении башкирами. И пока шли переговоры, жена Бюрок Любовь Ивановна после любезностей взять к себе помощником князя Трубецкого, прислала ему [Богуславскому - Д.С.] записку - ускорить представление о сем. Тут (18) Богуславский сказал мне, что причина неудовольствия Бюрок ко мне вышена: «Он занимает место для сына зятя Трубецкого, а вы стоите на дороге, и он знает, что я далеко иметь помощником его, а не князя Трубецкого, и не в чем не уступаю ему».

[Богуславский - Д.С.] начал высказывать свое желание отпустить меня из своего владения (19): «Да, Александр Павлович, не считайте на мою ответственность владение помещением у башкир, чему народ не богуствует, видя, что на этом деле не остановится, и пойдет далее похищением народа, а способные и опытные люди все это время отнимают у меня, чего кто же я буду действовать? Чернов напером не заслуживает извинения. Бюрок сказал, что не желаю с ним служить совершенно на посторонних условиях, вынуждает говорить меня [Бюрок] повторить своими словами, что говорил об мне Чернов. Этого никогда не будет, я скорее согласусь отдать его кантонным начальником где-нибудь в другом месте, чем не в Оренбурге».

Богуславский (на это) возразил, что: «В другом месте он не нужен, а именно здесь, при мне, и (тогда) могу одновременно видеть все, как пойдет новое дело, особенно трудное у башкир, твердо стоящая на обещанных прежних условиях жизни. Наконец Бюрок согласился оставить меня в Оренбурге, слыша Богуславского, будет ли он доволен князем Трубецким, которого он предназначал помощником его».

Богуславский для перемены всех этих подробностей лично прискакал ко мне в дом, сказав, как и прежде говорил, идти напролом т.е. представить меня на кантонным начальником, а помощником себе и с этой целью он писал секретно через своих знакомых военному министру Милютину. Утверждение князя Трубецкого неожиданно не сразу. Милютин не соглашался, считая его неопытным и неподготовленным к такой должности. Бюрок повторил представление, просил повернуть на Высочайшее усмотрение его службу и просил, как след, выдать жалованье с обильной дачей. Наконец ходатайство его было удовлетворено. Князь Трубецкой получил место помощника с жалованьем 2 т. руб., а я [был назначен] кантонным первым

Оренбургского кантона башкир, и с. полковник не мог уехать образовывать тайные общества, власти, игнорировать волостной суд и волостные правления с выбором на все места должностных лиц, тайными обществами, что исполнял в течение двух месяцев. Народ видел небольшого парвеню вместо прежнего русского полковника - русского кантонного начальника, а вместо прежних начальников из башкир тех же начальников по своему избранию. Волости составлялись большие, от 3 до 5 т. душ, самым продолжением на некоторое время военной службы, сохранение кочевия, и в будущем освобождение рекрутской повинности, а главное то, что башкиры не подчинены становой приставке, подчинились новому порядку. В дальнейшей время я всегда говорил, что теперь не старшина, не кантонный начальник не наказывают за вину башкир розгами - в этом виде управление продолжалось два года, а в 1865 г. башкиры подчинены общему губернскому управлению и местным крестьянским учреждениям. Особое Управление их закрыто и поступили имперские посредники, в состав которых вошли лица, служившие у башкир.

При начальном введении положений для ознакомления с тем порядком, как я поступал, была послана ко мне из Оренбургского уезда кантонный начальник подполковник Бросси и из Белькинского кантона Руден, кантоны которых граничили с Оренбургским уездом а в 1864 г. Бросси был послан членом во все кантоны для повода правильности действий у башкир новых порядков. Лицам этим имен Бросси приказал рассмотреть в своем кантоне волости, суд и тайные общества, которые я показывал на месте все введенное в Оренбургском уезде и с запасом так сведения они показывали в других уездах. Членами были Плешинский, Рогозин-Полудин, Шулгин и Перовский.

От Бросси получил личную благодарность, и потом высочайшую награду - подполков. Анны 2-й степени (26), и мне не обидно представить оставшего подполковника Давытова за оказанные подвиги, чего на самом деле не было, был он ран на склоне в деревне Имангутовой, где он был. Давытов желал получить чин полковника, (чтобы дети его считались дворянами), а ему дали Станислава 2-й степени (21). Чина он желал, чтобы дети его считались дворянами - чего он достиг и по настоящему чину. Дворянское собрание находилось в Уфе и за-

пысыкыла в диспансери родословия конгу чинowych башкир на одинаковом основании с офицерами Оренбургского казачьего войска, чего допускать нельзя. Башкиры считались нерегулярными войсками, чины получали одинакие по названию с казаками, но у последних чины эти равнялись армейским, а таким правами пользовались не все казачьи войска, например: Омбурское и Забайкальское не входили в эту категорию.

Полковник Бегуляевский, когда носое положение у башкир, не позволяло более оставаться на месте командующего башкирами, не обещавший в будущем ничего особенного, в 1864 г. выехал из Омбурга в отпуск с тем, чтобы более не возвращаться сюда - он поступил заместителем начальника штаба Кавказской армии, потом служил начальником главного управления казачьих войск и с производством в генерала от инфантерии назначен членом Военного совета; умер в 1886 г. [В честь его станция Омбур, с. в. Уфимская названа Бегуляевская]. Сам Бегуляев почти одновременно оставил Омбур в конце 1864 г., а в следующем 1865 г. последовало разделение Омбургской губернии на две - Уфимскую и Омбургскую. Должность губернатора в последней соединена с званием казачьего атамана Омбургского казачьего войска. Новым генерал-губернатором назначен племянник Велоза, генерал-адъютант Крыжовниковский, а губернатором и атаманом впоследствии генерал-майор Воборыкин.

С утверждением должности армейско-заведующий [башкирами] ст. 336. Подкованский оставил это место и остался на прежней должности [22] чинника собою подчиненный 5-го класса при генерал-губернаторе, а генерала Клема Велозу перемещенному туда генерал-губернатором, а впоследствии поступил Подольским вице-губернатором, получил [23] на льготных правах конфискованное польское имение с доходом в 31 руб. и со смертью Велоза оставил военную службу, где теперь жив или нет, не знаю, никого из его близких и знакомых в Омбурге давно нет. По военной части в управлении генерала Велоза последовали крупные изменения. Омбургские линейные батальоны в числе 10 - составляли из себя 22-ю пехотную дивизию, разделенную на две бригады. Начальник дивизии, жил в Омбурге, имел под своим начальством 7-ми батальонов, расположенных в гг. Омбурге, Троицке, Верхнеуральска, Орской крепости, Уральска

и Уфѣ, в последнем городе линейный батальон, носивший №10. [Он] состоял на внутреннем гарнизонном полковом, как батальон внутренней стражи. Эти 7 батальонов составляли 1-ю бригаду, командир которой жил в г. Оренбурге; а 7, 8 и 9 батальоны 2-ю бригаду, расположенную для охранения имущества в казенных горных заводах Пермской губернии. Бригадный командир жил в Екатеринбургѣ и обязанности начальника дивизии исполнял главный начальник Уральских горных заводов. Долгое время на этом месте служил генерал-лейтенант, впоследствии генерал от артиллерии с подчинением командиру отдельного Оренбургского корпуса, которому все вообще бумаги посылал в форме рапортов, даже по делам не относящимся до военной части. С открытием военных дел на Сыр-Дарье почти все линейные батальоны, как отправлявшие неотвратительную военную службу, в полном составе переведены и разнесены в другие части. Таким образом 22-я пехотная дивизия была упразднена, а в Оренбурге образован округ внутренней стражи, а в самом г. Оренбурге образован губернский батальон внутренней стражи, с подчинением ему уездных команд в уездных городах. Но это новое учреждение существовало недолго, округ упразднен и в должности окружного генерала был генерал-майор Кольев, поступивший из начальникова штаба отдельного Оренбургского корпуса, - перемещенный при новом распределении на территориальные округа - в Оренбургский военный округ, в состав которого вошли все войска в Сыр-Дарьинском крае, где пехота из оренбургских и сибирских батальонов удерживала свои прежние названия: Оренбургский или Сибирский батальон №такой-то, что прекратилось с образованием там особого округа Туркестанского с генерал-губернатором и командующим войсками. Было это при оренбургском генерал-губернаторѣ Крыжановском в 1863 году.

Начальником штаба у бывшего по званию корпусного генерала был генерал-майор Данков, перемещенный на эту должность при генерале Катанове с места начальника Туркестанской дивизии, но не поддавши с Бессюком и вскоре ушел в Петербург, где служил в Главном Штабѣ Султ. и уморѣ в чине генерала от инфантерии. После Данкова исполняющим должность начальника штаба был полковник Черныев, но и он не сошелся с Бессюком и вскоре ушел (из Оренбурга) отсюда.

Безак, изданный на офицерские Генеральский Штаб, академиком быть самостоятельным и не соединяемым во воевода Енем, изобрел на должность изданный такого штаба начальником инженерной Оренбургского округа генерала Левингофа, которому и передал во временное управление округ и казенный войска по отпуску в С.-Петербург.

Отъезд его из Оренбурга состоялся в январе 1805 г. Безак получил, как говорили от военного министра Милотина приглашение прибыть в С.-Петербург где тому будет предложен важный государственный пост. Конечно, он знал, какое ему предстоит назначение, но не всем передавал об этом, ограничиваясь словом, что в Оренбурге более не возвратится. Пред купцом [Безак] деп [Безак] был у себя, на который было приглашено все оренбургское общество - чиновники и на общественной службе состоявшие, т.е. павильоны дало, в потом ужинали, но ужина эти устраивались не в определенный час, а [соображаясь с тем] когда по счету уходили гости на остальные много гостей было приглашено было.

После бала Безака были такие и у других начальственных лиц, в том числе и г. Плещинского, занимавшего квартиру в Караван-Сарае, где ныне помещаются губернатор, тоже и тут было много танцы, карты и ужины. Одну особенность заметил здесь - сам Безак ухаживал за женою управляющего винным откупом Ромер - молоденькою и смеловенною барынькой, с которой он был в близких отношениях. (24) На балу была и жена Безака - неудивно и скандально было бы любовников показывать друг другу любезности. Любовь Ивану Безак посадили за ужином с красавицею в столовой, а г-жа Ромер в особой меньшей комнате, куда пришел [Безак], и глазами давали друг другу змугры. Безак начал о нем связь, когда приехал его сын, молодой и красивый гвардейский артиллерист. Отец заменил при Ромер место сына и говорил в насмешку, что в обыкновенном порядке отец оставляет сыну наследство, а тут вышли наоборот - отец наследовал после сына. Безак до этого был в интимных отношениях с женою Уездного Предводителя Дворянства Виталия Станиславовича Целюсовского, посещал его дом и устраиваемые у него вечера. Мужик, пользуясь посещением Безака, сумел продать в казенное хозяйственное управление для нужд казны 2 тыс. бр-

вещено по 2 руб. за каждое без права браковать этот лес, некупленный Цукловским на базарах у башир ценою не выше 50 в. за сажень. После начальной оплаты поскуп Николай говорил мне, что бревнам этих из него послано в Оренбург в числе другого леса - здесь долго не принимали и обвиняли его во всем; относился к его упущениям, что он должен был доказать о совершенной негодности бревен.

При Белаке совершилась крестьянская реформа. В пределах нынешней Оренбургской губернии число помещичьих крестьян не превышало 4 т. душ, но много было горнозаводских у частных владельцев (Преображенский, Канонисольский, Белоризский, Тирлемский, Алашопетровский частные и Милославский казенный завод). Во всех этих заводах население было 20 т. душ, число которых простиралось до 20 т. душ. Крепостные помещичьи крестьяне находились больше в Оренбургском уезде, в небольшом числе в Троицком и Челябинском уездах.

Объявление Манифеста генерал Белака кроме полицейских чиновников возложил на самих чиновников особые поручения и других лиц, не имеющих определенных занятий - какими были регулярные офицеры при Белаке. Объявление [манифеста] было сделано быстро - не осталось ни одного хутора, ни деревни, где жили крестьяне, в которые не заехали бы эти лица, ни в первое, ни в последующее время. Беспорядков [нигде] не происходило. Мирскими посредниками избраны местные дворяне: в Оренбургском уезде Цукловский, Мансуров, Исаев и Лихошерстов из чиновников - в заводе места эти заняли чиновники по назначению губернатора, в Троицком - отставной полковник, там же бывший, а в Челябинском - исправление обязанностей возложено на Помощника Исправника, которому дано вдобавок 350 р. жалованья. Успешные работы составлены были без особых затруднений и только не казался выкуп по отношению к крестьянам. В одном имении графа Николая-родца крестьяне отказались от выкупа и получили даровой гектаром надел по 1 1/2 десятины на душу.

Объявив землю башир, селующихся повстанцы и прочие, породило и в других местах толквы, но такому желанию не дозволи развиваться. Деловые Мирские посредники, в особенности Николай Станиславович Цукловский, умели утешивать крестьян (в его участках входили все деревни генерал-адъютанта Тимашева, потом министра внутренних дел), подливать

уставшие трудоты и выкутные долги при в надежде, что барин их [А.В. Тимашкин], как богатый помещик, подарит им усадьбы (25). Мужики согласились, а когда пришел в именье сам помещик, Алекс. В. Тимашкин, старик, проводясь с ним при его отъезде в Казань, ардашным генерал-губернатором, подыгнул и потрохали дать им усадьбы. Тимашкин дружески потрохал по плечу некоторых из них, сказал, что хорошо и доволен он был своими крестьянами, а когда последние рассорбидили, он стал другим человеком. Сказав эти слова, Тимашкин сел в карету и уехал, а крестьянам пришлось платить в казну за полевые угодья и поменьше им усадьбы. **Том не менее приметил этот подвизстохил на других крестьян.** В Оренбургском уезде большинство перешло на выкуп и платеж за усадьбы, но изданный повинности остались именны в соворной части уедак Бондаревского, Дурисова и Дашкина. Последнего село Богучинан на столыи было уедак, что частный помещик Локондростов - (чиновник) (26) - ничего не мог с крестьянами подделати и в 1865 г. с **спраделением губернии на два: Оренбургскую и Уфимскую**, Богучинан перешли в Уфимскую губернию, где на приезд в поворности известный крестьянский деятель - повордник Бухаростов.

В Пондском уезде был таковой случай: крестьяне помещика Екимовичева в числе 40 душ даже отказались принять даром от помещика надель на именование чтобы оного не попасть в его власть и согласие на (последнее) много пошло в новом **составе Оренбургской губ.** В том же уезде крестьяне графа Модранова да 700 душ, погумизали по 5 десятин на душу, при этом же не выкуп гдями протест против уменьшенного им отведенной уедак, что снос помещиком, пользовались новыми землей - до 15 т. дес., а хотя помещик пред изданным новым законом обещал не пользоваться 5 дес. на душу, но росторженно не [было] исполнено и оставались на прежнем положении. Кончилось дело в новом составе губернии стоидим графу Модранову в обыкновенном выкупе, и крестьяны дан даровой надель в 1 1/4 дес. **Добавил к этому, что и в Оренбургском уезде при издании у помещика земли и [то] отсутствовало других** изданий ардашования, крестьяне не были стиснены в поворности [каким]: селами и едками, где жалост едкий, пользовались темом на думашно нужды даром и неограниченно, а поворности собордан и изданы на продажу в гор. Оренбург. **Крестьяне помещика Тимашкина в силу изданного крестьянского положения [дана] именны приех на выкуп надель крестьян 5, 6 и 7 дес.**

назначенного полагателем для Срамбургского уезда, но закон этот не применялся здесь и крестьяне едва ли знали о существовании его. Помещикам же из местных дворян не было интереса в этом отношении действовать против своих собоиства.

В цензе поповские означались горнозаводскими (крестьяни) частные заводы - за прекращением действия последние они освобождены (27) был средоток с существованием - [ибо] земля, на которой они жили, всякая и гористая, к хлебопашеству неудобная. Тут было много лесов. Одни из них ушли на каменные сошки, где были даже переселенцы в Сибирь - Томскую губ., другие на некоторое время оставлены у баширов и владельцев Срамбургского завода, как на работников, получая вместо денег плату заботой, на которой шили хлеб и перекладывали в свои дома, другие (28) браженны и переселились с места на место, выехали на запад, где им даны усадьбы и живут в этом положении до настоящего времени, теснясь в своих нуждах земледельцами, другими лицами.

Приведу сохраняющийся в моей памяти замечательный (29) случай понимания заводскими крестьянами слов пров и характеризующий бывших их обладателей.

В Преображенский завод присылал гражданский губернатор Григорий Сергеевич Аскаков (30), почтенный и гуманный человек, имел переговоры с народом. [сказал, что он губернатор], и, конечно, указал как был, о своем чиновнике, тоже гражданском. Хотя он и объявлял над, что он губернатор, и объявлял предупреждение превратных толков злонамеренных лиц. После [его отъезда] крестьяне [начали] рассуждать о нем поскорее губернатор. Вызванный между ними отставной солдат указал на, что это был или писарь, или такой же как он отставной солдат. «Губернаторы ездят с адъютантами», [говорил он] - и большой свитою чиновников, а это что за губернатор? некто даже не обругал!... После они говорили, что губернатору у них не был и они его не видели, никак не считая губернатора Аскакова в его скромной обстановке. Да и действительно, трудно крестьянину понять значение высшего чиновника, если его не окружает свита и местные власти не оповещают о его прибытии. Добавить к этому можно еще следующее: положение о помещичьих горнозаводских крестьянах состоялось в 1863 г. - через два года после общины крестьянского; в этот период времени люди эти оставались крепостными, должны были работать на заводах; не имея

работа может быть у человека, ожидаемого со дня на день освобождения; а между тем заводо-владделец обязывался кормить всех их от себя на прежнем основании. Эти два года были нелегчайшие, хлеб сильно подорожал. При таких условиях сильно пострадал владелец Каноникольского завода Александр Петрович Загрязский, истративший на продовольствие крестьян 70 т.руб., занятый в банке, с своим долг его возрос до значительной суммы; доходов почти никаких, кроме продажи леса, где конкурентами выступили соседние баширы, получившие по положению 1863 г. широкое право распорядиться своими лесами, которые у них частные лица покупали, платя лишь за одну работу, которую до этого не получали от казны, которая заготовляла у них для надобностей своей и на торговлю в Оренбурге платила по 3 р. за сажень, а за бревна 5 и 10 к. с вершка. Сплатить это должны также баширы - народом на службу. Загрязский долго хлопотал о продаже завода, ездил для этого в Лондон, склонял капиталистов-англичан, но желающих не нашлось. Существовавшим частным земельным банком он заложил свое имение в Саратовском банке за полмиллиона, которыми уплатил свои долги. Осталось у него несколько десятков тысяч рублей. На эти деньги (он) раза два съезжал за границу и жил в Петербурге, где и помер, находясь в больнице без всяких средств. Крестьян у него было до 2 т. душ, земли с хорошим лесом, поной и livestockный, до 120 т. дес. При крепостном праве получал 70 т.р. ежегодного дохода, а при освобождении крестьян он стал до 200 т.руб., хотя он занял в банке 300 т.р., но получал на казенные деньги, а 5% облигациями, которые сбил с громадным уступкою 15% со всей суммы. Саратовский банк также не вынес тяжести уплаты % по облигациям - получил, дал его переписать в Дагирский Земельный банк, которым имение это продано в 1866 г. купцом Пилиным, за сумму свыше 1 млн.руб. - таким образом с лихвою получил все свои затраты как суду.

Другой владелец Преображенского завода Пашков продал свой завод и 100 дес. земли английской кампани за 200 т.руб., который тоже ничего не выиграл, ликвидировал дела свои и завод со всеми землями перешел во владение (31) помещику Селюсашкину, должавшему кроме долга еще 100 т.р.

Для курьеза стало, как вышел грешник и без всякого себе убытка в тот же годный год умелый и деловой человек - алмазник Катинский зашел. Завелся эти ювелирские мастерские находило в Березинскийском уезде принадлежали когда-то Демидовым, но не потомкам и известным богачам, а их родственникам или однофамильцам, потому что в деле есть проценты одной из алмазниц Демидовой, проживавшей в 50-х гг. в (Пскове и проживавшей Оренбургского генерал-губернатора оказавшей содействие высылке ей части доходов по-прежнему в ее крайней бедности и нуждающейся в пропитании себе.

В управление Бюро разбирало народное обучение (32) в городе Оренбурге. Кроме Неплюевского кадетского корпуса, где воспитывались молодые люди всех сословий для военных целей, существовали (в городе) одна уездная и две приходских училища. Последние размещены в городе в старой слободе. Населению же города, без казенного формата, было до 25 т. душ и эти три школы с их ограниченным курсом далеко не удовлетворяли потребности в обучении, особенно начальным - записки служили частные школы, в которых учился читать и писать по русски и пореме четыре пролета арифметикой, но и такие школы были затруднены в открытии существовавшими формальностями, нужно было разрешение директора училищ, жившего в гор. Уфе, а от учителя аттестат в основном знании и в умении преподавать ученикам грамоту и письмо. При таких требованиях, формально открытых школ не было, а существовали негласные школы на небольшом числе мальчиков. Нередко ученики были слободы и всячески создавались. Главное, газеты ввиду трудности грамотности, пока могли что-либо выработаться грамотностью и даны будут средства на содержание школ.

В Оренбурге ввиду генерал-губернатора состоялось общество частных лиц с целью наладить здесь школы грамотности. На пожертвования частными лицами (33) открыты (были) школы по уездам, которых в городе образовано было, всего до 7 млн. Учительские (были) назначены молодые мужчины и частые диванды (34), назначили к слову способные, а жалование платилось им из добровольно жертвующим населением снискожденной. Показывавшиеся ставились из различных источников: взимали преданных взносов вносились деньги, подмывались по приглашениям прямо на школы, устраивались любительские спектакли и лоттерии (аллеги) с выигрышами, при самой не-

значительной цене на билет, устраивались общественные гуляния с иллюминацией; из всего этого составлялась сумма, достаточная для поддержания учебных школ. Много помогали в этом деле оренбургские дворяне, особенно [те], мужья которых занимали выдающиеся должности, как, например, жена управляющего Оренбургской таможней, Леонова Александра Рашко собрала с башкирских купцов, приходящих сюда с караванами, до 800 руб. серебра. Уверждаясь переехать в другие места, которые никак не могли идти с Рашко в параллельности и называли Лео. Алекс. «младшим Милты-Крысто», в подражание французскому роману, в это время модного в многих читателях [Мю Дюма (этого)] обществом был Василий Петрович Дюмаевский, бывший канцелярия командующего башкирским войском, проявлявший свою энергию в открытии русских школ у башкир: он много работал в устройстве и поддержании школ в городе, доставлял на них необходимые средства и, несмотря на немалые годы, играл в театре в пользу школ.

Таким образом, таковые же учебные школы в соседствах с башкирским городом самоуправлении, послужили основанием к преобразованию их (36) в приходские училища, существующие теперь на приходские средства.

Нельзя или начинать обучение двигаться много вперед, но непосредственно за ними следующие – среднее обучение отсутствовало, даже уездное училище оставалось одиноким. Гимназия открылась в 1866 г. с учреждением новой Оренбургской губернии на общем основании иметь гимназию в каждом губернском городе, впрочем, Оренбургские городские купеческое и мещанское общества, в виду такого отсутствия учебного заведения для женского образования, открыли одну школу, преобразованную потом (в 1868 г. в женскую) прогимназию, и существующую теперь (37).

Разрешение вопроса о башкирском народе в его будущем, изданным в 1863 г. положением, который народ этот вывел из военного состояния и подчинил общим гражданским властям – в самом начале показал необходимость в реформе всех существующих в Оренбургской губернии учреждений и поминаний к общим и местным учреждениям – особое управление башкирами вылилось внаглую и значимое оправданием. С другой стороны, возмещение на трудностях в губернии присутствия и места всех для составляющих обязанности башкирского управления, значительно обременено бы последние и не-

являясь непосредственным для них по общности Оренбургской губернии. В этих видах генерал Бюрок предложил разделить Оренбургскую губернию на две – Оренбургскую и Уфимскую, разделение на зрябтом Уральских гор по правую сторону которой Уфимская губерния, а по левую сторону до Курганских степей с воюющим казанах Оренбургская казань – Оренбургская. Закон о делении Оренбургской губернии утвержден 5 (17) марта 1863 г. с оставлением губернии в подчинении генерал-губернатору с наименованием его Оренбургским (Самарская губерния носившая прежде была известна из вчерашних генерал-губернаторов).

1. Бюрок Александр Павлович 1801–1868 – генерал-архивист, генерал-от-кавалерии, Оренбургской и Самарской генерал-губернатор и командующий Оренбургским корпусом в 1864–1864 гг. Окончил Царскоселский лицей. Начал службу в 1819 г. – прапорщик – офицер – старший лейтенант – капитан артиллерийской бригады. Участник турецкой (1828–1829) и польской (1831) кампаний. С 1832 – помощник штаба артиллерии лейб-гвардейской армии. В 1844–1856 – помощник штаба генерал-фельдмаршала великого князя Михаила Павловича, затем помощник штаба министра воюющей артиллерии. Учился в кадетской и артиллерийской школе, был офицером 12-фузежерской Псковской пехоты с 1834 – капитан 3 и 5 артиллерийских корпусов. По командировке в качестве министра Н.Сухоматова с 1 октября 1860 – в Оренбургском крае. В 1865 переехал в кадетскую школу, принял участие в кадетской школе. Окончил реформу 1861 года. Учился в кадетской школе гражданских управлений в СГАБ и составил докладную записку с докладом оренбургского губернатора. По указанию Бюрока составился доклад о состоянии оренбургского кадетства в Самарской губернии. В Оренбурге устроил кадетскую школу, сдал СГАБ кадетские кадетские школы. Почетный гражданин «Оренбурга» до революции 1917 г. Был участником войны. В декабре переведен генерал-губернатором Казань-Иркутского края в командировку в войсках Казанского военного округа. Умер 9 декабря 1868 в Казани.

— 1. В публикации: «После Казанского генерал-губернатором был назначен Александр Павлович Бюрок. По прибытии в Оренбург в конце 1860 г. ...»

— 2. В публикации: «для чести приехать»

— 3. В публикации: «составили»

5. В публикации: «испыт».

6. Обрыв текста в рукописи.

7. В публикации: «переводом».

8. Барнаульский Александр Петрович - генерал-лейтенант, начальник главного управления казачьих войск. Образование получил в Дворянском полку в Николаевской кадетской (генерального Штота) (1848). Службу проходил в конно-артиллерийской ротой №26 пехоты. В 1856-1860 служил в Тиманском Штоте. В 1860-1862 - командовал Батайско-Москворецкой казачьей войсков. В 1866 - генерал-майор. Служил в Оренбургском казачьем корпусе. С 1868 - начальником главного управления казачьих войск - Его высочайше повелено оставить 1-го класса ОКВ. (данные В.Семенина)

9. В публикации: «который в течение двух лет из организационно-проектных был в ходу».

10. В публикации: «в полку Кривяковской роты» и там с товарищами в первый раз.

11. Барнаулский Егор Иванович - 1813-1894 - генерал-лейтенант, Оренбургский вице-губернатор 1853-1858, гражданский губернатор 1859-1861 гг. Один из самых губернаторов, поддерживавших крестьянскую реформу 1861 г., пытался навести рознь и не проводил в Оренбургском крае. Родился в дворянской семье Вадимовых. Матрикулский сын. По окончании Императорского Училища правления в 1840 поступил на службу младшим пономарем секретаря в 3-й департамент Сената. Октябрь 1841 - январь 1844 - младший секретарь канцелярии Министерства Юстиции. 1844-1853 - член Титулярного конношерского рода, Титулярного пономарейского и тайных советника. 1846 - младший секретарь Са Синода. 1847 - правитель канцелярии Губернского комитета Лефортовского, Александровского и Курляндского (Псков) губернаторов. 1848 - колмакский советник, правитель канцелярии Барнаульского комитета Пронинского, Мещеряков и Каневского (Псков) губернаторов. С 1851 переводом в Сиб. С 1852 - член комитета для рассмотрения законопроекта об азиатской крестьянине, статский советник. С 1.6.1853 - Оренбургский вице-губернатор. С 1854 - директор Оренбургского губернского по земледелию комитета и тайных. В Крымскую войну 1853-1856 гг. организовал в старосте 3 дружин ополченцев. 11 июля 1854 поступил в брак с дочерью полковника К. Тихонова Евдокией (дочка сына полковника) (1817-1878 гг., дочь - 1855 г.р., вышла замуж за прусского подполковника). В 1858-1861 - гражданский губернатор. Активно участвовал в подготовке проекта освобождения крестьян. Крестьянским делом занимался с 1847 г. в Пружанин, Вильянов и Велюровских губер-

нинг. Визитово путешествие с семейством Ахматовых, 23.6.1861 (перевод губернатором в Саратов, 12.10.1861) указан в отпуску. В декабре выехал с семейством на родину в Московскую губ. С июня 1863 - член Российского общества Переводов и Топоним в (Москве). Италия, 1869-1870 - совершил просветительное путешествие через построенный Суэцкий канал, по инициативе РГОПа в качестве переводчика встретился с Нахрой и Катено. В турецкую войну 1877-1878 представлял Московское общество Красного Креста. Вместе с братом составил планетарий для румынских Дунайской армии. За свой счет издавал коммуникаторы для дворян румынских и турецких Красного Креста. Получил литературную благодарность румынской королевы Елизаветы 31.1.1887 по случаю почетным офицером. Оперуныковский театр устроенной императором Марии им московскому присутствию. Март 1887 - февраль 1888 - управляющий московскими делами делами. С 1883 член действительной частью Московского Императорского Воспитательного Общества благотворной жизни в СПб. Амстердамском институте. В 1884 арестован член. Московский детский гимназия, Московский детский больницы. Вышел в отставку 1891 с Остатки неуправляемой в Оренбургской губ. Умер в родовом имении. Награды: орден - Св. Анны 1 и 2 ст., Св. Станислава 1 ст., Св. Владимира 3-й ст., Орден Оруж. креста - в память войны 1853-1856 ст., в память войны 1877-1878 (защитная), в память освобождения крестьян, XV лет безотрывной службы, иностранный: французский орден Красного Оруж. 1 ст., за герцога, герцогиня Иван и Станислав 1 ст., черниговский Димитрий 1 ст., Византийский орден Франца-Иосифа, румынский железный крест, золотой ошейник - за храбрость.

12. В публикации: «оставался с этим изданием».
13. В публикации: «имелась должность командующего войсками придонского округа».
14. В публикации: «написанный последним проектом представлений».
15. В публикации: «назначался».
16. В публикации: «судились».
17. В публикации: «Получившиеся похвалы».
18. В публикации: «через несколько времени».
19. В публикации: «Благодаря им».
20. В тексте уже указанного названия орден Св. Анны (см. ст. IX, прим. 77) можно также назвать герцогиню и княгиню и княгиню княгиню.
21. В 1845 г. вышел указ не награждать орденом Станиславом 2-й и 3-й степеней, а через десять лет орденский статус был рассмотрен.

Одним из основных принципов является то, что тесты должны быть разработаны и валидированы только для конкретных целей и условий.

12. **Il mécanisme -400 personnes concernées par une affaire de fraude.**

19. *Impatiens* - *Impatiens*

24. Перенесите каждый из данных фраз на соответствующий лист в таблицу и объясните, как вы понимаете смысл каждой фразы.

23. И Церковный совет 1862 г. признавал за себя дворянская крестьяне «требовать уступки» от помещиков по уставным грамотам [Русско-польская ревизионная книга. Восточная 1862 г. Мат-лы и документы. - М., 1903. - Т.2. - С.295.] В частности, он заявил: «Будем, братцы, требовать и тех уступок для нас, если же не дадут - примемся за суда!» В нагорном Соловьиной комиссии есть и иные свидетельства. Например, от бывшего «одному лицу» был в даче дан то крестьяне несли дворянства, что оставил должность и отправился в Канаду, чтобы «подарить там своим крестьян» и «в русской истории есть вещь, которая не забывает Россия - Степане Рязань и Ефимий Пугачев - будут еще помнить и Николашку Кривоного» [Сообщения о делах Российской Федерации (ГАРФ). Ф.93. Оп.1. Д.437. Л.76-79 об.] В следующем случае он имел в виду себя, называя одного лица. Личность Цюдиловского была весьма сложной. Местный князь-святитель И.Младостов в 1915 г. опубликовал при верховном правосудии, где, помимо прочего, сообщил немало интересного об жизни помещиков Цюдиловских, потомков Псковского епископа. Младостов очень осторожно намекал на их литературские вставки. О самом Николае Цюдиловском Младостов писал, что эти люди отнюдь не жестоко относились к крестьянам, «но в 1811 г. эти крестьяне подавали им-то жалобу на свои влады» [Труды Оренбургской Ученой Архивной Комиссии. - LXXXII. - Оренбург. - С.20.] Адамантино жалобу на него оставили в в 1847 г., уже как на верховной инстанции. В восточной Шербаховой отказался от работы, называя на них крестьяне Пронифьев, и стал утверждать отказываться от работы остальных. Пронифьев был временно-временно с Цюдиловским, помещиком Цюдиловскому Псковский, не вдался в тонкости дела, просто выложил большинство крестьянство на конюшню. [Там же. С.24-25.] Стефанович сюрбавите подчинялись уставным грамот, делаясь даже князем и сайбардацией в даче-рыбной гавани В.Адамантино «Дача» [См.: Дача. - №11. - 21.5.1862.], где он находился, пробыл в арестной тюрьме. Для даче-рыбной гавани Цюдиловский использовал крестьянство д.Берутин Казань, который у него, где крестьяне отказывались от работы, про-мочу выходя на гавани первым, ставил палки, и тем самым убо-

жал за собой оставшаяся. [РАО. Ф.13. Оп.3. Д.13-12 об.1 В мае 1863 г. Цинковской дано ходатайство о возвращении Яковлева вольным, но присутствие его ходатайство отклонено, отсылаясь по воспитательной части. Мотивы высказаны были в духе иных неблагоприятных поступков посредника, кроме приращения кривизны на крестьянские средства жизни, использование труда крестьян на собственной земле и некоторых других.

26. В публикации «мировой посредник»

27. В публикации «остатки»

28. В публикации «кроткий»

29. В публикации «рассказу оном»

30. Александр Григорий Сергеевич (4 I 1830) г. Ново-Александр (Бугорский) уезд. - 1891.

сын писателя С. Г. Александр. Оренбургский гражданский губернатор в 1861-1863 гг. Получил домашнее образование. 16-ти лет был определен в старший класс Училища правоведения в Петербурге. Окончил его в 1846. В чине коллежского секретаря служил товарищем прокурора Владимирской гражданской палаты. С 4.2.1846 г. назначен в д. Оренбургского губернского прокурора. В апреле 1847 г. назначен прокурором в Самару. В январе 1850 г. назначен в коллегию для выделки нового общественного управления с поручением устройства судебной администрации в Петербурге. 23.4.1852 г. назначен вице-губернатором Оренбургской губ. 20 июня 1853 г. уволен со службы по прошению. 27.11.1855 назначен вице-губернатором в Самару. 23.1.1861 - 1863 гг. - гражданский губернатор Оренбургской губ., 1863-1867 - Уфимской губ. Был членом Комитета для составления проекта об улучшении и устройстве быта помещичьих крестьян Оренбургской губернии. 20.1.1867 назначен губернатором в Самару. Был избран в «либеральное» и в итоге избран пост. В 1884-1891 - тайный советник Г. Александр был самарским губернским председателем земства.

31. В рукописи одно слово написано «оформлено»

32. В публикации «образование»

33. В публикации «отсутствовали были»

34. В рукописи первоначально было написано «либеральное», но затем исправлено на «протест».

35. В публикации «он имеет право выдвинуть в то время французского романа».

36. В публикации «были преобразованы».

37. За время управления Павла Александровича отныне проект об обращении Оренбургского кат. поиска в проектное устройство. На-

попытки отступить от пути железной дисциплины — пролет эту не оставляешь. Тошкар, как говорят, не делает из уральского войска и вояки заметать. «Дисциплина у нас такая старая, порошковая, ты идешь по вояке» (слова С. Н. Соколовкина).

XII

Н.А. КРЫЖАНОВСКИЙ

(1834 - 1884)

[После Бессара] новым генерал-губернатором [был] назначен [его] племянник Безава, генерал-адъютант (Николай Андреевич) Крыжановский (1), бывший (2) в последнее время в Варшаво-генерал-губернатором и уволенный от должности за упущением места.

Преемник Крыжановского был назначен 1885 г. с полным составом при нем, т.е. на выходящее место и им самим избранным. Оренбургским губернатором и наместником атаманом был полковник [К.М.] Бобарыкин, служивший у Крыжановского правым адъютантом. Управляющим областью Оренбургских киргизов - полковник Балласов, тоже сослуживец его (3). Он и Бобарыкин были в посольстве в Китае. В Уральск был послан козакским атаманом полковник (впоследствии генерал-лейтенант) Веревкин, выданный родом еще Безавой и исполнявший при нем должность начальника особая поручения.

Первыми адъютантами были Денурсов и Кашкин (последний (4) родной брат жены Бобарыкина, а первый своим зятем Крыжановского Липинцева, тоже перешедшего сюда на службу). Все вышеименные лица, как и при Безаве, были из артиллеристов, как и сами же начальники.

Противоположностью Крыжановский показал строгость и подчиненным и усилением личного адъютанта Безава, ротмистра Липинцева, оставшегося в Оренбурге в надежде занять это место при Крыжановском. Была эта замечательна в том, что он выехал вперед истратить своего начальника до вклада его в город, почему не облекся в вой форму. (5) Крыжановский сделал ему замечание, приказав убраться из города.

Состав гражданского чиновников был на лиц: правителя канцелярии статского советника Аполлона Дмитриевича Холодковского и чиновника Особых поручений Фустова - первый был начальником отдела в Департаменте общед. дел. Министерства Внутренних дел, а второй в сущности составлял ничтожество, был кем-то рекомендован и не долго удержался; а еще один молодой чиновник, фамилию позабыл, на таком же основании. Оба они пробыли недолго и уехали из Оренбурга, ничего не получив. К этому числу нужно прибавить также прибывших Роголи-Павловского и Роговского, получивших назначения потом вице-губернатором: первый в Уралск, а последний в Тургайскую область на место Галкина, зять Безака, уехавшего вслед за ним в Петербург. Оба эти лица также служили в артиллерийском ведомстве в Киеве, когда Крымский составил в гвардейном Артиллерийском арсенале, будучи обер-офицером.

При приеме всех должностных лиц подальдовскими генерал-губернатору учрежденный съезд своим (6) речью о предоставлении всем должностям и требованиям от чиновников личного участия в службе и труде на общую пользу.

Оставшиеся от Безака чиновники 3-го класса Оглозин и Павловский попросили оставить службу, сказав, что на эти места обычно служат лица, более известные по службе, в таких он имеет в виду. Оба они вышли в отставку - Оглозин получил в имение жены, усадьбой Цюлковской, владевшей в Оренбургском уезде землей и временно-обязанными крестьянами, а Павловский - в Киев к Безаку, который дал ему место Подольского вице-губернатора, имения на конфискованных у польских помещиков, как говорили, приносящие доход от 3 т. р., в котором он и поселился по смерти Безака.

Вскоре по приезде [Крыжановского] были открыты новые Оренбургский губернский митинг и митинг со всеми губернский учреждениями. Первым было открыто губернские правление, потом гражданская палата и последняя судебная палата.

При открытии губернского правления было торжественное богослужение в присутствии генерал-губернатора Крымского и командированного сюда чиновника особым поручением Министерства Внутренних дел тайного советника (7) После молебна прочтен был высочайший указ об открытии губернского земства состоялось торжественное заятие у губернатора Бо-

Барышник на 40 человек, считали шампанского и акт формального открытия губернии состоялся.

Вице-губернатором назначен был надворный советник Василий Расумниксевич Жукоский, состоявший (8) первым посредником Нижегородской губернии, где у него было звание. Советником губернского правления [были]: подполковник Оренбургского казачьего войска Алексей [Василий] Пасальевич - бывший дружеский штаб-офицер, Давыдов - из военных учреждений бывшего кадетского училища, Покровский из сенаторов со старшей, молодой лет 25 человек, пробывший на должности не более двух лет и родившийся в С.-Петербурге. Ассоциатором Покровского из петербургских, потом он был советником и кончил свою карьеру печально - на-запустой сорой. Причиной сорой был дурной отзыв об одной оренбургской даме, которую Покровский не знал, наступил на нее, затем крупный разговор и в заключение дуэль с полковником из кадетского училища дрались на дуэли, получил рану, от которой и помер. Замечательно тот факт, что о дуэли его вспоминали в городе, и о том, что он ранен, но Покровский насколько был формалистом, прислал в губернское правление рапорт, что на службу не является по болезни, чем формалисты были вполне удовлетворены.

Покровский говорил мне, что был богат, помещик Омленинской губернии, почти везде не скупая, имел старую напостройку шоссей, пересел его другим из таких земель, сам уехал в Москву и жил там спокойно, и когда поворотился домой, нашел все на нем конфискованным, а потом проданным.

Первым прокурором был Луговой, но тоже вскоре уехал [из Оренбурга] сюда служить в сенат, другому дали место [должность обер-секретаря на этой должности [он] сошел с ума и умер.

По образовании губернского правления и казенной палаты в декабре 1865 г. последним из губернских учреждений было открыто губернское по крестьянским делам [присутствие]. Первые члены, кроме председатели губернатора Бобаркина, были - Оренбургский уездный предводитель дворянства, исполнявший обязанности и губернского, Владимир Степанович Целиковский, управливший казенной палатой Александр Ефимович Воронцов, губернский прокурор Луговой и член из местных дворян-помещиков по приглашению Проводителя - на казенную должность был избран и, как упоминается, - дворянин, хотя и казенного происхождения. С открытием губернии казены стали назначаться на должнос-

от губернского управления, а до того времени все казачьи офицеры служили обязательно в своем войске. Роли г.Цинжовского началась и кончилась подписыванием одного журнала об открытии; на бывших после этого выборах председателем дворянства избран Шогт.

Одновременно с открытием новой Оренбургской губернии генерал Крыжановский занимался другим делом в Оренбургском крае, составлявшим большой интерес и имевшим громадное (9) государственное значение – это деление аулы Средней Азии и покороны существовавших там самобытных (10) племен Хивы, Бухары и Кокана, куда срыпалось и жила спокойно под кровом властителей она каната кривдабно настроенные в русскому владычеству киргизские батыры или павлары, она собирали там вооруженные шаиры, свободно рыбки наших киргиз под видом (11) собирали дни соими краем под названием захата, установленного их вооружением на войну с киргизами, в числе которых русские были главные. Их-то русские уведала в плен от мирных хозяйственных занятий недалеко от жилища – было в начале основания Оренбургской линии и продолжалось до последнего времени. Еще в 1843 г. мятежный султан Кенешары Касымов открыто напал на Еланнинскую станицу, разграбил скот и увел несколько пленных, а в 1849 г. при движении в степь военных отрядов во вновь завешенных там укреплениях. Хиванские шаиры нападали на конвойный отряд, прикрывавший партии военных топографов горюшка Яковлева (12), посланных для топографических съемок. Для обуздания таких дерзостей краем генерала Обручева в 1846 г. было возведено Рамское укрепление, переименованное в Аральское, а позднее перенесенное в Казаланское, существующие и теперь. Граф Перовский начал движение вверх по р.Сыр-Дарье, бывшей по всему течению, за исключением устья, где были построены Рамское укрепление, во владении укрощаще. У них в 1853 г. были открыты крепость Ак-Мечеть, что ныне Перовск, и маленькое укрепление Джолан, не существующее ныне. Генерал Катанов представил свои соображения о дальнейшем движении, но разрешения не последовало, ввиду надвигавшей Крымской войны с англо-французами и турками. При Бозаке состоялось предложение о соединении Ново-Оренбургской линии по Сыр-Дарье с Сибирской и вот был Туркостан.

Генерал Куховеневский наследовал подготовленное [придворным] для него военное дело. Местный войска во главе с генералом Чир-вазием взяли Ташкент у тех же кокандцев. Вспрыска диниш из Петербурга воспрещения брать этот город, и начальню этот город [от почему и на-чать Ташкент], зинный [уме] русским, официально не признавался такия (13), на поб-ло дело вышло в свою коню:

Внутренний знаю, оставаясь за свои владения, начал войну с русскими. Куховеневский отправился в Ташкент, шёл у бухарцев, не раз разбитый нашими войсками, несколько крепостей и дошёл до р. Чирчака, на которой стоит Бухара, стопанный город кивства, возвратился с войсками бухарцев, отнял у бухарцев их знаменами, равны, из русского ошда, ключами, и получил орден св. Георгия 3-й степени - высокая (14) военная награда, достигшая на боевой службе, и дальнейшая служба и отпущен в Средней Азии прекратилась за образовани-ем там отдельного генерал-губернаторства, под названием Туркестанского.

Для участия в этих военных действиях прислали в Оренбург (15) знаю, и в делении военной карьеры (16). Достаточно назвать гвардии полковника, в войска министра Давида, графа Шершова-Давидова, князя Шалинского, были и другие, отличившиеся в военных делах. Первый с войска Оренбургом князя разбит сильный отряд бухарцев, отбил у них 40 т. баранов, и на самом деле гоёфони - пастухи киргизы пали в Бухару в праздник Курбан-Байраму, когда у магометан обычно приносит в жертву Богу маленький скот, преимущественно баранов и коз. Воронцов-Давидов с войска князя отбил его. Киргизы в Бухаринстан безоружных пастухов и за такое дело получал Орден Владимира с бантом и мечом и славу военного героя. Бухарцы говорили, что урус-гур пожелал им принести жертву Аллаху. (17)

Независимо военных действий в зиматах (18) пашены были в киргизской степи в виду небольшого стечия с киргизами, которые ушли отсюда старались продать русским, особенно когда из Оренбурга для этого в Ташкент военными транспорты с необходимыми принадлежностями для войск занята края, в котором в поросе время ничего не было, и все доставлялось из Оренбурга. Для этой цели были устроены небольшие по числу киргизов военные отапы. Киргизы и киргизы принадлежали маго-лам (19) нападая на такия отпущен, иногда удавалось им при-

менты оти пунеты и братья в плен взятые, которые потом преданы
бы в Ханд, откуда они все возвращены по воцтви этого города.

Такиа дела и разлог в них выдвинули Крыжановского и на срачи
его савошников, оставшихся в С.-Петербурге. Все его проекты
происходили и утверждались без особия затруднения и на мислу та-
киа проектов, между прочим, был проект раздачи казенных уча-
стков частным лицам на льготных правах и за уменьшенную плату
для поселения здесь в край дасман – зыгы-взвездцыря, как на-
общим и зыгмента для предания ошансы зыгмента утвержде-
ний и по другим соображениям, нужным здесь в край, как
населенном иногородцами. Этот проект, получивший высочай-
шее утверждение, погубил Крыжановского, и он был с Аюшшиа
позором. По проекту предлагалось раздавать малоцен-
ные казенные участки, потом в раздачу поступили запасы-
ные земли башкир – припущинников и посему для объясне-
ния сего предмета нуия сказать несколько подробнее. Башкиры,
находящиеся под властью казанских татарских царей, по воцтви города их Иоанном Грозным в 1556 г., доб-
ровольно подчинились русской власти, это так и читал в
данной им грамота, было в третий год по завоевании Казан-
ни. Башкирские старшины, названные в грамоте князьми
родов Талышского, Усургинского и Када (...), сидели
для сего в Москве. Грозный царь принял народ в свое под-
данство, пожаловал их тарканами, т.е. свободными от
дани, и оставил все ими занимаемые земли в вощину, что
тогда разумелось в полную собственность, а позднееци-
ми распоряжениями Правительства вощирилось русскими
людям селиться на башкирские земли, а с основанием
города Уфы в 1585 г. не дозволялось уфимским дворянам
и служилым людям даню покупать землю у башкир. Если
башкиры свободно и без всякого стеснения допускали на
своих землях вывозцев из России, с платожем им оброка.
Привалились на башкирские земли поселения чуваш, чере-
мис, заволоцкие татар, мордвы и даже русские крестьяне.
Во время происхождения у башкир бунтов правительство
лишило их вощинные прав на землю, что было в царство-
вание Анны Иоанновны в 1731 г., которые предписано были
отобрать от них, и отдать меццаркам и другим инородцам,
участвовавшим в усмирении башкир. Так и не был вполне
исполнен, хотя на башкирские земли основывалось мно-
го меццарков и телтарей, получивших земли от правитель-

ства, но полного спокойствия в народе не было. В 1 половине прошлого 18-го столетия произошел сильный бунт. Усмани народ воевой силой, императрица Елизавета Петровна употребила миролюбивую меру. Она объявила, что земли у горных башкир не должны быть отбираемы, криво у тех, которые кажутся с покорностью; но как разыскать это оставалось верным и это бунтовать, было невозможно. Но все башкирские земли, оставаясь в их владении (уже в 1756 г.) и дано им право продажи. В самом начале издания сего закона предпринятые русские люди покупали у башкир задаром земли для основания горных заводов в нынешних губерниях Оренбургской, Уфимской, Пермской и Самарской громадными пространствами в несколько сот тысяч десятин. С этого времени появились русские дворяне с своими крестьянами и независимо сего инородцы и русские крестьяне по частным договорам с башкирами, брали у них земли для поселения на срочное время за плату оброка. Эти-то арендаторы с прежними выходящими составили класс припущенников. Число их в начале нынешнего столетия простиралось свыше 100 т[ысяч] душ. В силу договоров они по истечении срока должны были очистить землю, но куда переселить такую массу народа с наделенными им землями. Это обстоятельство обратило на себе внимание правительства. Правительствующий Сенат в 1818 г. воспретил башкирам продажу своих земель. Впоследствии Императорским Высочайшим указом повелено было признавать башкирцев владельцами собственности принадлежащих им земель, а проживающих по их договору припущенников наделить землей по 15 дес. на душу, принадлежащих к гражданскому сословию, а мещанам и татарам, состоявшим в военном ведомстве и отпущенным военную казенную службу, двойною пропорцією, т. е. по 30 дес. на душу. Но особые средства на исполнение не указано и [правительство] не имело даже верных сведений о числе всех припущенников. Пока собирались эти сведения, прошло более 30 лет и в государстве произошли важные перемены: упразднено крепостное состояние, военные инородческие сословия в Оренбургском крае освобождены от военной натуральной службы и обложены деньгами. Было несколько о сем предположений и учреждались различные комиссии для разбора припущен-

ника, не безуспешно. Наконец в 1865 г. дело поступило на заключение Оренбургского генерал-губернатора, который был генерал-адъютант Крыжановский. Он собрал под своим председательством комитет из лиц, хорошо знакомых с делом, в числе их участвовал и я, как член Оренбургского по крестьянским делам присутствия, и были также же лица из Уфимской губ. Важное затруднение при этом заключалось в том, что башкиры, владевшие землей по волостям или родам, не могли быть ответственны за такие случаи соседней, которые приде земли и друг друга припущенники, сами не имели достаточно земли, и, следовательно, в таких делах припущенников наделать не стала. Заседание решило на деле, припущенные гражданами припущенники переселить припущенников из малоземельных дач, военных на дачах, оставшихся [от] припущенниковской категории, и землю делить поровну. Основой такому исходу дела служил Высочайший указ 1832 года, ни в чем не вызывавший с проведением этой меры. Был подписан даже журнал, но некоторые члены не пожелали. Действительный с[татский] с[оветник] Богачев, оставший из Министерства Государственных имуществ в комиссии по наделению башкир припущенников, предложил другую меру. Т.е. в то время не было в губернии гражданских и военных припущенников и не уважительных причин одна наделать высшему пропорцию, против других, то по каждой волости считать безразлично, и всем дать по 15 дес. по Троицкому, а от вотчинников в запас с передачей в казну для наделения малоземельных припущенников по норме, установленной крестьянским положением 1861 года. Богачев в заседании прямо говорил, что мерой этой все податные сословия будут уравнены, а остатки земель можно допустить продажу на льготных правах чиновникам, как элементу необходимому при земском самоуправлении. Мнение такое Богачев потом высказал один генералу Крыжановскому, последний согласился с ним в таком смысле. По ходатайству последнего разрешился вопрос о башкирских припущенниках, затнувшийся на несколько десятков лет. Исполнение этого дела вместо особой комиссии, существовавшей в Оренбурге, было возможно, но мировые крестьянские учреждения в каждой губернии [были] под наблюдением Оренбургского генерал-губернатора. При этом

таблицей и раздел на льготные участки земельные участки чиновникам раздавались не одни служащие в Оренбургском крае лица, но вообще все служащие в империи по военному и гражданскому ведомствам и на этой льготно придуманной основе проект прошел без задержки в С.-Петербурге, где являлись лица (20), конкуствовавшие такой мерой, между высочайше пожалованными лицами (21), которые потом и воспользовались таким правом, получив за бесценок пучки земли. (22)

Даренные участки, предназначенные в раздоту, наполнялись исключительно в Оренбургской губернии, именно в уезде Оренбургском они были все изощненные, пригодные только для выпаса скота, а потому малозначные (от 1 до 10 кв. саженей). Поступив в частную собственность, они подчинились общему закону о покупке земель помещиками и государственному налогу, помещику здесь для всех земель, и раздоток, казенная что-либо потеряла по своему качеству (23).

В Самарском уезде, при густоте населения и лучшему вообще плодородию, участки были ценнее, и сколько в земле, более 20 кв. саженей, за достаточную арендную плату не осуществлялась.

В Уфимской губернии выданные казенные участки почти не было и едва ли там казенные участки раздавались чиновникам, но их заменили занесенно помещиками, излучение для приращивания. При выделении не соблюдались особые системы для возвышения ценности. Приращиванием приращивания в число установленных приращиваний земель приращивания земель, а в запас избиралось все количество приращивания с волею земли и отращивалось чрезвычайно малой площадью, в состав которой входили лес, луга и пахотная земля и потом уже разделенная (24) раздавалась. В некоторых уездах отчасти мест западные земли считались малозначными, но восточная по воле, а на самом деле конвоируется переселенные крестьяне в Уфимскую из внутренних губерний предпочитали такую землю и платили дорого. Лица, получившие право (25) воспользовались крупным количеством, выходящим по размерам из ряда обыкновенных (служебных) приращиваний, если считать раздачу земли как награду чиновникам за их службу.

Первые серии раздачу земель были почти исключительно из земель Оренбургского уезда, малозначных, и такие земли назначены малым чиновникам, и преимущественно служащих здесь в губернии, небольшими участками от

300 до 600 дес., или несколько больше. При чем принималось [во внимание] что в оренбургское губернское дворянство сохранялись более крупные, каковы имения Пашаевых, Дашевых, Тимашевых, Иосифых, гр. Косоусельроде, гр. Морданнова, Булаговых и другие лица десятками даже сотен тысяч десятин, а мелких дворян, полезных для хозяйства и местной службы почти нет. В Уфимской губернии дворяне среднего дворянства и малолет, местные, разбиравшиеся на партии и при выборах действительные зрелые - для связи и нравственного внушения необходимые лица с известным положением и состоянием. Так и продолжилось дело раздела земель - последовательно сериями по мере образования запасных участков.

(Родные земли принадлежали Оренбургскому уезду, а потом перешли последовательно, по мере образования свободных участков.)

Предпочтению одних вышесказанных другим, более бедным и семейным, принадлежала земля и службу, а также назначались родственники пропавшей империи искусственного наследования становились, а число которые попадали только ближе: стоявшие в генерал-губернатору Крыжановскому. По его назначению получали участки родные его сыновья, зятья и другие прочие лица (26); затем те, кто ближе к ним по родству. Получали участки не петербургские Директоры Департаментов и чиновники сих учреждений, всевозможные генералы, тайные и действительные статские советники, исполнявшие обязанности генерал-губернаторской канцелярии и всеобщие все служащие там, адъютанты генерал-губернатора, его чиновники особым поручением, даже не был забыт майором Крыжановского, казенный чиновник Муромов, и петербургский артиллерист Егор Иванович Рыбель. Бю (27) признавал справедливым сделать замечаниями и нареканиями, что [он] замечает культурные извращения и будет назван другим: но он, как и большая часть других, принадлежал участкам несколько [времени], принадлежал грейфусскому против той, как уполномоченный.

Были резко выдвинуты случаи. Адъютант Крыжановского фон Вольский, помолвленный с дочерью начальника штаба Оренбургского казачьего войска, а потом губернатора фон Зенгбуш, получил 300 дес. леса под замком г. Барском и продал его за 15 т. руб. Самому Зенгбушу дан участок в 2 т. [тысячи] дес. под Уфой. Уфимский губернатор Ушаков и [...] (28) получили первый 2000 дес., а преемник его [...] (29). В заключение пришлось выслушать высочайший

выговор за то, что он не донес вышнему начальству о верившихся злоупотреблениях в это дело.

Генерал-губернатор (30), раздавая земли другим, не забыл и себя. Но на льготные условия земли изудобно генерал-губернатору (31), и устраивая, что Крыжановского, Суфмарина (Буджастовского) и Неплюгина (бывшего начальником штаба армии Великого Князя), пожаловали земель в награду за особые заслуги каждому по 6 т. десятин. Крыжановский взял себе часть пущины в крае, караванную реку на Сыртинской реке Каме, стоимостью от 300 до 500 т. руб., которую он отдал своим дочерям Левитской, и по другому мужу Римской-Борсакской 1500 дес., а остальную часть (32), оба они служили личными его адъютантами. Предварительно построив себе там на казенные деньги барский дом и два пета житам, управив краем, а для докладов ездили к нему из Оренбурга чиновники. (33)

Департамент земли Крыжановский, по соглашению с министром Государственных имуществ, разделил так (34) — на несколько участков. Вместо одного общего предствления, каков в силу изданного о сем закона должно подавать от генерал-губернатора, последний будет представлять планы на одну треть предначинанных участков, а на остальные две трети министр Государственных имуществ назначит из лиц, служащих вне края, не входя в предначинательное соглашение с Крыжановским. Такое соглашение имело место в третью и последнюю серию до подписавшихся высочайшего повеления приостановить раздну земель на льготных правах, а потом последовало упразднение Оренбургского генерал-губернаторства, а вскоре затем, после ревизии сенатора Ковалевского увольнение его в отставку. Бывшему министру Государственных имуществ Валуеву, бывшему потом председателем одного из департаментов Государственного Совета и бывшему уфимскому губернатору, и в день решения Ярославскому губернатору, Лешину объявлены выговор. Управляющий экспедицией тайный советник Колотковский и управляющий палатой Государственных имуществ в Оренбургской и Уфимской губерниях в звании камергера Исаевские уволены по 3-му пункту без прошений в отставку, т.е. без права поступать на Государственную службу. Кара эта была вызвана всеми изданными напоредами, а пожалуй, можно назвать злоупотреблениями при раздаче земли. Назна-

чами последние не таковы лица, которые эти же земли, приносили бы пользу, а преимущественно интеллигентные по своему положению лица. Делалось это в том аспект, что последние всегда будут действовать в Петербургской сфере за продление этой меры. Но не всегда было так: одни принимали с благодарностью дарение земель, а другие были недовольны недоброкачественностью участка; были и такие, которые прямо отказывались, не зная, какую пользу можно извлечь из земли. Бывший сенатор Барыков, а прежде управляющий землями отделом Министерства внутренних дел, говорил лично мне, что он получил на льготных правах около 1500 дес. из запасных башкирских земель по р. Белой, а рядом с ним два участка земли даны военному генералу (русскому) и тайному советнику (немцу). Барыков, желая расширить свое имение, обратился с предложением к соседям продать ему свои участки. Русский генерал сказал, что он никого не просил и не знает, что делать с землей и решил отказаться. Барыков убедил его взять 3 т. р., сказав, что деньги пригодятся при поезде за границу и дело состоялось. Тайный советник немец, напротив, продал за настоящую цену. Участки не раз переменили одному лицу - худший возводился и заменялся другим высшего качества. Управляющий государственных имуществ Ивашинцев три раза переменил участки и получил лучший с хорошим ежегодным доходом был уполн в отставку. Генерал Носковский также не принял пожалованного ему в Белебеевском уезде участка, купил который не нашлось желающих даже за 5-р. дес. - получил в Стерлитамакском уезде, а между тем белебеевская земля с проведением Самаро-Челябинской железной дороги через 5 лет учетверила ценность земли и досталась другим лицам.

С другой стороны, бывшие военные призывники, лишавшие свои участки, которыми они владели со времени окончания тут и в виде штрафа также знали чиновники, осылаемые сестричниками (и) всеми способами стали посадками, поджогам заведенным или купца, назначенный хлеб и собранный с полей, приносили всюду жалоба на лишения их необходимых земель.

Для собрания норматив на место свирепый был командирован в 1873 г. из министерства внутренних дел действ. ст. сов. Ситников, служивший прежде в канцелярии Оренбургского генерал-

губернатора. О результатах поездки (35) известно не много, потому что после поездки его вскоре было упрямлено место Оренбургского генерал-губернатора и командующего войсками Оренбургского округа. Но в общем результаты на льготных условиях земли остались во владении тех, кому были даны, и в большинстве впоследствии проданы крестьянам за высокую цену.

В первое время цена эта была не бо́лее той, за какую получали сами, но это сумел продержать неслишком лет, цена значительно увеличилась и мера эта очень мало прибавила помещикам доходов, по крайней мере в Оренбургской губернии, что мне хорошо известно.

Сколько допустима и полезна была по местным соображениям раздача казенных, малоплодородных оброчных земель на льготных условиях для увеличения доходов землеладельцев, но и для недостаточна (36) была освобождения оброчных земледельцев от поселения в государственное. На доход от 300 и 300 дес. помещикам (37) вести хозяйство с семьей (38). Получив такой дар, он не останется на своей земле, не устроит себе и потомству своего гнезда, а непременно силой обстоятельств переедет в город искать службы и других занятий; земля в таком случае останется придатком к его состоянию (39), но вскоре будет продана — или случайно, и потому для такой казуальной проблемы не следовало бы отбирать земель у казенных припущенников, которые в Уральской губернии, по моему мнению в развращении крестьянских о положении 1861 г., привели были в пользу совершенно податных лиц.

Припущенники селились в Башкирии и платили за земли свои деньги, [причем] переносили много труд и стеснений от владельцев башкир, которые при каждом удобном случае обирали их, потом все же лишались. Особенно это тяжело было простым людям, просить Высочайшего помилования в наделе 20 дес. пропорцией, впрочем, в переделах нынешней Оренбургской губернии таких наделов не было. При раздаче участка припущеннику платился всего. Военные припущенники были такие башкиры, перешедшие со своих земель на чужие вотчинные земли и немалое гражданское припущенников получали 15 дес. по 7 ревизии, число их было незначительное и были даже 2 или 3 случая — вотчинники добавляли им в собственность их своей земли особ. Только в Челябинский уезд по одной волости от припущен-

никогда отрезано несколько тыс. дес. в запасные земли - они все были розданы чиновникам.

Мысль о раздании землельных участков чиновникам возникла не по инициативе Генерала Крыжановского. Много это за несколько лет было применено в Западной Сибири, с той разницей, что там частные земли, разданные на многие участки, продавались чиновникам с торга, потом в Сибирь отправляла, как не приносящая ожидаемой пользы. (40) Генерал Бетов, бывший генерал-губернатором, по примеру Сибири, [прид]умавший допустить продажу казенных оброчных участков в Оренбургской губернии, но не успев осуществить эту меру, и исполнить сную оставил (41) своему преемнику Крыжановскому. Последний к сожалению об этом как бы вынужден был сообщать начальникам, нашей газетной прессой, грубо говоря, что казенная земля, заключающаяся в оброчных участках, мало приносит дохода. Для восполнения сокращенного и вдобавок в интересах войскового будет платить земельный налог, а полученные деньги будут на усмотрение государственных расходов по бюджетной смете.

— К тому же и в Оренбургской губернии были розданы казенные земли небольшим участкам для заведения кутурки (42), которые и теперь существуют. Караванские дачи образовались из нескольких таких участков - Чамышова, Шубинны, Харитоновых и другие лиц. (43) Имелось в виду сподать, побольше таких кутурок и если бы мера была ограничена казенными участками, то все кончилось бы благополучно и земля поступила бы из чиновников, которые имели в начале заниматься садовым хозяйством. Были в губернии всемошествовавшие пожалования крупными участками в собственность, от тысячи до трех тысяч дес., но такая земля недолго оставалась в руках рукам и были распроданы лицам купеческого сословия очень дешево - от 1 р. 50 к. до 2 р. за десятину и на земельная не осталось ни одного крупного имени, по крайней мере, такого нет в Оренбургском уезде, в соседнем Бугурусланском Самарской губернии Оренбурга такая земля было подарено более (44), но и там дворяне не удержались на земле при более благоприятных условиях, когда крепостное право давало им возможность заселить их крестьянами - была земля, но не хватало капитала, а занять его не было удобства и выгода. Те малые участки, о которых я говорил выше, обратившись в кутора, были вырезаны

(43) с лунками углубляя с торфяной цепочкой водоем, с лесом, лугами и пахотной землей, предоставляя казенному все необходимое в наделах расточным, а теперь раздавались простынные степи, для устройства на которых простой кабы и дасра дерева и хворост нужно было возить издалека.

[Заведенный Крыжановским] раздача участка казенного приустья, может быть, болот и потому, что в сферу действия были включены и частные баширские земли, а кроме в Уфимской губернии казенные земли, случайно поступившие от частных владельцев за долг в казну (как например, в Белебеевском уезде имение Бенардских в 30 т. дес.). При том право на получение участка было широко - именно служба где-либо без особой выслуги, а еще были предоставляемы уполномоченный генерал-губернатора выбора места, а не понятно там, как кого бы он не удостоил к получению земель, выходя самими после будет непременно. На этом пожелании Крыжановский раздавал участки своим сыновьям, и зятю, и чиновников один, близкий стоящих к нему; не допускал мысли, что он действует пристрастно. Газеты кричали о злоупотреблении. Баширы жаловались на урезку их владений. На получение много из местных лиц злились на счастье всех и последствием сего происходил сильный упадок служебного его значения не только в Петербурге, где все это скопилось, но даже в Оренбурге: присылались ему по городской почте анонимные письма с бранью и угрозами, даже, говорят, были случаи бросания в него камней.

В последнюю [свою] поездку в Петербург, вызванную болото беспорядками и разбродами самими баширами своих земель, отправился он один без управляющего канцелярией (44) и увидевши такое неблагоприятное к нему высших лиц (45). К императору царю Александру Александровичу ходил он два или три раза и не был принят: ни на [идти] обед, или на вечер, а когда он являлся, то (46) выговаривать все генерал-губернатору, за исключением одного Крыжановского. Положение его было настолько таково, что он сам просил гарантию сенатору Ковалевскому, бывшему на равном в Казанской губернии, по причине происходивших там беспорядков, обречь дожить находившихся под его управлением губернии. Последствием чего (47) было закрытие Оренбургского генерал-губернаторства [12 июля 1861 года].

Впоследствии я имел случай говорить с бывшим министром внутренних дел генералом Тимашевым, спросив его, чем ограничена была власть гласных на Крымновоском, когда раздано участие была дана: дана с Высочайшего соизволения и в таком же порядке, т.е. с Высочайшего утверждения (50) продавались участки тем, кому были назначены. Александр Бородин [Тимашев] сказал, что Крымновоский, ходивший с такой миссией обманул покойного Императора Александра II, и никто из служащих в Оренбургском крае не доносил ему о сем обмане, и дело проведено без записки до конца. (51)

Починившись этим фактом, разданы были. Власть имела на льготных правых в Оренбургской и Уфимской губерниях, полагая, раздано до 250 т. до, не включая сюда Военнослужащих поделованных: одному Крымновоскому, Неплюхинскому и Кауфману по 5 т. до. Каждому, но мне представляется, что если от солдата была особая потеря. Раздана была им право по своему усмотрению отчуждения своих земель частным лицам и бывшая при сем злоупотребления имели последствием: приобретением частным лицам покупать у башкир земли, которые они могли продавать или в казну или крестьянским обществам, но последние и редкие случаи пользовались таким правом - одна казна. Министерство государственных имуществ купило в Оренбургском уезде у башкир Катынской волости 70 т. до, по уездному р. Иньке, изданный в главную и суджонскую р. Бату, а в Уфимской губернии (иже) более всего с платой от 30 к. до 1 руб. за десятину, т.е. что получила казна при раздано участии: получила от башкир и опять те же бедные участки за ссуду.

Замечательно, каким образом получалось отчуждение башкир на продажу. Вышел на место управляющий государственным имуществом со своим чиновником, земский истопник и неграмотный член уездного крестьянского присутствия, и башкиры задерживались на несколько дней. В Оренбургском уезде в местной волости, где башкиры живут лесом, платили не дано, а в Орском, в 3-ей Успенской волости, было дано, но продажа не состоялась по каким-то посторонним причинам. Башкиры, приходящие на продажу леса, прежде за продажей их, платили их - как споровали от долгого ожидания. Теперь уже в Оренбургской губернии обширные земли, принадлежавшие башкирам, которые могли быть куплены казною и некоторая продажа земли им и Крестьянскому банку по нормальной цене.

Во время генерал-губернаторства Крымского в 1877 г. совершился второй казанский поход. (Первый был в 1839 г. при первом управлении генерала Перовского и кончившийся неудачей). В состав действующего отряда выступали из четырех пунктов. Из Туркестанского военного округа прямо на Аму через Поладскую степь, из Кавказского округа один отряд из Балу через Красноводск (на восточном берегу Каспийского моря), другой из Ново-Пetroвского укреплении (на северо-восточном берегу того же моря - войска Кавказского округа, с Оренбургским линией из городов Орска, Уральска и Оренбурга три отдельных эскадрона. Последняя, сведенная в один полк, поступила под начальство наказного атamana Уральского казачьего войска генерала-майора, а потом генерал-лейтенанта Воровкина.

О военных действиях свои войска говорить нечего: как о событиях далеко происходивших от нас, скажу коротко о главных выдающихся делах.

Оренбургский отряд состоял из двух Оренбургских линейных батальонов, 4-х сотен Оренбургских и 2-х сотен Уральских казаков, одной крепко-артиллерийской батареи Оренбургского войска и нескольких орудий пешей крепостной артиллерии. Войска направлялись в Аральскому морю, прошли благополучно и вошли Аму до прибытия Ташкентца и Кавказца. Мангышлакский отряд подошел позже, хотя путь его был значительно короче, войска по непрерывным и степным походам были в изнуренном виде и солдаты в оборванной одежде.

Генерал-адъютант Кауфман, повелевавший войсками, встретил немалые трудности при переезде песков по недостатку воды (52), которую привозили легкие отряды казаков из колодезь, показывая далеко в стороне и едва не погубил весь отряд до привода на (53) р. Аму-Дарью, где его с поворотною стрельбой казанский хан и на вопрос [Кауфмана], почему казавцы не высылали своих войск для защиты себя, (хан) ответил, что русские идут с другой стороны, и там было (54) собрано казанской войска, а по тому пути, по которому (оригинал) нам отряд не ожидали, [потому что] сказать это невозможно и носит название в русском переводе «смерть человеку», и что только (хан) дурка, (убившая хан), мог дать совет идти этой дорогой казанскому отряду. Дурка этот был тут же, в лице Кауфмана, предводителем генерального штаба барон Аппел. Об этом мне говорили наши казанские офицеры, бывшие в отряде Кауфмана.

Туркостанские войска, по приглашению сибиряцкого отряда, царемнильцы (55) вошли в Хиву. Чего не дозволил Кауфман одному Веревкину сделать, даже не отпустить военных действий до его прибытия. (56) И на вопрос, почему он не исполнил приказание и вошел город до прибытия его, Веревкин ответил, что Хива была взята до получения его приказа. (57) Потом Кауфман сразившимися силами всех трех отрядов одержал решительную и славленную победу над туркменами. Они по призыванию ханов и в общах интересах защитить себя в отрожных силах собрались в окрестностях своего города (58). Кауфман, узнав о сем, повел войска против них и туркмен. Ночью, когда туркмены расположились спать, туркмены с разных пунктов сделали нападение (59) Положенье нашего отряда было некоторое время критическим (русский отряд), расположенный по обим сторонам довольно широкого и глубокого [арма], он разделился на две части, пехота поведи арыка, для прохода коети было два плохих моста, а кавалерия, т.е. казак, на другом, что мешало быстрому соединению всех сил. Туркмены сделали с разных пунктов дружной отчаянной нападение и прорывались в интервалах между ... (60) вмешались с нашими. (61) В темноте и на близкой местности происходила страшная резня, однако наши выжили и победа была полная и действия продолжались. (62) На другой день и далее добивались отдельные отряды туркмен. После взятия Хивы и этой победы все смелело и покорилось русскому владычеству, когда увидели, что туркмены, считавшиеся [необходимыми?] не устояли против русских. (63)

Третий отряд из Красноводского влился на южном берегу Каспийского моря вышел под начальством полковника генерального штаба Нарикова [и] войска казачьего округа казачьих тамошнее, батальон пехоты и артиллерия, направлено прямо на Хиву. (64) Отряду самому предстоял самый трудный путь, но этот довелося (65) безвредной степью, в обширном месте. Сильные знойные жары, отсутствие воды мешали до конных сил, они падали на кося. Для удручения их, полковник Нариков наделил на себя рану, и шел с ружья, как простой солдат наряду с другими, но ничего (66) не помогало, раненый полковник думал умереть (67) гласило слово откладывалось от паникующих офицеров и дезертирство казаков. Нариков, вернувшись назад (68), не достигнув своих и адмирал-

нее, а как после праздника, когда бы Муды с собой были не да-
лее двух дней, дойдя до них отряд, пришел бы ранее дру-
гих. (70) Здесь подтвердилось правило, что дальше, да луч-
ше приотправлен, и ознакомлен о местностях, тот скорее и
вернее достигнет назначения. Оренбургский отряд был
дальше от Хивы, шёл по снегу и довольно глубоко, но при-
шёл прежде. Другие отряды ничего этого не встретили, но
едва вошли в переклад.

В отряде Перовского находились Флигель-адъютант поручик
Михаил (сын военного министра). Возвратившись (70) в Орен-
бург, [он] на почтовой лошади [и] кружным путем успел до-
ехать (71) до отряда Карфагена и устроился в бок о туркменам.

С Высочайшего повеления в войсках, действовавших про-
тив Хивы, был назначен князь Николай Канотитинович и принц
Евгений Максимович, герцог Лейптенбергский. Перовый
[был] с Уральскими казаками, а последний (72) с Оренбургски-
ми, участвующий в Оренбурге по своему возвращению, (73)
зачислен в Оренбургские казачьи войска, где и теперь счита-
ется, имея чин генерал от инфантерии. (74)

К Хивинскому повстанью, не признав смертного приговора и даже имен-
но отлучения от священства, относится князь князь, состав-
шав с князем уральскими войсками под командой Оренбургского
военного наместника. В 30-м гг. в первое управление генерала
Перовского, на северо-восточном берегу Каспийского моря в
Томе-Кадрагском залив был основан Ново-Александров-
ский укреплённый с довольно сильным гарнизоном из 2-х рот пе-
хоты, отдалённых от 1-го Оренбургского линейного батальона,
расположенного в Уральске и 2-х сотен Уральских казаков. Цель
основания укрепления - обуздание буйных кочевников Адмиралского
рода, считавшихся под властью княжеского князя и действительности
плававшие ему вконец и имевшие с тем для изучения
самой Хивы отряд в виду близкого расположения русской воен-
ной силы. По намерениям влиятельного уральского это в 1848 или
1849 гг. было перенесено на новое место на полуостров Ман-
гышак и названо Новопетровским, в память выезда на этом
месте русские войска под командованием генерала капитана
князя Базилевича Черкасского в издательстве императора Пёт-
ра 1-го по повелению княжеского князя для его отлучения и при-
нятия его с подданным наёмом в русское подданство и там
перевосмо издательского издательств. В том и другом месте у-
креплённые не были князя особенно беспощадны, существовало

мерно, но когда русские двинулись вперед по Сызь-Дарье и отобрали бурхасские городы и с. хивинцами на Оренбурге стало так неприятно, тогда началось нападение на Новоузенское укрепление. Перебеж нападения было и 1845 с от хивинцами и двоевцев, но в нем никак справились местные войска - уральцы подначальством есаула Кудачевского разбуну нападающим, ской-сиене-воостановились. В 1870 или 1871 гг. при генерале Крайновском хивинцы поспешно во-что бы то ни стало разорить Новоузенское, толпачи-а-содержимый с надрывами и туроман-нами в несколько тысяч человек обложили укреплении. Показание было оспарено, войска при старом оружии - артиллерия прежнего калибра, дружный натиск окол. селомы гарнизон, и толпа была уверена в успехе, но несчастный случай шло: русская Астраханская, уездная охотница, толпа выстрелилась в Астраханцы, итерпидали Губернатору, тут телеграфировали в Петербург, а оттуда на Кавказ и с последнего в 4 дня вылететь повеление. Давлестемари на солдаты русскими отыма-нотугали толпу и она полновидно бежала. А с другой стороны это показало, как неудобно и расхорожено подчинять давлению начальству в Оренбурге и Новоузенское [было] подчинению Кавказу.

В настоящее время для оренбуржцев (73) историческая другая сторона - это сформирование отряда. Главная работа и сила последнего состояла в на транспортировании оренбургских правдолюбивостей и обшак-стелы (по лескам и отбуготам) (74) воды (я нехта оомерзительно беззастенчив). Единственным конюшником, вполне пригодным к тому и вполне надежным - анубод. Стада на находятся более у киргиз Оренбуржского единства, и потому нами всего нужного единства [на] и оспариван был на генерал-губернатора Крыжановского. Он был вынужден для сего (77) в Петербург и там решено было отдать постанову верблюдом купцам, которые должны были от дабы заплатить или покупать животных у киргиз за плату по оспариванию. Обязательная же поставка последними могла потребовать неудачу. Торги производились в присутствии Крыжановского, были активные и сильные по количеству Оренбургские купцы участвовали на торгах и направили известные цены. Дело пошло в Петербург, оттуда должно (78) было ожидать решения.

Один из последних [купцов] Михаил Ефимович Мехинский, бывший тоже-торговец, уехал из отряда на свой купор, а оттуда скрытно от других уехал в Петербург, где при содействии Крыжановского кооперировался дело на себе (79) с платой по 3 де

Зр. естество за каждого меркантила, сколько бы [мн.] не потребовалось. Притом жент в Оренбург и обывалает, что посылка утварьдана за нем. Товарищи его уверяются, разинули рты, но делать было нечего: меркантил, как говорил он мне, по сотне и по две меркблюдю он устроил товарищам, а пшеницу часть (80) оставил себе и начал процедираний капитал, а до того времени был близок к банкротству. Выгода эта заключалась в том, что получал требования на известное большое количество [меркблюдю], он поставил меньше и не всегда испрошено, а получал за все, дались выгодами (81) с чиновниками интендантской администрации, но последний один – майор Филатов – был под судом, но отпущен.

Михеньков после экспедиции ездил в Петербург и получил спина, что следует – долги его в кондинском отношении сдружал чиновник генерал-губернаторской канцелярии Остроумов, которому Михеньков обещал устроить агентство в Оренбурге для торговли ценной с задатком от себя. Он исполнил (82), агентство было открыто и существовало несколько времени, и когда Остроумов считал доходы своими собственностью, Михеньков показал ему [...] (83), т.е. ничего, значимая вещь-то жалованья. (84) Остроумов рассчитывал на свое обеспечение, женился на дочери Уфимского купца Попова, и когда случилась катастрофа, сошел с ума; с помощью рублевых кредитов ходил на базар в толпу и раздавал деньги тем, кто кричал, что Михеньков подлый мошенник. Там дело и кончилось. (85) О судьбе Остроумова дальнейших сведений не слышал, а жена его гражданском браком осталась с другим чиновником и уехала на Кавказ, как говорила мне ее мать на празднестве 300-летия г. Уфы, куда был приглашен.

У этого Михенькова родная сестра была замужем за Оренбургским старшим подполковником Калупиным. Сестра в продолжении своей службы при строгой экономической жизни до 15 т. руб. имела, он [Калупин] дал эти деньги для оборотов сестры Михеньковой, тогда немного пошатнувшись (86), а потом, женившись с семьей устроиться в Оренбурге и купить для, себе-своего ассигната [денег], Михеньков не дал денег, говоря, что ему деньги не нужны, просят и без них, а тут судьба капитала, что рыба без воды, сыскал Калупин обратил это и плакал в борозды, а тот говорит: «ничего, обострым, голова такая нейдет, а когда деньги не будет, укажет все, и помет конным. По-

на, Миканькова, как полагают, (87) рассчитана в жены умершего Калугина, у ней показан парадочный дом, другая середка у ней не была, (88)

Русские в 1846 г. заняли устье Сырдарьи, где построили Рамное укрепление. Для сообщения с ним в степные отроги в алае атапсы были построены два укрепления - Оренбургское на р. Тургай и Уральское на р. Иргиз. В 1853 г. русскими занаты Ах-Мичах. Транспорти в эти местности посылались под военным прикрытием, в погону вносили большие верблюды. Отправлялись для осмотра конских частей, начальствующим лицам присоединялись к транспортным караванам более верховые, а не в конюшнях, так как у киргизов не было обыкновенных для упряжи лошадей. Генерал Катанов, осматривавший укрепления, весь путь совершил пешком. Возвратившись в Оренбург, он испросил разрешение учредить правительственные почтовые сообщения в конюшнях кадетов для этого киргизы поднимали станций казачьими урядниками. На этом основании в 1858 г. было открыто почтовое сообщение, которое могло достигало целого надвостатку лошадей вследствие некомплектности киргиз. Недостаток правительственных сообщений особенно ощущался в конюшнях с учреждением Туркестанского генерал-губернаторства. Караваны находились более саторам сообщения крайним путем через Сибирскую линию, где содержанием почтовых станций и всего тракта был купец Куликов, принимавший на себя ответственность исправного содержания тракта.

Генерал Крыжановский пожелал устроить подобный же тракт от Орск до Казаньского. Усилиями содержания тракта были казенные лошади и латышские экипажи, исправные упряжи, обыкновенные лошади, исправное содержание станций, а главное - русские экипажи. Составлялись караваны, на которых торговывающиеся взяли несколько станций в одну руку и заявили, что сами экипажи бы еще раз составиться рентабельно. Крыжановский объявил, что разрыванием этого дела не берет на себя, и представил все торговое предложение на утверждение министра. Министр для, на словах заинтересованным лицом подписал бумагу, означавшую и передал торговывающимся для сдачи на почту. Караваны потеряли духа и не уже поднимались барышам, но к изданному указу от министра Министром делопроизводства бумага утвердить содержание всего тракта за Миканьковым за громадную цену, что-то по 500 р. за верблюда и год.

Миканьков заказал в Оренбурге экипажи, купил сбрую и отправил с конными экипажами, преимущественно татарам. На

следующий же год от пропавших стали поступать во множестве жалобы, что станции содержат дурно, лошади не понимают русской речи и большую часть каргана, лошади худы, возят pouco или совсем не возят, вагоны везут из киргизских необеспеченных. Оказалось, что Мамышев ничего не делал ни из поставленных условий, а только получал за содержание Орбей-Караганского тракта до 50 т. руб. в год. Позже оказалось, что Мамышеву тракт был дан при содействии Крыжановского.

В конце ослабленности в управлении генерала Крыжановского можно упомянуть и некомпетентный.

Существовал закон, по которому командированные в киргизскую степь чиновники получали на полгода полугодовой жалованья. Закон был издан тогда, когда командировки в степь русские чиновники были редки и вызывались какими-либо чрезвычайными причинами. Взяв в степь, где у киргизов не было даже почтового межа, сопрягалось с большими расходами, так же надобно было на все время поездки возить с собой съестные припасы и, кроме вывоза для себя, иметь арбу или телегу для багров. Не всегда можно было найти лошадей, иногда и вовсе, привычные к колесным экипажам, приходилось заменять их для себя верховым конем, а для багров брать верблюда. За последние время все изменилось и на полгода в степь съезжали, как на праздник получить порученный приказ за исполнение нетрудного дела. Когда же были посланы малыми степными чиновниками, то каждый отдельный чиновник находил нужным обзавестись подвешенным на ремне в степи места. С этой целью ездили туда предварительно сам командующий войсками Крыжановский, потом постепенно начальники корпусного штаба, его помощник, старший интендант, начальник артиллерии и окружной врачеватель инспектор. Все эти лица были в генеральском чине, получали полугодовое жалованье и провозы по чину. В одну из поездок Крыжановский взял деньги по чину генерал-лейтенанта, но впоследствии узнал, что он произведен в генералы от артиллерии и потребовал добавочных по этому чину. Контрольные papers, ревизор не мог остановиться на этом расходе, считая его неправильным, когда, что не все были перечисленные лица исполняли прямую свою обязанность, а потому должны получать только провозы. В этом смысле состоялось разложение закона. Генерал Крыжановский и другие скарены обоими этими законами, представил министру, что ему нужно подробно и во всех частях осмотреть киргизскую степь, причем по возможности не

это требовалось до 30 т. руб. На этот расход потребовалось вынужденное сокращение.

В управлении Крымцовского прокопшто сыпучие колесные мотыги Уральские казаки не на много поспособствовали, которые отменялись древнее на привилегиях исполнять службу сотниками наемниками, а требовалось каждому лично выходить на службу (ВВ) и входить наем форм обслуживания, которая старшим раскопщиками казалась печально антихристу. За ускорство граноты мотыг положение было составлено, как я полагаю, до 3 т. казаков в Туркестан, несколько сотен казаков в Сибирь и переселено в станицы Оренбургского войска, последние были потом изгнаны.

На место сосланных, в количестве количества служащих казаков, принимались в Уральское войско крестьяне, чего прежде не было, так что уральцы издали стремительно гордились тем, что есть состав из казаков - коренные казаки.

При введении уездной в 1888-89 г. нового положения, мотыжистки разъясненного и расстроенного народа, произошло восстание, охватившее всю степь. Для усмирения были посланы отряды из казаков. Одним из таких отрядов был командированному особым поручением майору Байкову, брату известного афериста, составлявшего различные дисциплинарные команды, которые быстро тонули.

Байков со своим отрядом в киргизских джунгли производил различные рода насилия. Служба об этом дошла до Крымцовского и для поверки его на месте послан был казачий полковник Карл Исаев Новокрестьянов, лично известный Крымцовскому и сопровождавший его при походе на степь, как начальник конной.

Новокрестьянов привал в станицу Байкова, нашел там полную картину безобразия. Байков не только не принял Новокрестьянова, как старшего, но приказал казакам раскладывать палатки, в которой остановился Новокрестьянов, выбросить его вещи и не исполнять его приказаний. Все было в точности исполнено исполнителем Суровым.

При возвращении Новокрестьянов подав обо всем подробный рапорт, но Крымцовскому не хотелось заниматься этим делом, в суде он просил Новокрестьянова написать подлинный рапорт. Новокрестьянов отвечал, что не ложное доносительство он сам будет сильно отвечать, а поступки Байкова сами собой объяснятся.

Байков был судим и сослан в Сибирь, но через несколько лет дозволено ему прощение, и он, кажется, снова поступил на службу.

При Княжковском в 1876 г. проведена возмездная переезд из Самары в Оренбург и начато дело о постройке в Оренбурге Княжковского кафедрального собора. Новая постройка была начата в 1885 г. после упразднения генерал-губернаторства, но мысль о ней принадлежит Княжковскому. Окончен собор в 1896 г.

Княжковский Николай Александрович - 1818 - 1888, генерал-адъютант, генерал-лейтенант, Оренбургский генерал-губернатор и командующий войсками Оренбургского военного округа 1864-1881, Паммерман, оренбургский губернатор. Бессара, С 1837 - офицер с отличием при артиллерийском училище. 1838 - переведен в гвардию лейб-скадрой артиллерийскую бригаду. С 1842 служил на Черноморской береговой линии. В 1850 штаб-офицер по искусственной части Кавказского арсенала. В 1854 назначен штаб-артиллерийским офицером в армии, за отличие при взятии Силистрии 22.5.1854 награжден орденом св.анastasия, за то же поступил генерал-майором. 4.8.1855 назначен в армию в ногу при обороне Севастополя - был начальником штаба артиллерии в армии князя М. Барятинского. С 1857 - назначен Милитарийского артиллерийского училища. С 1861 - назначен штаб-1-й армии и командующий особой артиллерийской комиссией Паскевича. За службу в Варшаве показан в генерал-адъютанты. Председатель комиссии по разработке образа основанной военной и инженерной службы в области и судостроительства. 1864 - назначен командующим войсками Кавказского военного округа. С декабря 1864 - Оренбургский генерал-губернатор. С 4.8.1865 - командующий войсками уфимского Оренбургского военного округа. Княжковский объявил о покорении Башкирии, Закавказского края и Хокандии в составе военных, образовал Туркестанскую область, назначил участником в области Дагестана, назначил участником войны 2-й ст. - высший военный награжден орденом св.анastasия. 4.5.1865 назначен Оренбургский губернатор - Оренбург в 3-4 раза стал губернатором городом. 1866 - открыт Оренбургский Статистический комитет. 1867 - при активном участии Княжковского создан Оренбургский Отдел НРТО. В 1868 по его инициативе учреждены переносные с железнодорожным станциями почтовые и телеграфные подстанции - развитие торговли, торговые деловые центры в 5 раз. 1.1.1873 создан Оренбургский учебный округ. Службы в разных станциях в Оренбурге, Уральске, Троицке, Актобе и Оренбурге и Уральске. Организованы университетский институт, инженерное училище, военные артиллерийские школы - 3-й ка-

летской широты), ремесленное обучение. 1871-1873 - гражданка женской школы Самары-Оренбурга. Время ускорения Крыжановским края совпало с потерей им политического влияния - в учреждении Туркестанского генерал-губернаторства князь Оренбурга на женские дела в Средней Азии предпринимал. Крыжановский - почетный гражданин Оренбурга и Уфы, в Оренбургском и Уфимском земствах сотрудничал с товарищами его мнения, занимался в Уральском войске. Начальником провинции раздала батальонскую землю погребу его соратнику. Как губернатор, он законодательно преобразование земельных владений в крае и много высшим чиновником СПО. Раздал наемников правды иными при иными его иными. Специальная религия сенатора Крыжановского в 1880 ускоренный участие Крыжановского в раздале земель. 30.3.1881 был отстранен от должности и ушел со службы без прощания. Проживал у престарелой сестры в д. Матвеевка Кременевского у. Подольской губ., где и умер 1.3.1884.

2. В публикации: «служивый».

3. Издание: Лей-Федорович. Родился в 1822 в семье русского помещика. Окончил Михайловское артиллерийское училище, поступил 1843 прапорщиком. Участвовал в войнах: польской (1848), кавказской (1852), Крымской (1853-1856). 18 февраля 1848 - флигель-адъютант. Февраль 1861 - август 1863 - министр-резидент при японском дворе. Ушел по болезни с оставлением в запасе. С 22 июня 1863 - управивший Областью преобразования киргизов. 20 июля 1864 - генерал-майор. С мая 1867 по январь 1868 в Сиб., участвовал в трудных военных по преобразованию уйгуров в киргизов степях. С 14 января 1868 первый председатель Оренбургского Отдела НРГО. 2 января 1868 - 19 февраля 1871 - военный губернатор Туркестанской обл. Присвоения генерал-лейтенанта, с назначением членом Сиб. министерского совета введенный общественности призывом.

4. В публикации: «второй».

5. В публикации: «не в полной гражданской форме».

6. В публикации: «Крыжановский провозглашал».

7. Прозвуча фамилия в рукописи.

8. В публикации: «служивый».

9. В публикации: «князь».

10. В публикации: «самостоятельно».

11. В публикации: «предложил».

12. Авторская посылка: «неисполнение» - написание и указание написание Туркестанской обл., утвержден в 1868 г.

13. В публикации: «применялись России».

14. В публикации: «высшие».
15. В публикации: «из Петербурга».
16. В публикации: «многие из них и всемогущие составить немалую часть».
17. В публикации: «Из этих же Баранов-Давыдов получили орден св. Владимира с бантом и приобрел славу героя. После того, что вышло от баранского отряда в данном случае не было, а были белорусские солдаты штыки, которые тогда баранов на продажу в Бухару и крымскому Корбан-байран».
18. В публикации: «кроме военных действий и шашек».
19. В публикации: «шашки».
20. В публикации: «так как вышло много книг».
21. В публикации: «интересными».
22. В публикации: «помогает из баранов, глумит земля».
23. В публикации: «высказание из нежного сердца».
24. В публикации: «разноцветные на малые части».
25. В публикации: «было из веры, так как переосмыслено из внутренней России в Юмискую губернию крестьяне продавали свою землю и платили даром. Те, кому достались эти участки.»
26. В публикации: «проданные».
27. В публикации: «высказание».
28. В публикации: «протекла земля фоминца».
29. В публикации: «протекла».
30. В публикации: «Крыжовники».
31. В публикации: «Как как неужели губернатору брать землю на льготных условиях».
32. Протекла земля в рукописи.
33. В публикации: «Так же выстроит на льготных землях дачу и два участка в ней, а для каждого участка и сада в нем из Оренбурга».
34. В публикации: «установили».
35. В публикации: «той же установили».
36. В публикации: «Решено земля на льготных условиях установили».
37. В публикации: «интересными были».
38. Вероятно автор имеет в виду предание о шашке ждали в армии (прим. С.Н.Смолякова).
39. В публикации: «содержание».
40. В публикации: «но в том же веры не отнесла кавказской войны».
41. В публикации: «оставил приехать из и вышло».

— 42. В делах войскового князя Оренб. див. в. (Открыл для Военного министерства 1760—1860 г. № 120 за 1798 год. «Об островах и землях соседней от порубки Алашты (Нижней) на западные кутора и земли под поном») есть указание, что еще при Неплюева был дан распоряжение, так и для выкупных земель, по их просьбам отводились земли для культуры и личные владения. В виду важности изучения этого решения для истории Оренб. края привожу выдержку из указа Оренбургской губернской канцелярии от 10 января 1761 года: «по прошению в губ. канц. подавшему 7 и 22 июля 1760 года податным прошениями капитан Александр Петрович Адаев (который ныне умер), поручик Александр Мин. Мосунов, дворянин, и капитан Михаил Васильевич, что они по указу Ея Императорского Величества на фундаментальное поделение деревень в Оренбурге, имеют дома и убогие кутора на Сырдарьин реке, на посылках Пензенского воеводы на ту сторону Тугулово Ермак, на юго-от дна станицы Школова и ротмистра Пастухова, и просили отвести тут земли. 26-го июля дан указ канцелярскому при казначейском делам поручнику генералу Ар-ту сылать в отставку просимые земли. Ситнику Адаеву — 400 старшему 30, а прочим по 25 десятин из тех мест, из коих отведены станице Школова и ротмистру Пастухову. 13 марта 1762 года, по поручению тайного советника Неплюева, обоем с генерал-майором и Сибирским губернатором Сумароковым доносили, что податные акты — в обер-офицеры, в капитаны и в ротмистры, просит из деревень мест земли земель для выкупных деревень и в награждение своим и службе Ея Императорского Величества дома, что даны были чинам проском, и так как свободная земля с обеих сторон, т.е. между Оренбургской и Сибирской станиц, дельцами и дворян, со своими домами не только не только не вредны, но и полезны, ибо через такие дома пустые места закупаются и с дворянства тогда еще равноправно изымаются, то и представил у Присутствующего Совета на то рассмотрение и порешение, на каковое по указу Ея Императорского Величества от Присутствия тайного Совета 3 августа 1747 года, между прочим, в 8 пункте велено: «отсылать в казенное ведомство, по крайнему асимметричному приращению. Ввиду же того, что для казенных выкупных земель раздается, то те люди, кто на выкупные земли казен свой употребил, по крайней мере без выкупных земель казенности будут приважены». Согласно сего указу Прав. Совета земли были отведены станице Школова и Ротмистру Пастухову (как по старому указу выкупных) и поручены капитаном Михаилу Ларинскому, Ивану Дьяковскому и Александру Успенскому, капитану Оренбургской губернской канцелярии 12 мая 1760 года и в казенный указ дан по выкупным, подтверждающий по-

57. В публикации: «принцип единства и непрерывности».
58. В публикации: «Хань».
59. В публикации: «старые времена на ниве».
60. Отлично в тексте.
61. В публикации: «ириэ» который нести две ветви ветлика, за
них быстро соединяются. Термин «ириэ» в разных вариантах встречается в
некоторых отрывках и связан с «ириэ».
62. В публикации: «русские люди ириэ».
63. В публикации: «каким представляется и представляется ириэ
отрады турман», которые после этих побед истреблены истреблены».
64. В публикации: «и система печати, архаизирован и Китай», и
ириэ» и ириэ на Хань».
65. В публикации: «группы».
66. В публикации: «и ириэ».
67. В публикации: «ириэ» ириэ» ириэ» ириэ» ириэ» ириэ».
68. В публикации: «ириэ» ириэ» ириэ» ириэ» ириэ» ириэ».
69. В публикации: «и ириэ» ириэ» ириэ» ириэ» ириэ» ириэ».
70. В публикации: «и ириэ» ириэ» ириэ» ириэ» ириэ» ириэ».
71. В публикации: «ириэ».
72. В публикации: «ириэ».
73. В публикации: «По ириэ» ириэ» ириэ» ириэ» ириэ» ириэ».
74. В публикации: «ириэ» ириэ» ириэ» ириэ» ириэ» ириэ».
75. В публикации: «ириэ» ириэ» ириэ» ириэ» ириэ» ириэ».
76. В публикации: «и ириэ» ириэ» ириэ» ириэ» ириэ» ириэ».
77. В публикации: «ириэ» ириэ» ириэ» ириэ» ириэ» ириэ».
78. В публикации: «ириэ».
79. В публикации: «ириэ» ириэ» ириэ» ириэ» ириэ» ириэ».
80. В публикации: «ириэ».
81. В публикации: «ириэ».
82. В публикации: «ириэ» ириэ» ириэ» ириэ» ириэ» ириэ».
83. В публикации: «ириэ» ириэ» ириэ» ириэ» ириэ» ириэ».
84. В публикации: «ириэ» ириэ» ириэ» ириэ» ириэ» ириэ».
85. В публикации: «ириэ» ириэ» ириэ» ириэ» ириэ» ириэ».
86. В публикации: «ириэ» ириэ» ириэ» ириэ» ириэ» ириэ».
87. В публикации: «ириэ» ириэ» ириэ» ириэ» ириэ» ириэ».
88. В публикации: «ириэ» ириэ» ириэ» ириэ» ириэ» ириэ».
89. То, «ириэ» ириэ» ириэ» ириэ» ириэ» ириэ».

Оренбургский губернатор и наказной атаман Оренбургского казачьего войска генерал Бобарыкин (1) - воспитанник артиллерийского училища - не соответствовал своему назначению ни умом, ни опытом, ни знанием дела, которое ему было вверено. Служа в строю, он сам говорил, что в Крымскую войну бросил (потерял) одно орудие из своего взвода и за это всегда был укоряем своими товарищами. После, поступив адъютантом в Казанском му, усвоил себе тип этого лица - наружная вежливость и покорность нужным ему людям, эти качества удержал на новой должности, где требовались самостоятельность, настойчивость и твердость в своих убеждениях. Мне говорил один артиллерийский офицер, служивший на Златоустовском казенном заводе в отделении сплава орудий, что Бобарыкин неплохим функционером из франтовства носил руку на перовом, как куптуржанный на войне, хотя и не чувствовал сам и другие, бывшие с ним в близких отношениях, знали, что никакой боли в руке не было. Потом пристал к партии красных (2), члены которой были нередко между артиллерийскими офицерами, круто повернув в сторону, когда судьба улыбнулась и он увидел возможность делать карьеру. На месте губернатора, он проявлял свое благоволение, определяя мировым посредником некоего Г. Боброва из мелких чиновников. Служил этот Бобров в канцелярии командующего башкирским войском писцом и в эпоху либеральных вояжей возмнил смелую мысль пробиться на пушину дорогу, чем та, на которой стоял, не на трудом и службою, а смеельством. Учился в уездном училище и, явившись к генерал-губернатору Катенину, высказал свое желание поступить прямо в Университет без знания гимназического курса, конечно, обманув, что последний он знает и уверен, что сдаст экзамен. Катенину понравился этот поступок, он дал ему 200 р. и отпустил в Казань. Проходит год, Бобров прислал удостоверение, что он ходит в Университет на праве вольного слушателя. Ему послано снова

100 р. Дальнейшей подачи ему не было дано за смертью Катеньки и потому что Бобров в своем усвоении учения говорил сам, а документов ему не представили и в назначении последнего выдали одно желание: получить даром деньги. Бобров из Казани перебрался в Петербург, вошел в кружок nihilistov-революционеров, ни чем не утешся, и образовался в 16 ... (3) Содержать в Петербурге дармоеда шайка далее не хотела, опроводили его в Уфу, устроили его определением на должность уездного судьи и, кстати, поручили ему развестись и раздать заветные грамоты (4), которыми думали подкупить крестьян во время аннексии. (5) Бобров в Уфе женился на дочери Ильинной, у которой были братья - один из них человек порядочный и давно умер (в 1890 г.), служил в министерстве внутренних дел, заведывая киргизскими делами. После этого Бобров перешел на вновь открытую должность судебного следователя на большое содержание, чем уездный судья, перешел на службу в Оренбургский уезд, где и видел его развешивающим на тарантасе, как все уездные власти, и в таранте, хотя очень пожатой, но резко отличающейся своим видом от других экипажей. Бобров говорил, что по болезни не может водить в открытом экипаже; был даже на балах в Оренбурге, хорошо на помине - у губернатора или генерал-губернатора, и не унавоил тех людей, с которыми прежде считал за честь для себя поговорить. Но вскоре его постигло крушение. Жандармы по распоряжению слыша отъезд его в Петербург, где, однако, с помощью сильных из своей партии был освобожден и сослан на житье в Пермь под надзор полиции. Через несколько времени ему возвращено право служить. Этого Боброва Бобарыкин назначил мировым посредником без разрешения министерства, как бы временно исполняющего должность. Я говорил, что такого чиновника, уличенного в сговорении возмутить крестьян, нельзя ставить к ним в качестве начальником и руководителем. Но, вероятно, рекомендация была настолько сильна, что Бобарыкин сказал, что оправдает его на должность - судьба его достаточно помалая; теперь он будет другим человеком; но он остался таким же. Крестьяне и башкиры в грех его не ставили, не слушались, дерзко поступали с ним; он говорил каждому «вы», а ему отвечали ... (6) Поселись в Мидасском казенном заводе, он жил немим nihilistom (7), открыто отвергав-

ший религии, собственность и всякие обязательства в народе отклонялись. К празднику Св. Пасхи заказал себе пасху с куличом, яйцами и сыром, а есть начинал с Петинды страстнейшей модалю; во время утрены стоял на балконе с женой и любовался, когда богачи-миллиеры выходили с крестным ходом и зажжёнными свечами и говорил: «Удивительная картина». Дохожу рассказ о нем. Босодур с ним по делам службы, он высказал, что затрудняется в средствах, имея много долгов. Я говорю ему, что на 2000 р., которые получил пострелом в Оренбургской губернии, и живя в уезде, можно жить без нужды — может быть, для других, а мне невозможно». И тут же сказал, что [имеет] долг свой в 10 или 12 т. руб. Я удивился, а Босодур сказал, что он и процентов не может платить, ростовщики назначают громадные проценты, и, не получая уплаты, приписывают к векселам. Я несколько улыбнулся, что последним нет выгода записывать на кредит и ничего не получать — страдают они, а с него взять нечего. Живя в Мидосе и уезжая из завода, он не заперал квартиры. Скромная мебель, посуда и припасы, если такою пытались, даже дрова, расхищались и он жаловался, как народ груб и необразован — допускаю, что при нужде можно взять чайку, бледо, тарелку и т. [ему] над [обнов], но обирать все — это непостижимое некультурство. Он уехал потом в Владимир, где родная сестра его была замужем за Провителем канцелярии губернатора, чиновником Прессура, а его жена умерла в Мидосе и спавшая казалась перед смертью священнику, что муж ее сделал неверующий и как трудно умирать в этом состоянии.

Другой субъект был в губернии чиновник Болгов, на должности судебного следователя. Бобарыкин, ревизор волости Оренбургского уезда, в село Зибово получил сповестное заявление от отставного пристава, что Болгов не может явиться к нему, не имея мундира (а на самом деле сказал, что губернатор сам придет к нему), и, к удивлению пристава, получив ответ, что он стесняется такими пустяками — поспешит к нему; и попробуй у Болгова около часу, а последний не пошел проводить его. Болгов жил в семье одного крестьянина, развратил всю семью: сначала жил с одной дочерью, потом с другой, а когда последние не соглашались, говоря, что ты уже мне родной, Болгов всем говорил, что ныне от царя вышел закон — жить каждому по воле. Обе

эти два человека самыми разорванными. Слова свои Беляев подтверждал делом, обедаю за одним столом с крестьянами-холопами. И такие лица стояли у народа, а губернатор оказывал им свое уважение.

Тот же Беляев казенные пакеты, посылаемые от него своему начальству, печатал не той казенною печатью, какому была дана на этот предмет, а простою медною монетою в 2 и 3 коп. Губернский прокурор Парамоню, заметив это, сделал ему запрос - почему? И получил в ответ, что он делает это потому, что разбывая по участку, казенную печать оставляет в квартире, и случившись от него в эти разбавки корреспонденцию печатает медною монетою - семиком или трешником, на которых тот же государственный герб. Парамоню доносил в Министерство Юстиции, но ответа не было и чрез некоторое время был освобожден от должности с причислением по Министерству. Теперь он служит мировым судьей в Петербурге и имеет чин действительного статского советника.

Другой брат Беляева служил Орским исправником, на должность эту поступил по рекомендации друга или приятеля Бобарыкина мирового посредника Смагина, тоже артелиариста, привезенного им в Оренбург, где однокласс он не мог устроиться и вернулся чрез 3 года в Вильна - место его родины. Орский Беляев пошел дальше своего брата, не признавал никакого начальства над собою. В 1875 г. или около того приезжал сюда из С.-Петербурга по высочайшему повелению для обследования на месте вопроса о привлечении бахаев к воинской повинности генерал-майор... (2) и чиновник министерства внутренних дел статский советник (2). Отсюда они отправились в Орск и пропали у исправника Беляева пожаловать к ним для объяснений по службе. Беляев сказал, что придет, но не пошел, посылает другой раз - тот же ответ; наконец, в третий раз - человек Беляева сказал, что барин спит и будить его нельзя. На следующее утро тоже не явился, а эти господа уехали из Орска, не только ничего не узнав о порученном им деле от исправника, но не удостоившись видеть его. После, возвратившись в Оренбург, они были в составе особой комиссии, составленной по сему делу Крыжановским, где в числе приглашенных находился и. Они высказывают за дерзкий поступок и неуважение к ним Беляева. Николай

Андреевич ответил, что он с ним поступил так же. В время поезда по губернии он сильно занемог и не имел при себе никого: нуждался в человеке, который бы заботился о нем больном в дороге, рассчитывал встретить Белова; но тот не думал выезжать из Орск, а когда приехал туда, Белов явился к нему по вызову и Крыжановский сделал ему родственное наставление, что он не так поступил с отцом Белова, по болезни оставившем место вице-губернатора в Уфе - успокоил его вполне, спросил в умиленном размахе памяти. Добавив к этому, что он потом говорил губернатору Бобарыкину и он ответил ему, что Белов лучший исправник и он никак не опасается на увольнение его, тем дело и кончилось.

С назначением другого губернатора, генерал-лейтенанта Астафьева, Белов думал действовать в том же духе, и на предписание его приготовить продовольствие и фураж для казачьего полка во время следования его в башкирских солонниках Орского уезда, ответил, что у башкир ни хлеба, ни овса нет, и он - исправник, не провантский чиновник, обязанный заготовлять продовольствие. Астафьев строго заметил ему, что если он не исполнит его предписания, на законном основании, то он ... (10) его место чиновником, который сумеет исполнить свои обязанности. Потом Белов убрался с места, и он перешел в Уфимскую губернию на должность судебного следователя и на последней оставался недолго, был заменен чиновником с юридическим образованием, которого Белов не имел, обучаясь в гимназии или Оренбургской Императорской кадетской корпусе, но курса не окончил. Впоследствии он жил в Оренбурге, занимаясь в осеннее время торговлею хлебами, как он говорил, довольно выгодную, о чем мне передавал бывший секретарь орского полицейского управления Исakov. Я слышал, что теперь Белова нет в живых. Лиц, подобных описанным субъектам, в управление губерний Бобарыкина было достаточно. Они и верил, и уважал и отличал от других, всегда был с ними как бы в дружеских отношениях, делал это сколько он был одного с ними взгляда на вещи, а с другой стороны в эпоху либеральных воззрений все видели и были убеждены в коренных реформах государственного управления на манер конституционных государств и подпадавшим в этому людям нужно давать ход, чтобы они в свое

время услышали взорж и взяли в свои руки бороды привлечен, а чрез них и они, настоящие заправители, в будущем видели возможность быть известными за передовых лучших людей, готовых на всякий прогресс, не нужды были и того мнения, что подавляемая и стирая коронных людей, опасались террора сильных и анархистах людей, которые не прочь отправляют своих претензиона в другой лучший мир.

Институт мировых посредников при управлении Бобарыкине составляли лица различных взглядов: кроме Бобарыки либералом был друг губернатора Смагин - но этот человек был выдержанный, не скоро покажет себя, что такое - вероятно кое-что испытанный. Принимая от меня удачи, состоявший из башкир, он в виде вступительной речи сказал, чтобы они не считали его начальником, таких лиц теперь нет, карай должен управляться сам собою и решать свои дела как найдет по-своему лучше - а он может и остаться посредником в сношениях его с высшими властями. Это заявление имело свои последствия. Губернатор во время объезда волостей Оренбургского уезда в Бурланской волости потребовал от волостного старшины книги волостного правления. Тот прямо не исполнил приказания, а пошел к мировому посреднику (Цюлковскому). Цюлковский, подобострастный полк, вынул глаза и заставил повторить вопрос и ответил, что губернатор выдал его и ему может приказывать (оренбургские посредники в силу крепостнического положения хотя и не получали предписаний от губернатора, но все бумаги считали как бы предписанными, а сам народ смотрел иначе). В первое время по поручению башкир из военного в гражданское управление генерал-губернатор Крыжановский и губернатор Бобарыкин были заняты испытанием мер и улучшением из извещаемого быта. Были вызваны все мировые посредники и под председательством самого Крыжановского обсуждались различные меры и на этом заседании выяснилось, что в Верхнеуральском уезде коневые башкиры скотно сеют хлеб, получая от русских один семена, расплачивают сами свои земель, и, исполняя все работы, а по обмолоте урожай делится пополам между выдавшим семена и башкирами. Такие сделки выгодны для обеих сторон, занимающихся ими почти исключительно чинизми, а в числе их бывший начальник башкир подполковник и мировой посред-

них Броссе. Решими продолжать эту игру и дали как Броссе, так и другому посреднику Пузину казенные деньги на покупку хлеба, для раздела баширом с правом получить с них половину урожая - на уплату долга - но т.е. часть эта превышала покупную сумму, то куда пошли остальные деньги, никто не считал нужным требовать отчета - они остались у посредников и при ревизии не дал губернатором ни один из них не оказывали переплюс к своему предмету. Из одного волостного правления была переплюска с сим, но посредник Броссе не дал мне посмотреть, взял себе, сказав, что дело далеко не чисто. Те же посредники Броссе и Пузину, обязанные во время разъездов платить прогоны, обязали башира составить на волостных судах приговоры возить их без прогон, внося общественные суммы несколько десятков руб., конечно, много меньше, чем они платили при каждом случае проезда и также злоупотребление Бобарыкиным примерял, не давая делу законного хода.

Посредник Броссе купил у башира своего участка шкурки ценных зверей: лис, куниц, белок и т.п., составил из них мех, торговал ими и привозил в Оренбург, где по своей цене уступал жене Бобарыкина, а равно отправлял суда на Березеуральск дичь - рябчиков, глухарей, тетеревов и уродчаток. На воротах квартиры Броссе прибито было одним свельчатом объявление, гласившее, что здесь принимают звериный шкура и всякую дичь для отправления в Оренбург для тамошней администрации. Говорили, что это сделал один сосланный - туда политический преступник - по разным другим делам ли был судим в Оренбургской Судебной Палате - за дерзкий его проступок против членов, которых он обругал в Присутствии при объявлении приговора, был сослан в Сибирь.

Тот же Броссе допустил башира Каинской волости составить приговор об отдаче 100 т. дес. лесу для постройки горного завода на 50 лет с платою в год по 1 р. за каждую вырубленную десятину, другими словами от 1 т. до 1 1/2 т. руб. в год за 100 т. дес. По жалобе башира производилось дело, Броссе умер, а кредитор отказался от своего права.

Приведу здесь еще бывший случай, как губернатор Бобарыкин поступал со своими подчиненными, находившимися в исключительном положении, т.е. под покровительством других лиц: случился ему оплатить тем же. В Оренбург-

ском уезде находится большое имение (или большое имение) гг.Тимашевых - село Покровское или Ташла, residence не и центр управления. В 1873 или 74 г. приходит в село Ташлу местный становой пристав Теодор Клебо, произошло не помню фамилии, кончил свое дело с крестьянами, он приказал приготовить к отъезду своему лошадей и послал отсюда к управляющему имением купцу, но по образованию своему и своему положению интеллигенту, с приехавшим ваться к нему тотчас - он ответил посланному, что не может, занят расчетами с рабочими и придет, как окончит свое дело.

Пристав возмущен отказом и приказал взять его, выразился народной речью, за шиворот, и привести его в квартиру пристава, что староста исполнил, а купец он был ему для объявления какой-то бумаги по имени Тимашевых. Обиженный грубым обращением, управляющий имением письменно просил Н.Е.Тимашева, жившего в г.Оренбурге, родного брата министра внутренних дел генерал-адъютанта Тимашева, защитить его от насмешки пристава, кроме личной обиды, унижения и ташла для него видеть того, что это сделано при крестьянах, которые, пожалуй, и сами будут поступать с ним [так]. Ехать лично в Оренбург управляющему не позволяла дела по имению. Н.Е.Тимашев был у губернатора, прочитал ему письмо, подождал немного, но Бобарыкин не обратил внимания, потому что исправник благоволил к становому, что он хороший и исправный чиновник, Н.Е.Тимашев пишет в Петербург племяннику, сыну министра, передать все подробности дела, особенно отягчающий поступок станового - тем, что он так нагло поступает в имении министра и не боится ответственности; что же после этого сделает он у какой-нибудь вдовы-бедной помещицы - эту прямо приказано привести за кося и не будет отвечать. Делает дерзость пристав потому, что уверен, что его защитит исправник Чернов, брат которого, генерал, служит в Главном Управлении Казачьих войск помощником начальника сего Управления и за обиду его одоляет и будет делать несправедности самому Бобарыкину с вредными последствиями. Телеграммой министр спрашивает губернатора, что он сделал с приставом за его поступок в Ташла. Бобарыкин ответил, что ни он, ни губернское правление не имеют жалоб управляющего. Тима-

шим своим телеграфирует: «я окончательно знаю, что в министерстве лично читали жалобу моего управляющего, что же сделали?» Бобарыкин ограничился переводом пристава в другой лучший стан, где помещиков нет и полиция жить доходнее и спокойнее; исправник Чернов остался без замещения, был представлен и произведен в чин полковника, а вотом вскоре назначен на высшую должность советника Военного хозяйственного управления, но служил недолго и при произведении Бобарыкина, генерале Астафьева, который тоже опасался брата его, произведен в чин генерал-майора и уволен в отставку.

Так губернатор Бобарыкин действительно защищал своих подчиненных в их поступках, если видел, что карательная мера может так или иначе отразиться на нем самом.

О приведенном здесь случае мне рассказывал сам брат министра Н.Ег. Тимашев - потом, как бы успокоить самого Ал.Егор., направил в благоприятном виде собственное земельное дело их с башкиром. Прадед Тимашевых, бедный офицер, служивший в Ландмилицком полку, как тогда назывались гарнизонные войска, жил в нынешней Пречистенской станции, а тогда крепости, и видел, как предприимчивые русские люди приобретали задаром у башкир [землю]; вступил и сам их эту дорогу. Из военной службы перешел в гражданскую, занял выгодное место в навозо-развозной тележке, стремился казенные лошади с привозимых товаров делить между властью и помещиками людьми. Пошел по службе дальше - был помещиком губернатора и накупил у башкир в Оренбургском уезде свыше 200 т.дос., где и поселил крестьян и сам основался. От Н.Егор. я слышал, что занимается подрадажик, [он] широко разбогател; имени его были даже в Нижегородской губернии - известное село Быково, но об этом позже. Покупая землю у башкир он до времени ни в чем не стеснял их в свободном владении и пользовании - поселенным крестьянам тоже жилось прилично, всё было в изобилии. Землю Тимашев обмывал до открытия в губернии генерального нежелезного коштным нежелезанием, т.е. на свой счет принял все расходы. При всей предусмотрительности в окружность замехованной ему земли вошли несколько башкирских деревень. Одних Тимашев сумел опровергнуть на другие их вотчинные земли, но две деревни - Кашанова и

Синзенова - остались на прежних местах житальства. В 40 гг. было гражданским порядком заведено дело о выселении их, но суд не уважил ходатайств Тимашиных, сказав, что башкиры могут жить и пользоваться землей по-прежнему под защитой и покровительством губернского начальства. Башкиры откочевывали батыно на пасту в зимник. Тимашины, получив по смерти отца именье, не оставляли своего желания выселить башкир. Ал. Егор, жил в именни после освобождения крестьян в Ташле. Я имел случай быть у него и он говорил со мною об этом, но не прямо сказал ему, что едва ли он успеет получить желаемое. Это-то дело генерал-губернатор Крыжовниковский и губернатор Бобарыкин поднимали снова, желая сделать угодное нужному обшину казенному лицу - сделано представление в министерство о наделении башкир при месте житальства положенною пропорцією земли (из владения Тимашиных), а взамен сего отрезать у башкир такое же количество Тимашиным в другом месте. Главный комитет по устройству сальского населения утверждал это предположение - но при исполнении порадали интересы Тимашиных, они не соображали сколько и каких земель отойдет от них - пришлось отдать башкирам до 4 т. дес. лучшего леса, березового несколько лет, а взять от них степную пахотную землю, которую Н. Егор принял на свою часть и скоро передал крестьянам, а с переходом леса башкирцам они довольно пустыни вырубку его крестьянами и последние перестали покупать его у помещиков, нанося им убыток и уменьшение доходов. Так кончилось многолетнее дело Тимашиных, при других обстоятельствах и не таких усурдливых и готовых на уступки чужой собственности начальникова дело не могло иметь такого исхода.

В управление губернатора Бобарыкина в Оренбургской губернии были две сильные голодовки по неурожаю (11). По ходатайству губернского начальства была отпущена на казны значительная сумма денег для покупки хлеба голодающим, тут были и злоупотребления и беспорядки, последние имели место при раздаче хлеба не одним голодным, а почти всем, явившимся брать, а особенно, когда давали не натурою, а деньгами. Покупка была поручена разным лицам и в том числе командированным в помощь местным губернскими из генерал-губернаторского управления. Лица эти, не находя хлеба на месте, приписывали достав-

дать его третьим лицам и заключали с ними условия. Как-тогда польского старосты и нескольких стариков отарывали достаточную право получить деньги, на самом же деле хлеб натурою поставлялся в редких случаях и в небольшом количестве, а на руки нуждающимся давали деньги с уступкою в пользу поставщика известной суммы с подрадной цены, а у башкир давали чай, сахар и очень мало хлеба. Чиновники и подрадные все время были на месте, играли в карты и проигрывали деньги, чем, в сущности, прикрывались этаким. Губернатор Бобарыкин жил в своей квартире и катался с ледяных гор в салазках со спокойною совестью, а казалось бы должно бы ему на несколько дней поехать в Орский уезд, где более всего голодали башкиры и одна приезд его мог устранить злоупотребления. Но он смотрел на каждое дело так: считал, что положено законом - и далее оставалось на произвол идти делу по шаблону. Достигнув очень скоро высокого положения, и нередко временно исполняя должность генерал-губернатора в его отсутствие, впоследствии были интригами и продолжательны, особенно в переезд время, когда Туркестан был подвodomышен Оренбургскими властями - генерал Бобарыкин много думал о себе. Обращавшиеся к нему лица с просьбами не всегда находили доброе слово и ласковый приезд. Я выше сказал о случае, бывшем от офицера Естафьева, который дал письмо Бобарыкину, но это был один из бойких и неустранимых просителей, другие утешали себя за оскорбление слезами. Вдова полковника Екатерина Ивановна Харитонова, муж которой умер на должности бригадного командира конной казачьей бригады и отличился своим храбростями и знанием дела в военных делах с кохандцами, приезжала лично просить наставного атамана устроить воспитание сына своего. Бобарыкин на переданную ему преданием дело приезда Харитоновой громко в кабинете ответил: «Скажи ей, чтобы просила чрез ставленного атамана». Бедная барыня целую неделю приплакала за такой ответ. Как родственница, жила у меня и по совету моему повезла сына в г. Уфу и поместила на свой счет в пансион гимназии, потом уже сын переведен в кадетский корпус по смерти матери, которая в эту поездку осенью и в дурную погоду простудилась и умерла.

Другой случай: оставной генерал-майор Немыров, слу-

живший командиром местного казачьего полка, а потом полка, посланного для усмирения поляков, расстроившись в своих делах и крайне нуждаюсь даже в содержании себя и своей при том большой семье, обратился к Бобарыкину с просьбой помочь ему чем-нибудь, сказав ему, что скоро должен умереть с голоду; получил ответ: «Умирай же, а помогать вам не буду, и денег на это не отпускается». Последнее справедливо, но в исключительных случаях по ходатайству выдавались пособия из войсковых сумм, из которых было дано 5 т. р. на поездку за границу, а казачьему генералу, 60-лётнему старому, не дали 100 руб.

Все, что я сказал, были случаи с частными лицами, не в лучших условиях [были] служившие, заботиться о которых обязан был казачий атаман. При завоевании Бухары и Кокана во время еще зависимости дал от Оренбургских властей - оренбургские казаки приняли большое участие. Один эскадрон казаков, бывший под начальством эскаула, умершего недавно в чине генерал-майора Петра Федоровича Савина, возвращался в войско. Был направлен на город Орск; прибыв туда, не нашел осенью продовольствия для себя, ни фуража для лошадей. Проголодав несколько дней, должен был идти в свои дома в 3-й Отдел за несколько сот верст именем Христовым - горько и тяжело было казакам, половина которых составляли георгиевские кавалеры. Случилось это потому, что бывшие в Орске управители 2-го Отдела с Атаманом и его Штабом переехали в более центральный пункт - г. Верхнеуральск, а полубыли оставить в Орске всего-либо для одного возвращающегося из степи отряда и продовольствием их.

Земляной артиллерийский офицер с кадетским образованием, поступивший на фронт на место адъютанта в неказачьему генералу, каков был тогда Крыклинский, побывавший потом в Китае с русским посольством, Бобарыкин сразу и очень скоро в чине молодого полковника занял высокую административную должность губернатора и казачьего атамана, равную по правам с начальником дивизии, не имея ни опыта, ни предварительной подготовки, конечно, многого не знал и не понимал, повел уверенное ему дело сущее на помочах других и из привычек прежней службы образовал свой характер уступчивый и покорный, в отношении к старшим и пренебрежительный к

низшим его, возмечтал в себе много - этим объясняется его услужливость в провидении дела Тихомировых и их интереса и в подавлении дерзких поступков отставного пристава в селе Ташла, дабы не делать неприятности исправнику Чернышу, именному брате - в главном управлении казачьих войск, которому он был подчинен.

В этом же эпизоде это объясняется: постоянный обход войсковых офицеров при занятии высших должностей, предпочтении им рекомендованных административными лицами посторонними в обиду первым, вынужден их оставлять службу в войска и переходить в адмиралские части, где они получили то, в чем отказано было где(сь). А дерзкое грубое униженческое обращение с низшими, обращающимися к нему, лицам, вынудившее одного из них, г. Ботарьева на самую резкую выходку - ударить в лицо его при исполнении должности генерал-губернатора, за что он и пострадал. В частности, [Бобарыкин] следовал установившимся в военной службе правилам, был честен, когда имел возможность получить субсидию на казачьих сумм сверх жалованья, а в Орле, не имея такого источника, он, по примеру военных генералов, берущих деньги под расписку из полковых сумм, он брал деньги под расписку из Городского банка. Там давали, чтобы усилить надзор за неправотными действиями, но когда банк обанкротился, и [обнаружилось, что в] числе должников состоит губернатор, предложили ему убраться подальше и здорее. В общем управлении Бобарыкин вел дела шаблонным порядком: выслушивал доклады, давал подсказанные ему рекомендации и тем личной инициативы не возбуждал (дал о) прекращении злоупотреблений - они продолжались, не были замечены. Таков был Бобарыкин в Оренбургской губернии. Генерал Бобарыкин при общей раздаче башкир(ских) и малолетних казачьих участков не получил ничего, может быть, из расчетов взять лучше и в большем размере из казачьих земель при наделении казачьих офицеров потомственными участками, что могло осуществляться при содействии генерал-губернатора Крыжановского, щедро рассылавшего войсковой капитал разным лицам, и немало попало в руки Бобарыкина. При Александре II он имел силу и подтайство его всегда удовлетворялись. Впрочем, ходит слух, что Крыжановский жалел удовлетворить и своих ближайших сотрудни-

ков - начальников отдельных частей. Собрал их в одно время, предложил каждому избрать участок по плану, тут же лежавшим на столе - Бобарыкин сказал, что он посмотрит, где выберет себе землю правитель канцелярии Холодковский (12), там и он возьмет, шибби не будет. Слова эти вызвали Холодовского дерзко и при всех ответить ему, что он при каждом случае кавальерно говорит с ним без всякого основания, и не только ему, но и другим неприятно слушать его дерзости. Это, говорит, было причиною, что Крыжановский, медовольный как выказанным неуважением к самому себе, не представлял Бобарыкина к получению земли на льготных условиях и за уменьшенную цену. Раздача участков на льготных правах и массою обратила общее внимание, в газетах помещались статьи, осуждавшие эту меру - сам Крыжановский подвергался сильному укорам - Бобарыкин предвидел скорый и неизбежный уход Крыжановского - искал покровительства у бывшего министра внутренних дел генерал-адъютанта Тимашова, который и просил ему перевод губернатором в Орел, где он служил 5 или 6 лет, а потом не по своему желанию оставил это место, вышел в отставку. Быть может при этом переводе из Орла в Орловскую губернию имело некоторое значение содействие Бобарыкина окончить дело о земле Тимашовых с Башкирами в интересах первых. С переводом Бобарыкина место наказного атамана и губернатора занял по рекомендации Крыжановского начальник войскового штаба генерал-майор фон Зенцбург, и за смертью его поступил генерал-майор Астафьев, но в их управление я был в отставка, адалм от всяких дел и замечаний на их образ управления не пишу. Впрочем, могу добавить о времени приезда в Орел сенатора, а потом члена Государственного Совета Михаила Евграфовича Ковалевского. Он послан был по Высочайшему повелению сначала в Восточную губернию по поводу бывших там между татарами волнений от слухов, что их хотят сделать христианами. Дело вышло из-за того, что губернатор Скарятин распорядился для предупреждения несчастных случаев замораживать людей дорогих, застигнутых сильными снежными вьюгами, когда дороги заметаются снегом и путники, не имея возможности спастись и достигнуть каких мест, нередко в близком расстоянии, погибали в дороге - распорядился в

таких случаях звонить в колокола, чтобы на этот звон могли направиться проповедники, собираясь в путь; а в 13-тарских деревнях привесить колокола и мечетей на минаретах. У последних татары возопновались, дело дошло до открытого бунта. При усмирении губернатор Скаретин принимал строгие меры, телесно наказывал плетью богатых татар - магнитанское духовенство и богатое купечество. Татары, фактически настроенные, посылали депутатов в посударю. Скаретин был силен и предан суду в Правительствующем Сенате, но благодаря защите издателей «Московских ведомостей» Каткова, много писавшего о нем в защиту губернатора, дело не преследованию было прекращено и Скаретин — недолгое время был в другой губернии губернатором, а потом сошел со сцены. Ковалевский, конечно дело в Казани, приехал в Уфу для открытия злоупотребления по расхищению вотчинных башкирских земель, продаваемых семуземным владельцам за ничтожную плату и для обнаружения анонимных в раздании казенных и оставшихся от надела башкирских принужденников земель. О первом злоупотреблении генерал Крыжановский сам доносил в Петербург, а для проверки правильности его действий во втором деле также сам просил министерство местного управления. Конечно в Уфу дело, Ковалевский приехал в Оренбург, будучи уже членом Государственного Совета, такого звания генерал-губернатор Крыжановский не имел и предполагал первым сделать визит Ковалевскому. Последний стал чинить эту честь и сам поехал к нему. Ковалевский жил в доме, принадлежавшем ныне купцу Егору Николаевичу Иванову в старой слободе против Толстого сада. Жил он здесь для надела или издал того времени, рассматривал какое-то дело по покупке земель у башкир частными лицами. В газетах кричали, что земли купил Шотт, бывший предводитель дворянства, но здесь узнал, что сам Хлодовский лично земли у башкир не покупал, тестя его Шотт платил не дорого, но большую часть приобрели почетные граждане Давыд до 50 т. дес., Шихобалов - 30 т. дес., Плещанов - 15 т. [дес.], Мининцев - 8 т. дес. и другие лица тоже по одному и отчасти иждией, каков стояли тогда на все земли и плату делали не деньгами, а до половины хлебом и товаром. Лесная компания Сиворидова купила отличную лесную дачу по сплавному рекам Ижме свыше 20 т. дес. за 60 т. руб.

Конечно, в продажной цене не включаются карманные деньги, раздаваемые лично из руки башкиром, но никто из последних жалоб не задался. Башкиры скотом бы сродили всю землю, да нельзя было. Закон позволял продавать в размежеванные дачах излишнюю землю, а башкиры волюсти были далеко не все размежеваны. Указал Ковалевский и за ним указал Крыжановский и на другой день по личному представлению Ковалевского Государю Императору последовал указ об упразднении Временного Генерал-Губернаторства и назначении Крыжановского членом Военного Совета. По рассмотрении отчета Ковалевского Крыжановский ушел на присяжии в отставку, чему прежде примера не было. Правитель канцелярии тайный советник Холдобинский, управляющий Уфимско-Оренбургской контрой государственных имуществ статский советник Ивашинцев на основании известного 3-го пункта - без прошения Уфимскому губернатору (13) объявили строгий выговор за несвоевременное донесение о бывших злоупотреблениях.

(14) ... а можно сказать немного. Флиг Зенгбуш приехал сюда в чине полковника на должность начальника штаба Оренбургского казачьего войска. До этого времени он служил в образцовый артиллерийский батальон кадровым офицером, исправляя обязанности адъютанта (из его биографии, помещенной в «Губернских ведомостях») (15). Говорили, что получил место по рекомендации Валентины Евгеньевны Елены Павловны. Названным атаманом был генерал Запорожский, которому он не нравился и выждал случая, как бы от него избавиться, но вышло не так - сам Запорожский скоро заболел и умер. Последовало назначение новых лиц - генерал-губернатора Крыжановского и атамана Вобарыкина. На первых порах полковник Зенгбуш было не особенно хорошо, но он сумел найтись. Крыжановские указали на него из Оренбурга, дочерей его и младших дочерей (так в рукописи - Д.С.) брала на попечение жена Зенгбуша, пробывавшая этим путем в семье их, последовало обличение. Зенгбуш получил чин генерал-майора и с переводом Вобарыкина в Орел - должность казачьего атамана и губернатора, но эти повышения ничего не привели ему. При раздаче участков ему дали участок в 2 т. дес. в Уфимском уезде и затем возникли пререкания с генерал-губернатором,

полагавшегося на своего приятеля канцелярии Каюдаевского. Отношения его к Зенбугу изменились из-за предков губернского начальства к тестю его губернскому председателю дворянства Шотту, сплотившему нас одновременно с К. Саворшма. Крымчанский требовал, чтобы все с клеймами Шотта отдавалось ему, а Комашина находила разбор каждой плахи стеснительным и предлагала ему брать из них части - дело доходило до Сената, а Зенбугу было неприятно видеть к себе недоброжелательство - от этого как от другой причины, заболел и умер в 1877 или 78 г.

Генерал-лейтенант Астафьев (16) из отставки поступил на должность губернатора и атамана, как говорили, по избранию министра внутренних дел генерал-адъютанта Тимашева, лично знавшего его. Астафьев в 40 гг. служил в Оренбурге молодым офицером Генерального штаба, играл здесь на любительских театрах в известной комедии «Булочник немецкого» и хорошо распева на сцене «Бя, Карлуша, не робей, поскорей за ум принимайся - Люди спросят, кто такой - скажешь булочник немецкий» и проч. Потом является сильным преобразованием генерал-губернатора и наказного атамана. Человек добрый, но ничем не замечавший себя и ничего не предпринимавший. Дела шли в строгом законном канцелярском порядке - в заседаниях комитетов, вероятно, чтобы заткнуть время. Рассказывал много анекдотов из казачьей жизни, с которой ознакомился, долго служив на Кавказе командиром полка, директором департамента Государственных имуществ при князе Воронцове и в должности Кутаисского губернатора. Он говорил, что раз приехал действительный тайный советник для ревизии и ему ожежал представиться один генерал-лейтенант из татарских яман, долго продержал его и, наконец, [Астафьев] громко сказал, что ему никогда тратить время на приемы. Хан обиделся и говорит, что не может быть, что это сановник царский - вероятно, царю показали, как делают в Персии шаху - одного, а послали другого. Не думал, чтобы это было в России, имея малостиево принимал государь Император, а этот не пожежал видеть.

Астафьев был женат на вдове немца-аптекаря, с которым был в связи, у них были дети и от первого мужа и его собственные. Дочь от немца была выдана за чиновника Богдамова, который вскоре получил место советником губерн-

ского правления, оставаясь вместе с тем секретарем губернского крестьянского присутствия и получая по своим должностям жалование до 5 т.р. вместо приданного, которого не получил за женою, а член того присутствия действительный статский советник Потолов - секретарем в тюремном комитете, пользуясь жалованием в 300 р. и наградами из арестантских грошей, все это считалось законным. Богданов умер по назначению. Масловова и Потолов получили места с казенным содержанием в Крестьянском банке и там беспорядок.

У Астафьева был сын один, дурак, лет 15, ушел с матерью. Когда он сам (Астафьев) умер (в 1864 году), жена отказалась хоронить по неимению денег. Была особая подписка по казенному управлению со включением псарей, давших по 20 к.

У Зенбурга было три дочери, вышедшие здесь замуж: за сотника Мишурова, оба умерли; другая за учителя гимназии ... (17), порождавшего в Мезелинск на место директора провинциали; третья за офицера фон Вольского - состояла адъютантом при Крыжановском - (умерли в Петербурге) сын Влор, нигде не доучившийся. Чтобы получить классный чин, я определил его в канцелярию, когда служил губернским председателем, откуда он перешел в Казенную Палату, женился на дочери майора Лобысевича, ушел в мундир матери в Екатеринославскую губернию, где, вероятно, находитс. Получил чин - по указу, он не мог выдержать экзамен по программе уездного училища и, кажется, принадлежал к товариществу Однорыва, Кузнецова, сосланного по суду за кражу в Сибирь. (см.гл.ХV) [После] Астафьева губернатором назначен был Масловова.(18)

1. Забарыкин Константин Иванович - казачий атаман Оренбургского казачьего войска, Оренбургский губернатор в 1831 - 1834 гг. Из дворян Ярославской губернии, 1829 г.р. В 1846 назначен Михайловским артиллерийским училищем. Принимал участие в усмирении Венгрии в 1849, участником сражения Са.Анна 4-й степени «за храбрость» при форсировании Дуная при Браилове (1854). Са.Анна 3-й степени с бантом за отличие при осаде Силистрии (1854), Са.Владимир

шары 4-й степени по оборону Сиверскому (1855). Сл. Владимир 2-й ст. за отличие при у. Черной (1855). В 1861-1862 - командир в Урен. С 1865 - начальник штаба ОКВ.

1. Присутств. в тексте рукописи.

4. Подписанного автором.

3. Н.Огарев в «Кавказском вестнике» об опубликовании Манифеста в Пермской губ. 23.5.1867 г., писал, что «между крестьянами Пермской и Оренбургской губернии есть убеждение, что царь пишет им письма как казанским черкешанам». [Кавказск. А. Гердана и Н. Огарева - факс-изд., вып. V, 1862, Лондон. - Изд. АН СССР, М., 1962. - С.113.]

6. Отпечатан автором.

7. Подписанного автором.

8. Факсимиле присутствия в рукописи.

3. Факсимиле присутствия в рукописи.

10. Слово выписано переборщиком.

11. В 1882 г. урожай был не только удивительным, но и составил 1.137.435 чиха (мысли 1881-го года на 3397 чиха). Средний урожай составил - сам 3,7, среднее - 4, 4 [ГАОИ Ф.16. Оп.2.Д.43а. Д.17,72,88.] В 1882 г. по предписанию губернатора «лучшие прикрестьянские и торговои». На рынке - треть обычного урожайного года, цены выросли в два раза. Урожай сам 4 - изобильный. [ГАОИ Ф.16. Оп.2. Д.49.Л.19-74 об.]

12. Хандомирский Александр Дмитриевич, тайный советник. Родился в 1828 в семье капитанского чина в Симбирской губ. - «из детей енисейских старост». На службу поступил в департамент разных дел при в. оборон. капитанского чина (9 января 1842. Через пять лет уволен по болезни со службы для обучения в С.-Петербургском университете. С 1871 - вновь на службе в капитанском чине, военный гусарский в чине коллежского секретаря. В марте 1876 по приглашению перешел в Департамент финансов тайным статс-секретарем. С 1879 - коллежский воевода. В 1881 - начальником статии департамента, с 1882 - членский советник, 1883-1884 - департаментский статс-секретарь комиссии МВД для устройства деловой и промывательной финансов кредитных билетов. В феврале 1884 - член комиссии при Министерстве государственных имуществ для устройства переселения, высланных из Царства Польского за участие в мятеже. В апреле 1884 - член комиссии для устройства новой системы переселения крестьян в Сибирь. Сентябрь 1884 - член комиссии, учрежденной Министерством финансов для определения меры уплаты налога в устройстве и содержании крепостей. В ноябре - в лизинной комиссии Министерством финансов

набережного парка. В 1844 - назначен Оренбургским военным губернатором в Уфимском и Оренбургском краях, в 1846 - назначен Уфимским государственным иерархом на Кавказе и в Казани. 28 октября 1874 был уволен из службы по причине расстроенного здоровья из-за страды на почве. 16 февраля 1875 вновь был назначен на службу Оренбургским губернатором. В 1879 произведен в генерал-лейтенанты. Умер 7 июля 1884 от инсульта в петербургском доме. Похоронен в семье на кладбище военного министерства Новодевичьем кладбище. Его именем был назван один из станционных поездов 2-го военного отдела ОКВ. (дальше В. Сомович)

17. Фамилия пропущена в рукописи.

18. Последняя фраза написана одним изречением, членовским, сгруппированным рукописью в три строки.

ХIV.

Н.А. МАСЛАХОВИЧ (1844 - 1894 гг.)

(1) ...человеком на службу золотопромышленника, Крыжановский принял его к себе в канцелярию начальником отделения и при отрывавшейся вакансии посадил его вторично вице-губернатором в Оренбурге. Человек хорошо образованный и светский, он был на месте в обществе, но на службе стоял не высоко, часто затруднялся в разрешении и направлении дела, однако это не помешало ему достигнуть верха. Он был Пермским губернатором и служил на этом месте 6 лет. Во время бывшего в восточных губерниях, в 1891 г. (2), голода, посланный туда сенатор изъезд Голыцин (ныне главноуправляющий на Кавказе) заметил его неспособность и Лукьянов был уволен в отставку с пенсией, чем ему отрезал путь к дальнейшей службе. Жил он кажется в Казани, откуда он родом. Маслахович (3), получив назначение губернатором, потребовал отсюда доставления ему хотя краткого описания современного положения губернии и важных дел, представленных на разрешение в Министерство, последние просил сгруппировать и привести

с собою Правителем сарай канцелярии в Петербурге, куда он отправился. Справка послана, но Правительство канцелярии не пошло; нигде было взять денег на прогоны, а на личные кода тайств и Министерстве ему сказали, что нет надобности вызывать Правителя, другие губернаторы не возят с собою таких лиц, а всякие кода тайства возбуждаются с места по ближайшим их там обхождениям. В сентябре 1864 г. я был по своим частным делам в Петербурге, посетил Масловова; он жил у своего шурина, тайного советника. Встретились с ним как старые знакомые. Он служил здесь с 1859 г. как офицер Генерального штаба при генерал-адъютанте Катанове - корпусном командере и оренбургском генерал-губернаторе; занимался казачьими вопросами в либеральном значении или попросту об упразднении казачьих войск и ему поручено было изучить этот вопрос в отношении Оренбургского войска, а потом Астраханского. Он работал над этим вопросом и представлял свои соображения, но Государю Императору Александру II благоутробно было оставить все без последствий. Воля Его Величества была выражена так: «Достаточно уничтожено старого, иррегулярно, подождать, что выйдет из новой реформы». Из Оренбурга [Масловов] в 1860-1862 гг. был послан в Уральск членом в комитет по преобразованию уральских казаков; отношение его к сибирским казакам, напечатанные в современной печати, клонилось к тому же, т.е. бесполезности всего войска в военном отношении. Уральцев признал Масловова потерянными удальством и боевой дух, плохо управляемыми с конем и оружием. Из Уральска он был назначен Председателем Донской нежской конносии, а потом помощником наказного атамана Донского войска по гражданскому управлению, с казенной должности переведен в Оренбург губернатором и наказным атаманом.

При разговоре с ним в Петербурге, я напомнил ему, как он, будучи молодым офицером, возмущался тем, что оренбургские казаки широко пользуются правом на свои земли - простой казак засекает 200-400 пудов на общественной земле. В России этот размер под силу помещикам средней руки. Масловова добавил: «Я буду писать и говорить везде о такой несообразности». Говорю ему: «А теперь вы атаман, пожалуй и задумаете проводить эту идею» - Нет, пусть пашут и скот сколько могут. Но, к сожалению, это

сделалось теперь неважным: за унизительным распределением между станицами и наделенным участками офицеров прежних обширных пространств у казаков нет».

С приездом Николая Алексеевича в Оренбург, что было 20 ноября, общество горожан, почти исключительно купечество, устроило ему заочинный обед с шампанским и тостами, на который были приглашены представители отдельных ведомств: Тургайский губернатор генерал Проценко, начальник местной бригады, директора кадетского корпуса, гласные и другие почетные лица и в числе гостей был [е]. Места для сидения назначал вице-губернатор Лукошкин, но по значению должности или старшинству чина, а так, по своему взгляду. Вышнему губернскому председателю (дворянину) Шотту пришлось сидеть ниже Тургайского вице-губернатора Ильина, некогда не равнявшегося с первым, по этой причине некоторые гости были недовольны. Речь говорила Городской Гласная, от купечества, представители банков, которые затронули вопрос о кредитах и торговле; а что натолкнуло торговцев отвести из двух лиц — Масловова и Проценко, в ведении которого находились ярмарки, выходящие по торговле и сбыту своего изделия и скота больше дела со здешними купцами. Пили за здоровье того и другого лица и за процветание управляемых каждым частей. Масловова, отводя от себя и по поводу тоста за здоровье его жены, сказал, что его Юлиа Егоровна употребит все силы, чтобы с пользой служить губернии. Последнее как-то неловко было слышать о женщине, не призванной ни к какому служению, но оно вскоре обнаружилось. Люди, имевшие дело с губернатором, старались расположить Юлию Егоровну на свою сторону. Это более всего имело место при назначении чиновников. У ней в виду была и связь с тем чиновником особых поручений заняв место некий полицейский чиновник Соловьев, из солдат, прошедший на верхов, будучи военным кантонистом, бывший, но первый мошенник и плут. Он как бы чутьем узнавал, куда пойдет губернаторша и в том месте ждет ее и провожает. За такую верную службу он был постепенно повышен и достиг степени частного пристава и получил орден Станислава 3-й степени. Товарищдаже, конечно, не получал таких наград. Сам губернатор, любивший молоток в руках, избрал себе ближайшую широкую, так называ-

ишбис - соборник, ныне упраздненный, и здание ставлено под публичные чтения с туманными картинами, устройство епископом Владимиром. Тут в каждой службе являлись полицейский чиновник и два полицейских солдата. Служба отправлялась монахами, в старостой служил отставной солдат Семен Липатович [.....] (4), человек усердный в Божиему храму, но и себе не забывавший. Церковь эту он держал в своих руках, монахам-иереем платил жалованье, а равно и другим лицам, а церковные доходы собирал и хранил как занцу ося на новый собор, куда на постройку через его руки прошло до 30 т. р. за такое усердие получил серебряную и золотую медали, на шее орден 3-й степени и Станислава 3-й степени - все награды по ходатайству Масловска. При благодушных обстоятельствах, усердовавших скорее застроить достойный по завету храм Божий - Щербакое по несколько дней держал в соборном приносиле из Табынка чудотворную икону Казанской Божьей Матери - обходили с нею все улицы дома и на милость собиралась толпа из народа. Преосвященный Макарий отказал в таком предположении - икона стояла не более двух суток, сказав, что если не хватит денег на постройку - богатые люди дадут их, а обижать (5) наших бедных духовных лиц нет надобности. В награду за такое усердие Щербакое всегда на торгах [получал] выгодные для него [подрады на] постройки мостов, перевозов на почтовых трактах; возводил их не тогда, когда более нужны, а чтобы не платить дорого; когда после весенней воды реки становились уже, малые, а сараги бужи и для провоза чрез последние не были надобности в мостах. Все эти мосты строились так, что следующая весенняя вода размывала их до основания. Щербакое брал с себя постройку и, хотя [иногда] такую постройку, поехал для личного наблюдения в позднюю осень, простудился и умер. Замоская полиция не могла доносить о неисправностях, а Масловска за его усердие к церкви всегда был в хороших отношениях. Одна из таких построек вызвала у меня столановение с губернатором, о чем я сказал выше. Полковмейстер Николай Васильевич Однцова, человек способный, но ленивый; поддерживал свое полкование и оставался из-за жены, немолодой и нахвастливой, а умело ведущий дело. Мадан эта лениво устроилась в дамском кругу и на вечерах сумела проигрывать

нужным ей даным. Юлия Егоровна Масловская не была причастна к выигрышу, но любила поиграть в карты, образовала свою партию и Одинцов был там необходим, чтобы составить партию. Муж последней доставил средства на игру, но был спокоен за свое место, которое доставили ему З. т. р. в год и половину квартиры. Сидел у себя дома или разгуливал на одинокую по городу, чтобы показать себя, но подчиниться не видел — колодочные гуляли на бульваре, а городские сидели в кабаках. С увеличением Масловская новым губернатором Брине выписал нового полицмейстера Доброхотова; этот строго следит за полицмейстером, у него все на своих местах днем и ночью; на каждый ленте улице стоит городовой. Как в города, так и в слободах порядок установлен. А Масловская не обращала на это внимания. Когда в магазин трижды воруют товар, а входы не открыты, Масловская сказала, что торговцы сами себя должны оберегать, а полицмейстер не имеет средств и времени усмотреть всего. Да она и не могла видеть, когда агенты ее сидят в кабаках или гуляют на бульваре. У этого полицмейстера был сын балбес, ни на что не годный. Масловская определила его чиновником, вливался он в дворянство — да и солдата и содержателя барака, табунал жениться и свадьба состоялась. Это нелепая особа, видевшая воровство, что творится в кабаках, была приглашена на балы и танцевала наряду с порядочными женщинами — не находила возражений и никто не протестовал. С переменкою губернаторов сам Одинцов кое-как получал в Тургайской области место помощника уездного начальника и теперь, кажется, еще служит. Поняла, что его сын — без дела и жена оставила его, уехала с чужим мужчиной, дававшим ей средства на жизнь, которых не было у мужа.

Надобно еще сказать, что молодой не получал от отца ни расхвал — воровал, что можно было. Мне передавал чиновник ... (6), ходивший с губернатором по равнине, где был почтенный молодой Одинцов. Последний во время ночлега украл у него золотые часы. Этот господин, ставший из товарищами — Зангбуш, сын бывшего губернатора и казанского атамана, Кузнецкий, сын секретаря горюдской думы, имевший хорошие средства и Лобусович, сын подполковника, служившего комендантом на станции Оренбургской

железной дороги - образовали товарищество и промышленники, где могли, но преимущественно у сына. Зенбуш украл у матери часы и другие вещи, спрятал их под деревянный подъезд и крыльцо квартиры матери. Когда опасилась кража - искала, но ничего не находила, но кто-то из прислуги заметил, что молодой Зенбуш что-то копал или прятал под мост у подъезда; стали копать и там нашли все пропавшие вещи. Но тогда еще не обнаружены были поступки всей шайки, они открылись случайно. Кузнецкий, ходивший в дом к чиновнику Крыленко, занимавшемуся хлебной торговлей, видел у нас золотые вещи и знал, куда они кладут. Вечером, в позднюю осень, когда ночи темны, а хозяева были в клубе, забрался к ним в квартиру и выкрал вещи и настолько был глуп, что осмотревшись из коридора комнаты, переодетый и загримированный, пристально следил за мною и смеялся. Прислуга убедилась, что это был Кузнецкий, и когда открылась кража, сказала, что в числе воров был гость, часто посещавший хозяев. Следователь пошел по этому указанию и Кузнецкий сознался, что он украл вещи, продал, а деньги прогулял с товарищами Одинцовым и Зенбушем. Происходило дело и Кузнецкий был сослан в Сибирь. Там жалко показалось не по вине, он заявил властям, что кражу сделал вместе со своими друзьями, но при следствии в Оренбурге не обвинили. Началось дело. Обе содержались в тюрьме, но суд не обвинил их. Одинцова, как говорили, просил следователя прекратить дело, и отец его за проступок его выпорот его розгами на славу, и плакал, когда не последовало. Этот человек служил у губернатора и был приглашаемым на балы вместе с женою, взятою из бардака, зато и оставлено чистое от разврата. Мадон Маслюковец желала иметь всю семью Одинцовых у себя и муж ничего не мог сделать.

Зенбуш, прежде отпущения его, служил у меня, как предводитель дворянства писцом, но без полномочия. Мать упростила председателя Казенной Палаты Алек. Ефим. Воронинцов принять его к себе на службу - из уважения и в памяти отца, бывшего губернатором. Зенбуш был помещен на штатную должность с жалованьем, но когда обнаружилось воровство, и хотя в первый раз о нем только говорили и в дело не вводили, новый управляющий Палатою Андрейка уволил Зенбуша в отставку по прошению. После

оказался на дочери подполковника Лобысовича, уехавшей вместе матери (тогда уже умершей) в Екатеринбургскую губернию, где и теперь, вероятно, находится. У отца его была земля в 2 т. дес. под г. Уфой, данная на льготных условиях, но успел спустить это имение за долги, а материнское имение уцелело, но теперь вред им у него в руках. К составу этой партии принадлежал юноша, сын сказанного выше Лобысовича, вступившего в Оренбурге начальником генерал-лейтенанта Лобысовича; начинал учиться впаде, был даже в Павловском корпусе по заслугам деда, но с первого класса уволенный из корпуса, поступил в С.-Петербургское юнкерское училище, но и там курса не окончил. И я не помню, куда он уехал из Оренбурга, но офицером не был. Зинбулы тоже был в этом корпусе, или царскосельском лицее, исключенный оттуда, был в Оренбургском Николаевском кадетском корпусе, но при всем снохождении директора Феофила Матвеевича Самца из 2-го класса выгнан за неуспеваемость. Кузнецкий и Одинцов учились в Оренбургской гражданской гимназии, исключены из низших классов. Таковы были в Оренбурге дети главных начальников и представителей интеллигенции, все зависело от воспитания, но оно было в пренебрежении у родителей их, любивших светскую жизнь и оставлявших детей на попечение прислуги.

С другой стороны Масловцев показан себе не в благоприятном отношении в глазах общества. Служа прежде в Оренбурге как молодой офицер, он сблизился с тогдашними представителями интеллигенции - людьми со средствами. Эмансипация сильно потрясла благосостояние здешних крупных помещиков, многие из них пообеднели, и спустилось низою свою жизнь в нравственном отношении, особенно Цюлковские, дети генерала, первого по назначению командующего башкирским войском. Ума у них было достаточно, но они поставили себе много. Старший, Виталий Станиславович, начинавший службу в кавалерии, привез в Оренбург отставным поручиком, устроился на должности Уездного Председателя, имея 50-70 душ крестьян. Жил широко, но не собственными доходами, а посторонними средствами, не всегда честно приобретаемыми. Брат его, Николай Станиславович, отставной коллежский регистратор, выпущенный с этим из бывшего Николаевс-

кого военного училища, а ныне кадетского корпуса, никуда на коронной службе не служил. Был женат на вдове «дворянского советника Пучкина, бывшего президентом канцелярии у его отца, а потом вице-губернатора. В советстве этом Масляковец подружился со всеми и общался на «ты». С омановщицей оно окончательно объединили, у старшего осталось центовый участок земли в 40 дес., но он ударивался на должности Уездного Председателя дворянства. Жил хорошо, как после выженилось, на сиротском суем, доверенные ему, как Председателю дворянства, находил возможным приобретать кое-что от исправления почтовых дорог и мостов и другими оборотами, вроде градоначальника-губернатору Бодаку владенный слове 2 т. бревен по 2 р. за каждое, накупленных им в с. Спасском за половинную цену: афирствовал и другим. В голодный год выпросил на крестьян 2т.руб., деньги оставил у себя и за это был предан суду и не дожидая окончания дела, умер в бедности, живя в слободе. А раз взятый за буйство с уездом в часть, где прожил ночь. Другой брат, Николай Станиславович, получивший место мирового посредника, имел лишкование содержания, но оно было далеко не достаточно ему. Собственное его имение 800 дес. земли пошло задаром, он брал из сиротского суем в слове 4 т.р. под залог 400 дес., но по беспечности залочной не совершил, тогда брал деньги из слезы. Председатель дворянства был его родной брат, при помощи которого он взял крупную сумму, а платить довелось при Шотте. На торгах предложенная цена не покрывала долга, назначили всю землю. Царковский устроился продать кому-то из подставных, а потом успел продать крестьянам по 5руб., осталось у него около 3 т.р. Деньги прожил в Оренбурге, заведя дружбу с флигель-адъютантом графом Борзом и другими из высшей интеллигенции - давал им обеды, завтраки и вечера с карточной игрою, копил в несколько месяцев. На месте мирового посредника брал деньги у богатых крестьян в виде займа, потом занимал им за сыновей рекрут, и тут имел доход. Наконец, в голодный год (1863 г.) продал у крестьян скот на уплату сданной недоимки, деньги взял себе, продавая у себя несколько времени, выграден в виду нехотого дела взять у других лиц, внес их в казначейство от имени старшины, а от него взял расписку, что вырученные за скот даны

ле последний получил от него, Цюлковского. Был судим за это в бывшей Оренбургской Уголовной палате и оставлен в подозрении. За такое продался по постановлению губернского присутствия уволен от должности мирового посредника; причина была приведена другая - сокращение мировых участков. Состоя на должности мирового посредника, он позволял крестьянам крестьянам прибрежных селений воровать во время спада частного К. Лебедева и Батыкина воровать лес, не дозволяя делать у них обыска. Когда он был уволен от должности, остался без средств к жизни и в этом положении находился: поступил в службу компании, сплавлявшей лес и зорко следил за целостностью леса; вносимые в кражу леса были открываемы. Получил с компанией 1500 р. и гл до самой своей смерти. Этим человеком Масляковец принял как товарища, говорили друг другу ты, позволял в первое же лето уехать Масляковца к матери сестры своей Огальной, где был сам хозяином, познакомил со своей женою, бывшею дворовою девицею. От такой близости к губернатору последний ронял свое положение, а Цюлковский вытравив, подчинив себе милицию полиции, которой не могла ничего сделать в его небольшом хуторе, а сам властвовал повсюду. Прими такой случай: губернский врач инспектор ... (7) в одном из заседаний в Губернском Правлении, где я был как Губернский Председатель докторства, заявляет, что Цюлковский не пустил к себе на хутор особую комиссию из ветеринара с понятными свидетелями его скот, угрожал застрелить кто бы то ни был, если перейдут между его владения. Инспектор был встревожен таким случаем, а я предостерег его - ничего не будет, кончится ничем. Цюлковский выходил сухим не из таких дел. Приходит губернатор Масляковец и говорит, что Цюлковский приезжал с жалобой на ветеринаров, что они разносят чумную заразу. Были у него и он не пустил, вставил - и хорошо сделал - заявил им: вы сейчас свидетелями большую скотину. - Ответ: да. - Чума сообщается чрез соприкосновение, как же вы в этой легкой одежде идете ко мне на скотный двор, где никогда не было чумной одежды. Переоденьтесь в чистое платье и тогда прощу покорно, а теперь не прощу, собственность мне дорога. Писемались - ловко обделал - и кто-то добавил, что когда один ветеринар приказал убить скотину, то крестьянин, испол-

ние это, приходит к нему и говорит: «я убил тебя, голодный, ты ведь сам говорил - кто прикасался к чужинному скоту, должен быть убит».

Масловцев всегда для ревизии губернии ездил сам. Виде-губернатор Ломачевский оставался в Оренбурге, но он ничего не видел или не хотел и управление его было на письме. Наступивший в 1891 г. голод в губернии показал недостатки и слабую сторону его правления. Одновременно много [них] собралось; не знали, где нет хлеба и сколько голодных. Спешная закупка хлеба на продовольствие и на посев делалась на месте. Хлеб трудно было доставить в зауральские уезды Челябинский, Троицкий и Биренуральский. И частные корреспонденты в Петербург поштучно его половежи. В 1891 г. Масловцев сопровождал Государя Императора Николая II, тогда еще наследника престола, во время проезда его [по] Оренбургскому войску границ Сибирь до Уральских предделов; приобрел расположение Его Величества и 30 августа был произведен в генерал-лейтенанты, но не мог оставаться на месте. Получив предложение от министра внутренних дел Дурново и военного министра Ванновского, оставил место; последний предлагал ему остаться при министерстве; но, обдумав хорошенько, решил выйти в отставку и получить хорошую пенсию, чтобы оставаться на службе на личном содержании и получать такую же пенсию.

В отношении кадров Оренбургского войска Масловцев был справедлив тем, что отрывавшиеся должности предоставлял способным и деловым офицерам казачьего сословия; поступившие из регулярной службы не пользовались преимуществом, как было при генерал-адъютанте Крыжановском, который устроил в отставку 5 полковников для того, чтобы предоставить места полковому командиром рекомендуемым ему лицам единственно для подтверждения связи связей (8).

⁸ В. Масловцев, «Из воспоминаний о службе в Оренбургском войске», *Оренбургский край*, 1900, № 10, с. 1-2; *Оренбургский край*, 1900, № 10, с. 1-2; *Оренбургский край*, 1900, № 10, с. 1-2.

⁹ Т. Восток называется иначе так. Масловцев писал по отношению Масловцев, то Масловцев, в казачьем войске служил он офицером, это извещают.

— 2. Вспомогательным содержанием, вероятно, чужеземном, типичным для рукописей к печати.

— 3. Масловский Пимоний Александрович (1853—3.2.1908) — Оренбургский губернатор 1884—1891. Из дворян Челябинский губ. Окмичин Самарский казачий корпус, дворянский тайн, в 1875 — Псковской Академии генерального Штаба. В 1880 — в Оренбургском Охотничьем корпусе. Служил крупным офицером, как член комиссии по военным наукам. С 1862 переведен в Уланск, назначенным особым порученным при назначении атаманом В.Д.Долковым. Член комиссии для разграничения земель войска Долковым, казачьей ревизор. Назначенным членом казачьему устройству войска Долковым. С 1873 член комитета по переселению казачьих полкований при Главном управлении регулярных войск. С 1875 назначен на должность атамана войска Д.Долковым по гражданской части. С 1884 губернатор Оренбуржья и казачий атаман ОКВ. Ученый Оренбургской Уездной Академической комиссии (ОАК), ее почетный член. В 1891 вышел в отставку. Окончил в 1894, вышел на службу в распоряжение военного министра и с назначением по Генеральному Штабу. Вышел в отставку в 1906 в чине генерал-от-инфантерии.

— 4. В рукописи отмечено место для фамилии, но она не вписана.

— 5. Перечислено было написание «бортны», употреблено заголовка на «бортны».

— 6. Фамилия пропущена в рукописи.

— 7. Пропущен в рукописи.

— 8. «С другой стороны Масловский не только нарушить себя казенными бракованными листами и предоставлять им открытостью должности» (прим. в тексте данного содержания рукописи).

XV.

1.х. ЕРМОЗ.

(1892-1899 гг.)

После генерала Масловского назначен был Оренбургским губернатором и казачьим атаманом Оренбургского казачьего войска генерал-майор Владимир Иванович Ершов. (1) Родом из простых, старинный дворянин, начинавший военную службу, был отличен от других пожалованиями фельдъ-

адъютанта Его Величества Александра II. Потом, оставивший военную службу, жил в подмосковном родовом имении. Дворянством был избран Подольским Уездным Предводителем дворянства и, наконец, Московским Губернским Предводителем. Но в этой должности пробыл не более года, получил назначение в Оренбург. Это был человек резко отличающийся от своего предместника, высокого роста с более мягкими приемами в обращении и умением держать себя. Верхом на коне был молодцом. Так если поставить их рядом с Масловоцем, последний стушевался бы с ним по росту, своим приемам и по своему виду - он пришел бы под рукую Еришова, если последний протянул бы руку приветно, и в нем был виден человек, живший в высшем кругу. Жена его, Елена Михайловна, урожденная Леонова (2), Владимирской губерния. Родной брат ее служил по выбору дворян Губернским Предводителем дворянства. По происхождению скромная и выдержанная, не может быть в сравнении с женою Масловоца, природною немало высокого роста, здоровое по телу, даже толстая - Елизавета была в греческой героине (3). Круг знакомства был резко различен у той и другой. У Еришовой дамы лучший оренбургского общества, а у последней достаточно было знакомых из круга среднего, вроде Евд. Дмит. Целковской, Марии Ивановны Миссодовой. Еришова устраивала балы и танцевальные вечера для хорошего общества, после допускали разделение на двое. Казачья барыня мало принята в высшему кругу, собиралась в казачьему кругу, а прочие особа; и на последних были гонды. Мадам, любившая играть в карты, собирала картонные вечера. Муж ее вовсе не играл в карты, танцевальные вечера устраивались институтках с подбором таких же кавалеров. После танцев ужинали, других развлечений для общества не было. Во все время управления Масловоца был один бал в первый год его вступления в должность. Еришова настолько была любима, что первая обходилась с визитом казачьих дам. Напротив, Масловоц приехала с одной генеральшею Черновой, на приезде ее в Оренбург за смертью своего мужа, занимавшего в Петербурге место помощника начальника главного управления казачьих войск, резко выделявшегося пред своими товарищами в служебном положении. Насколько любима была Еришова, настолько отстал от нее муж ее. Первым

визитов казакам не делал, за мне приходил наизгнуне войскового правителя Великому-юенна Георгия - чрез 4 месяца, а друими сдвляя эту часть чрез год и более. Возникало, что имлет мало свободного времени, но генералов хотя и отставных, а таких нас было 6 человек, посетил всех. Это одна сторона его системы управления. О прочем много не могу сказать. Находясь в отставке, и прекратив военные дела, я не имел случая и надобности обращаться к нему, но по общим отзывам он отличался большою строгостию и держал всех в порядке. Город Оренбург обаян ему много ее благоустройств, порядка было больше, разгута и пьяные толпы удалялись на окраины города. Низшие полицейские чины были под рукою у каждого нуждающегося в их помощи. Несколько раз я был приглашаем в Комитеты по разным вновь возникающим предметам. При обсуждениях Владимир Иванович показывал себя знающим дело управлением, которое близко изучил, будучи Уездным и Губернским Предводителем дворянства. Указание то же делал улучшениям, увольня старым, замещавших на местах чиновников и заменяя их молодыми.

К О Н Е Ц [4]

1. Трое Владимир Иванович — (21.7/2.8) 1844 (Московский губ.) — 4.7(16) 3. 1891 (Париж) — генерал-майор, Оренбургский губернатор, членской атаман ОКВ в 1892-1894 гг. Из старшей дворянской семьи Московской губ. Окончил Барнаульский университет с золотой медалью, получил степень доктора юридических наук. По окончании курса в 1866 поступил на службу юнкер-офицером в 1865-пехотный Гусарский полк, в 1867 — капитан, 1870 — подполк., 1872 — штабс-ротмистр, 1875 — ротмистр. Тогда же окончил академика Е.И.В. в 1877 — флигель-адъютант Е.И.В. В марте 1877 — капитаном, август-сентябрь — командир 1-го батальона Западного отряда на турецкой войне. За боевые отличия (12.8.9 1877) награжден орденом Св.Владимира 4-ст с мечом и бантом, за героизм через Балканы — орденом Св.Анны с мечом 2-й ст. В мае 1881 назначен командиром Заблужарского Пехотного полка Е.И.В. вышел с отставлением в чине флигель-адъютанта 1-го класса 1882. Ветеран 1884 — 1890 — Польский

(Московский губ.) уездный предводитель дворянства, с 1887 - генерал-майор. 1896-1897 - Московский губернский предводитель дворянства. 21.1.1892 назначен Оренбургским губернатором и командиром Окре. К исполнению обязанностей приступил с марта. Дома в губернии институт жюльен, парикмахер, актеры (подарены) жюльен учреждения. Участвовал в организации и проведении выборов гласных 1897. Народно-просветительское Собрание 1-го ст. (1895) в Св. Владимир 2-й ст. (1899). Почетный член 2-й степени и 3-й степени Окре, почетный староста Оренбургского общества Успенского Кв.

2. Фамилия в рукописях присутствует, названия писаны простым карандашом.

3. Слово написано карандашом.

4. Слово написано простым карандашом, одним и тем же карандашом.

1-й	1895-1896	1896-1897	1897-1898	1898-1899	1899-1900	1900-1901	1901-1902	1902-1903	1903-1904	1904-1905	1905-1906	1906-1907	1907-1908	1908-1909	1909-1910	1910-1911	1911-1912	1912-1913	1913-1914	1914-1915	1915-1916	1916-1917	1917-1918	1918-1919	1919-1920	1920-1921	1921-1922	1922-1923	1923-1924	1924-1925	1925-1926	1926-1927	1927-1928	1928-1929	1929-1930	1930-1931	1931-1932	1932-1933	1933-1934	1934-1935	1935-1936	1936-1937	1937-1938	1938-1939	1939-1940	1940-1941	1941-1942	1942-1943	1943-1944	1944-1945	1945-1946	1946-1947	1947-1948	1948-1949	1949-1950	1950-1951	1951-1952	1952-1953	1953-1954	1954-1955	1955-1956	1956-1957	1957-1958	1958-1959	1959-1960	1960-1961	1961-1962	1962-1963	1963-1964	1964-1965	1965-1966	1966-1967	1967-1968	1968-1969	1969-1970	1970-1971	1971-1972	1972-1973	1973-1974	1974-1975	1975-1976	1976-1977	1977-1978	1978-1979	1979-1980	1980-1981	1981-1982	1982-1983	1983-1984	1984-1985	1985-1986	1986-1987	1987-1988	1988-1989	1989-1990	1990-1991	1991-1992	1992-1993	1993-1994	1994-1995	1995-1996	1996-1997	1997-1998	1998-1999	1999-2000	2000-2001	2001-2002	2002-2003	2003-2004	2004-2005	2005-2006	2006-2007	2007-2008	2008-2009	2009-2010	2010-2011	2011-2012	2012-2013	2013-2014	2014-2015	2015-2016	2016-2017	2017-2018	2018-2019	2019-2020	2020-2021	2021-2022	2022-2023	2023-2024	2024-2025	2025-2026	2026-2027	2027-2028	2028-2029	2029-2030	2030-2031	2031-2032	2032-2033	2033-2034	2034-2035	2035-2036	2036-2037	2037-2038	2038-2039	2039-2040	2040-2041	2041-2042	2042-2043	2043-2044	2044-2045	2045-2046	2046-2047	2047-2048	2048-2049	2049-2050	2050-2051	2051-2052	2052-2053	2053-2054	2054-2055	2055-2056	2056-2057	2057-2058	2058-2059	2059-2060	2060-2061	2061-2062	2062-2063	2063-2064	2064-2065	2065-2066	2066-2067	2067-2068	2068-2069	2069-2070	2070-2071	2071-2072	2072-2073	2073-2074	2074-2075	2075-2076	2076-2077	2077-2078	2078-2079	2079-2080	2080-2081	2081-2082	2082-2083	2083-2084	2084-2085	2085-2086	2086-2087	2087-2088	2088-2089	2089-2090	2090-2091	2091-2092	2092-2093	2093-2094	2094-2095	2095-2096	2096-2097	2097-2098	2098-2099	2099-2100	2100-2101	2101-2102	2102-2103	2103-2104	2104-2105	2105-2106	2106-2107	2107-2108	2108-2109	2109-2110	2110-2111	2111-2112	2112-2113	2113-2114	2114-2115	2115-2116	2116-2117	2117-2118	2118-2119	2119-2120	2120-2121	2121-2122	2122-2123	2123-2124	2124-2125	2125-2126	2126-2127	2127-2128	2128-2129	2129-2130	2130-2131	2131-2132	2132-2133	2133-2134	2134-2135	2135-2136	2136-2137	2137-2138	2138-2139	2139-2140	2140-2141	2141-2142	2142-2143	2143-2144	2144-2145	2145-2146	2146-2147	2147-2148	2148-2149	2149-2150	2150-2151	2151-2152	2152-2153	2153-2154	2154-2155	2155-2156	2156-2157	2157-2158	2158-2159	2159-2160	2160-2161	2161-2162	2162-2163	2163-2164	2164-2165	2165-2166	2166-2167	2167-2168	2168-2169	2169-2170	2170-2171	2171-2172	2172-2173	2173-2174	2174-2175	2175-2176	2176-2177	2177-2178	2178-2179	2179-2180	2180-2181	2181-2182	2182-2183	2183-2184	2184-2185	2185-2186	2186-2187	2187-2188	2188-2189	2189-2190	2190-2191	2191-2192	2192-2193	2193-2194	2194-2195	2195-2196	2196-2197	2197-2198	2198-2199	2199-2200	2200-2201	2201-2202	2202-2203	2203-2204	2204-2205	2205-2206	2206-2207	2207-2208	2208-2209	2209-2210	2210-2211	2211-2212	2212-2213	2213-2214	2214-2215	2215-2216	2216-2217	2217-2218	2218-2219	2219-2220	2220-2221	2221-2222	2222-2223	2223-2224	2224-2225	2225-2226	2226-2227	2227-2228	2228-2229	2229-2230	2230-2231	2231-2232	2232-2233	2233-2234	2234-2235	2235-2236	2236-2237	2237-2238	2238-2239	2239-2240	2240-2241	2241-2242	2242-2243	2243-2244	2244-2245	2245-2246	2246-2247	2247-2248	2248-2249	2249-2250	2250-2251	2251-2252	2252-2253	2253-2254	2254-2255	2255-2256	2256-2257	2257-2258	2258-2259	2259-2260	2260-2261	2261-2262	2262-2263	2263-2264	2264-2265	2265-2266	2266-2267	2267-2268	2268-2269	2269-2270	2270-2271	2271-2272	2272-2273	2273-2274	2274-2275	2275-2276	2276-2277	2277-2278	2278-2279	2279-2280	2280-2281	2281-2282	2282-2283	2283-2284	2284-2285	2285-2286	2286-2287	2287-2288	2288-2289	2289-2290	2290-2291	2291-2292	2292-2293	2293-2294	2294-2295	2295-2296	2296-2297	2297-2298	2298-2299	2299-2300	2300-2301	2301-2302	2302-2303	2303-2304	2304-2305	2305-2306	2306-2307	2307-2308	2308-2309	2309-2310	2310-2311	2311-2312	2312-2313	2313-2314	2314-2315	2315-2316	2316-2317	2317-2318	2318-2319	2319-2320	2320-2321	2321-2322	2322-2323	2323-2324	2324-2325	2325-2326	2326-2327	2327-2328	2328-2329	2329-2330	2330-2331	2331-2332	2332-2333	2333-2334	2334-2335	2335-2336	2336-2337	2337-2338	2338-2339	2339-2340	2340-2341	2341-2342	2342-2343	2343-2344	2344-2345	2345-2346	2346-2347	2347-2348	2348-2349	2349-2350	2350-2351	2351-2352	2352-2353	2353-2354	2354-2355	2355-2356	2356-2357	2357-2358	2358-2359	2359-2360	2360-2361	2361-2362	2362-2363	2363-2364	2364-2365	2365-2366	2366-2367	2367-2368	2368-2369	2369-2370	2370-2371	2371-2372	2372-2373	2373-2374	2374-2375	2375-2376	2376-2377	2377-2378	2378-2379	2379-2380	2380-2381	2381-2382	2382-2383	2383-2384	2384-2385	2385-2386	2386-2387	2387-2388	2388-2389	2389-2390	2390-2391	2391-2392	2392-2393	2393-2394	2394-2395	2395-2396	2396-2397	2397-2398	2398-2399	2399-2400	2400-2401	2401-2402	2402-2403	2403-2404	2404-2405	2405-2406	2406-2407	2407-2408	2408-2409	2409-2410	2410-2411	2411-2412	2412-2413	2413-2414	2414-2415	2415-2416	2416-2417	2417-2418	2418-2419	2419-2420	2420-2421	2421-2422	2422-2423	2423-2424	2424-2425	2425-2426	2426-2427	2427-2428	2428-2429	2429-2430	2430-2431	2431-2432	2432-2433	2433-2434	2434-2435	2435-2436	2436-2437	2437-2438	2438-2439	2439-2440	2440-2441	2441-2442	2442-2443	2443-2444	2444-2445	2445-2446	2446-2447	2447-2448	2448-2449	2449-2450	2450-2451	2451-2452	2452-2453	2453-2454	2454-2455	2455-2456	2456-2457	2457-2458	2458-2459	2459-2460	2460-2461	2461-2462	2462-2463	2463-2464	2464-2465	2465-2466	2466-2467	2467-2468	2468-2469	2469-2470	2470-2471	2471-2472	2472-2473	2473-2474	2474-2475	2475-2476	2476-2477	2477-2478	2478-2479	2479-2480	2480-2481	2481-2482	2482-2483	2483-2484	2484-2485	2485-2486	2486-2487	2487-2488	2488-2489	2489-2490	2490-2491	2491-2492	2492-2493	2493-2494	2494-2495	2495-2496	2496-2497	2497-2498	2498-2499	2499-2500	2500-2501	2501-2502	2502-2503	2503-2504	2504-2505	2505-2506	2506-2507	2507-2508	2508-2509	2509-2510	2510-2511	2511-2512	2512-2513	2513-2514	2514-2515	2515-2516	2516-2517	2517-2518	2518-2519	2519-2520	2520-2521	2521-2522	2522-2523	2523-2524	2524-2525	2525-2526	2526-2527	2527-2528	2528-2529	2529-2530	2530-2531	2531-2532	2532-2533	2533-2534	2534-2535	2535-2536	2536-2537	2537-2538	2538-2539	2539-2540	2540-2541	2541-2542	2542-2543	2543-2544	2544-2545	2545-2546	2546-2547	2547-2548	2548-2549	2549-2550	2550-2551	2551-2552	2552-2553	2553-2554	2554-2555	2555-2556	2556-2557	2557-2558	2558-2559	2559-2560	2560-2561	2561-2562	2562-2563	2563-2564	2564-2565	2565-2566	2566-2567	2567-2568	2568-2569	2569-2570	2570-2571	2571-2572	2572-2573	2573-2574	2574-2575	2575-2576	2576-2577	2577-2578	2578-2579	2579-2580	2580-2581	2581-2582	2582-2583	2583-2584	2584-2585	2585-2586	2586-2587	2587-2588	2588-2589	2589-2590	2590-2591	2591-2592	2592-2593	2593-2594	2594-2595	2595-2596	2596-2597	2597-2598	2598-2599	2599-2600	2600-2601	2601-2602	2602-2603	2603-2604	2604-2605	2605-2606	2606-2607	2607-2608	2608-2609	2609-2610	2610-2611	2611-2612	2612-2613	2613-2614	2614-2615	2615-2616	2616-2617	2617-2618	2618-2619	2619-2620	2620-2621	2621-2622	2622-2623	2623-2624	2624-2625	2625-2626	2626-2627	2627-2628	2628-2629	2629-2630	2630-2631	2631-2632	2632-2633	2633-2634	2634-2635	2635-2636	2636-2637	2637-2638	2638-2639	2639-2640	2640-2641	2641-2642	2642-2643	2643-2644	2644-2645	2645-2646	2646-2647	2647-2648	2648-2649	2649-2650	2650-2651	2651-2652	2652-2653	2653-2654	2654-2655	2655-2656	2656-2657	2657-2658	2658-2659	2659-2660	2660-2661	2661-2662	2662-2663	2663-2664	2664-2665	2665-2666	2666-2667	2667-2668	2668-2669	2669-2670	2670-2671	2671-2672	2672-2673	2673-2674	2674-2675	2675-2676	2676-2677	2677-2678	2678-2679	2679-2680	2680-2681	2681-2682	2682-2683	2683-2684	2684-2685	2685-2686	2686-2687	2687-2688	2688-2689	2689-2690	2690-2691	2691-2692	2692-2693	2693-2694	2694-2695	2695-2696	2696-2697	2697-2698	2698-2699	2699-2700	2700-2701	2701-2702	2702-2703	2703-2704	2704-2705	2705-2706	2706-2707	2707-2708	2708-2709	2709-2710	2710-2711	2711-2712	2712-2713	2713-2714	2714-2715	2715-2716	2716-2717	2717-2718	2718-2719	2719-2720	2720-2721	2721-2722	2722-2723	2723-2724	2724-2725	2725-2726	2726-2727	2727-2728	2728-2729	2729-2730	2730-2731	2731-2732	2732-2733	2733-2734	2734-2735	2735-2736	2736-2737	2737-2738	2738-2739	2739-2740	2740-2741	2741-2742	2742-2743	2743-2744	2744-2745	2
-----	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	---

СОДЕРЖАНИЕ

От издателя	3
Предисловие	4
И.И. Неплюев (1742-1757)	16
О.А. Игальстрем (1764-1792, 1796-1798)	20
Н.Н. Баженов (1799-1803)	21
Г.С. Волковский (1803-1817)	22
П.Х. Эссен (1817-1830)	34
О.Л. Сушенин (1830-1835)	53
В.А. Перовский (1833-1842)	58
В.А. Обручев (1842-1851)	91
В.А. Перовский (1851-1857)	106
А.А. Катенин (1858-1860)	162
А.Л. Бездя (1860-1864)	175
Н.А. Крыжановский (1864-1881)	204
К.Н. Соболев (1881-1884 гг.)	234
Н.А. Масляков (1884-1891 гг.)	254
В.А. Грыза (1893-1899 гг.)	264

Издательство «Оренбургская губерния»

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

«1743» # 1 - 6

1743

6

В БИБЛИОТЕКЕ

альманаха «1743» выходит:

И.Г. АКУЛИНИН

Оренбургское казачье войско
в борьбе с большевиками

И.Г. Пьянков

«ЭПИЗОДЫ НА КРАЕ ИМПЕРИИ»

выходит:

Анатолий Прусс

«ПРОЙТИ ПО СТАРОМУ ГОРОДУ...»

Дмитрий Сафонов

«НАЧАЛО ОРЕНБУРГСКОЙ ИСТОРИИ»

«ЗАПИСКИ НЕПЛОХОВА» -

репринтное издание

Дмитрий Сафонов

ПЕРИОДИКА ОРЕНБУРГСКОГО КРАЯ
Первые сто лет.

Дмитрий Сафонов

«ЦИГЛАНГ. Легенда и реальность»

По поводу приобретения книг и подписки на альманах для
альманаха и библиотеки

тел. 8922-533-8922

e-mail: orenburg@yandex.ru

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ КАЗАЧЕСТВА

В издательстве продолжается работа над энциклопедией «Казачество Оренбургского края».

Вам материалы или данные на написание статей просим присылать на электронный адрес: enpnet@tamboer.ru

«ОБЩЕСТВО ЛЮБИТЕЛЕЙ ИСТОРИИ ОРЕНБУРГСКОГО КРАЯ»

при альманахе «1743»

Чтобы одновременно и по самой низкой цене получить Альманах «1743» и книги «Библиотеки», мы предлагаем нашим читателям вступить в «Общество любителей истории Оренбургского края», которое создается при «1743».

Стать членом Общества очень просто: надо приобрести или оставить заявку на один из выпусков альманаха «1743» или книгу «Библиотеки».

О своем желании вы можете сообщить нам по телефону e-mail, или с указанием предпочтительной обратной связи.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

1743

**«Общество любителей истории
Оренбургского края»**

ЧЛЕНСКИЙ БИЛЕТ

тел. 8950 1860 502

тел. 8922 533 6922

e-mail: orennet@rambler.ru

Литературно-художественно-публицистический журнал

Книга на обмен

У многих из нас есть редкие книги и альбомы, связанные с историей Оренбургского края.

У некоторых из нас есть книги вышедшие маленькими тиражами и посвященные истории деревни, завода, частным воспоминаниям. Одним словом книги, которые не имеют массового читателя, но без которых зачастую невозможно обойтись ученому, публицисту, историку, краеведу.

«Виртуальный книжничий магазин 1743» предлагает информировать нас о таких изданиях, их стоимости и количестве экземпляров.

При заказе покупателя БСМ -1743- сообщит вам о нем и поможет совершить куплю-продажу.

До заказа на покупку книги остаются у продавца.

Также можно оставить заявку на поиск конкретной книги.

Заказ принимается по электронному адресу **izdatelstvo@bsm1743.ru**

или телефону **2950 1860 502**

